Г. Д. САНЖЕЕВ

СОВРЕМЕННЫЙ МОНГОЛЬСКИЙ ЯЗЫК

ЯЗЫКИ ЗАРУБЕЖНОГО ВОСТОКА И АФРИКИ

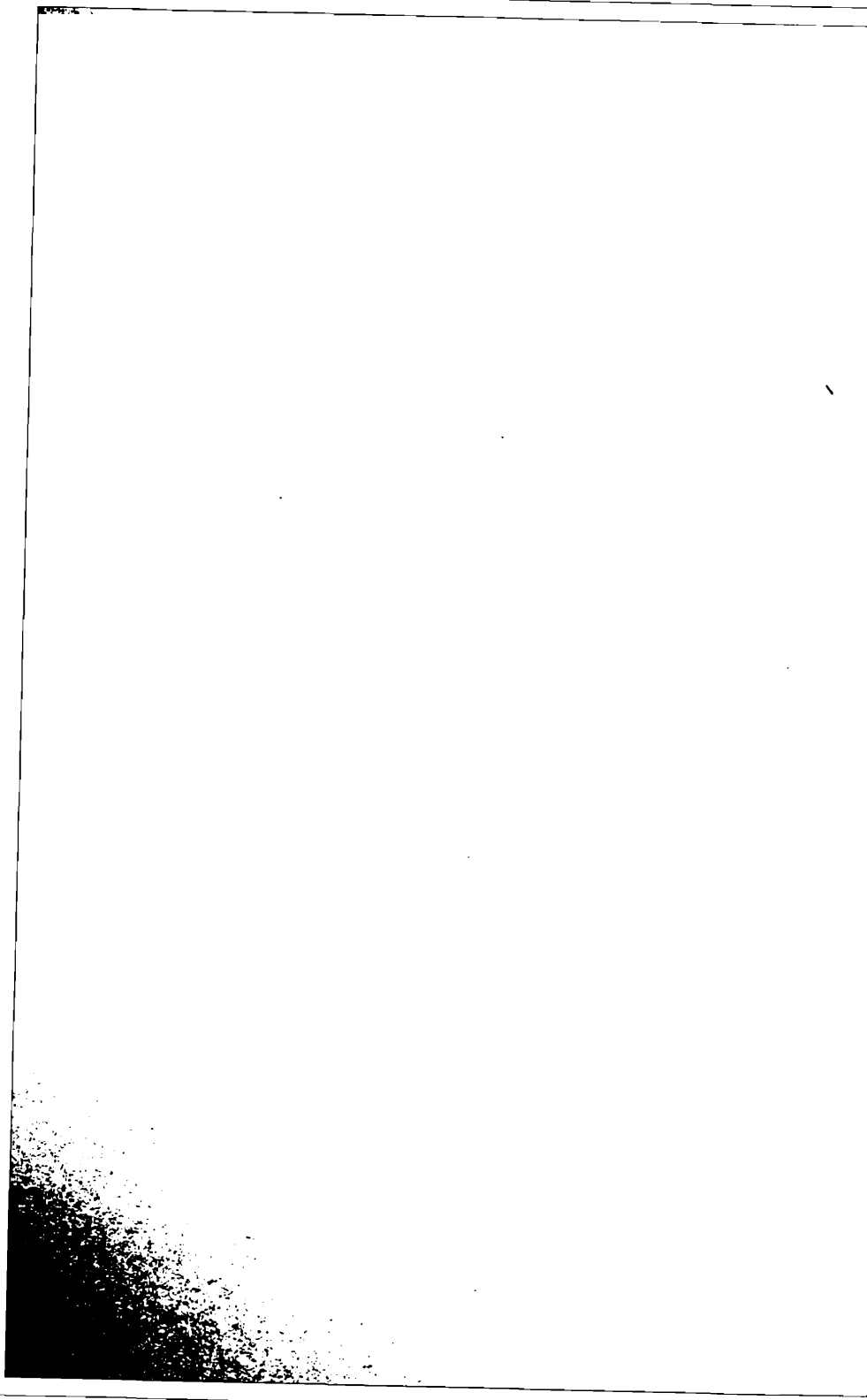
Под общей редакцией
проф. Г. П. Сердюченко

Г. Д. САНЖЕЕВ

СОВРЕМЕННЫЙ МОНГОЛЬСКИЙ ЯЗЫК

издание второе
исправленное

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва
1960

ОТ РЕДАКЦИИ

Предлагаемая читателю работа Г. Д. Санжеева «Современный монгольский язык» входит в серию очерков по языкам зарубежного Востока и Африки, публикуемую Институтом народов Азии Академии наук СССР.

Отдельные очерки посвящены характеристике языковых групп, как, например, «Языки Индии, Пакистана, Цейлона и Непала», «Иранские языки», «Языки Юго-Восточной Азии», «Монгольские языки и диалекты Китая», «Языки Африки» и др.

В большей части очерков, как и в данном, описываются конкретные живые языки различных стран Азии и Африки: арабский, амхарский, турецкий, уйгурский, персидский, пушту (афганский), фарси-кабули, белуджский, курдский, хинди, урду, маратхи, ассамский, телугу, тамильский, малаялам, китайский, чжуанский, тибетский, тайский (сиамский), бирманский, вьетнамский, кхмерский, индонезийский, тагальский (на Филиппинах), японский, корейский, зулу, суахили, луганда, хауса и ряд других, а также языки прошлого, сыгравшие большую культурно-историческую роль в жизни народов Востока: египетский, санскрит, пали, авестийский, среднеперсидский, древнеуйгурский и др.

Конечно, в построении каждого очерка имеются свои особенности и отступления от общей схемы, объясняемые спецификой описываемого языка и степенью его изученности. Очерки, в которых дается описание языковых групп, композиционно и по объему материала несколько отличаются от очерков, посвященных конкретным языкам.

Очерки предназначены для широкого круга языковедов — не специалистов по данному языку или группе языков, для преподавателей историко-филологических факультетов уни-

верситетов, педагогических институтов и аналогичных им высших учебных заведений, а также для студентов, изучающих восточные языки.

Учитывая возможное переиздание и тематическое расширение очерков, редакция обращается к читателям с просьбой присылать свои пожелания и замечания по адресу: Москва, Армянский пер., 2, Издательство восточной литературы, редакция серии «Языки зарубежного Востока и Африки».

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время принято считать, что монгольские языки находятся в ближайшем родстве с тюркскими языками, генетически восходя вместе с ними к общемонголо-тюркскому языку-основе. Предполагается, что последний в свою очередь произошел от гипотетически допускаемого алтайского языка-основы, к которому, возможно, восходит также общетунгусский язык, считающийся „предком" современных тунгусо-маньчжурских языков. Следовательно, согласно распространенной гипотезе, современные монгольские языки вместе с тюркскими и тунгусо-маньчжурскими составляют так называемую алтайскую семью языков[1].

Современные монгольские языки образовались и сложились на базе ряда древних диалектов некогда единого монгольского языка в результате того, что отдельные группы прежде единой монгольской народности (или множества племенных соединений) после падения империи Чингис-хана и его преемников оказались разбросанными на обширном пространстве Азии. Различные этнические группы монголов, расселившись в отдаленных друг от друга географических пунктах от Желтой реки до Волги, постепенно утратили связь между собой, не успев создать к тому времени общераспространенного литературного языка. В результате этого с течением времени и образовались современные монгольские языки[2]. Следовательно, процесс сложения последних как отдельных языков относится к сравнительно недавнему периоду — приблизительно XIV—XVI вв.

---

[1] См.: Б. Я. Владимирцов, *Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия*, Л., 1929, стр. 44—47.

[2] Подробнее см.: Г. Д. Санжеев, *Сравнительная грамматика монгольских языков*, т. I, М., 1953, стр. 5—14.

В настоящее время известны следующие более или менее изученные монгольские языки:

1) бурятский, распространенный в Бурятской АССР, Иркутской и Читинской областях; 2) ойратский, или калмыцкий, на котором говорит основное население Калмыцкой АССР, а также отдельные ойратские группы в Китайской Народной Республике (Синьцзян-Уйгурский автономный район и др.), в Монгольской Народной Республике (Кобдоский аймак), около г. Пржевальска (в Киргизской ССР), а также в Оренбургской области; 3) дагурский, распространенный в Китайской Народной Республике (провинция Хэйлунцзян и автономный район Внутренней Монголии); 4) монгорский, на котором говорят монгоры, живущие в Китайской Народной Республике (провинции Цинхай, Ганьсу и др.); 5) дунсянский, распространенный в Китайской Народной Республике (провинция Ганьсу); 6) бао-аньский, на котором говорит немногочисленное монгольское население, живущее в провинциях Ганьсу и Цинхай Китайской Народной Республики; 7) могольский, распространенный в некоторых районах Афганистана, и, наконец, 8) собственно монгольский, описанию которого и посвящается настоящий очерк.

Под собственно монгольским разумеется тот язык, на котором говорит основное население Монгольской Народной Республики (халхасцы) и монгольские этнические группы автономного района Внутренней Монголии и некоторых других пунктов в Китайской Народной Республике — в общей сложности около 2,5 млн. человек.

В диалектологическом отношении монгольский язык не вполне изучен. Установлено, что он состоит из двух групп диалектов — ш и п я щ и х, распространенных преимущественно во Внутренней Монголии, и с в и с т я щ и х, на которых говорят главным образом в Монгольской Народной Республике. Основные различия между этими группами диалектов заключаются в следующем: в свистящих диалектах, например в халхаском, дархатском и некоторых других 1) имеются и свистящие и шипящие аффрикаты *дз*, *дж*, *ц* и *ч*; 2) гласный *i* древнемонгольского языка подвергается перелому; 3) непервые слоги с краткими гласными оказываются усеченными; 4) отсутствует соединительный падеж на *-лаа*; 5) отсутствует также вторая форма условного деепричастия на *-халаа*; шипящие диалекты, например ордосский, чахарский и др., характеризуются тем, что в них: 1) имеются лишь шипящие аффрикаты *дж* и *ч*; 2) гласный *i* подвергается перелому в сравнительно редких случаях;

3) непервые слоги с краткими гласными сохраняются и не подвергаются усечению; 4) имеется соединительный падеж на *-лаа*; 5) сохраняется вторая форма условного деепричастия на *-халаа<-хула*.

Впервые письменный язык у монголов сложился к концу XII и началу XIII в., причем диалектная база этого языка до сих пор неизвестна. Монголистика устанавливает три периода в развитии монгольского письменного языка.

Первый завершается к концу XIII в. и характеризуется тем, что в это время письменность использовалась главным образом в административно-государственном аппарате, хотя существовали и произведения неофициального характера, например „Сокровенное сказание монголов".

Второй период относится к XIV—XVI вв., когда письменный монгольский язык, продолжая обслуживать потребности официальной переписки, широко применялся для перевода разного рода буддийских сочинений, преимущественно с тибетского языка, в связи с чем в монгольскую лексику проникало большое количество иноязычных заимствований (см. раздел „Лексика"). В течение двух первых периодов уйгурский алфавит, который был усвоен монголами в конце XII или начале XIII в., продолжал оставаться почти неизменным, хотя почерк (рисунок знаков) слегка менялся.

Третий и очень важный период в развитии письменного монгольского языка начался примерно с конца XVI столетия и отмечается существенными изменениями в самом языке и алфавите. Старые слова и грамматические формы, ставшие уже непонятными, заменялись новыми, в лексику и грамматику проникли многочисленные народные диалектальные элементы. Из иноязычных заимствований особую роль стали играть тибетские слова. Видоизменилось и письмо: были уточнены некоторые знаки алфавита, введены дополнительные знаки для транскрипции иноязычных слов и т. д. В результате всего этого и оформился тот старописьменный язык монголов, который принято называть классическим и которым в Монгольской Народной Республике пользовались до 1945 г. (в Бурятской АССР до 1931 г.), а во Внутренней Монголии пользуются и в настоящее время. Очень важно подчеркнуть, что начало этого периода в развитии старописьменного монгольского языка относится к тому моменту, когда, во-первых, стал заметен отход друг от друга современных монгольских языков, развивавшихся из диалектов прежде единого монгольского языка; во-вторых, в ряде монгольских языков и диалектов скла-

дывалась современная фонетико-грамматическая система и, в-третьих, в области социально-экономической укреплялся феодализм и возрастала роль связанного с ним буддийского духовенства. Именно в этот период старописьменный монгольский язык становился достоянием собственно монголов, оказываясь для остальных монгольских этнических групп (бурят, ойратов и др.) на положении как бы чужого языка, хотя и понятного им.

То обстоятельство, что в третий период старописьменный монгольский язык постепенно изменялся в соответствии с изменениями в живой речи монголов (пополняясь ее элементами и формами и освобождаясь от устаревших), давало этому языку возможность успешно выполнять все функции письменного общения между носителями живой монгольской речи. Поэтому старописьменный монгольский язык не был и не является для монголов устаревшим языком, как, например, язык орхоно-енисейской письменности для современных тюркских народов.

Старомонгольский алфавит, заимствованный монголами в конце XII и начале XIII в. от уйгуров и восходящий к согдийскому, содержит ряд полифонических знаков. Так, например, согласные *д* и *т*, *г* и *х* (в словах с гласными переднего ряда), *ч* и *ц*, *дз* и *дж*, гласные *а* и *э*, *о* и *у* и *ө* и *ү* обозначаются одними и теми же буквами. Это создавало и создает некоторые трудности при пользовании письменностью, но является в то же время известным преимуществом, если принять во внимание многодиалектность монгольского языка. При таких условиях вопрос о диалектной базе литературного языка монголов и не ставился, а о диалектной принадлежности сочинения можно говорить лишь в связи с диалектной природой лексических и грамматических элементов (стилистические разнообразия и особенности, конечно, не зависели от диалектов, поскольку здесь роль играли различные литературные школы, сосредоточенные в монастырях и местных канцеляриях). Таким образом, монголы писали (во Внутренней Монголии до сих пор пишут) более или менее единообразно, но произносили написанное различно, в соответствии с фонетическими нормами того или иного диалекта. Это привело к тому, что правительство Монгольской Народной Республики в 1941 г. приняло решение ввести новый алфавит, который был создан на основе кириллицы и более точно передавал фонетические особенности современного монгольского языка. Современный монгольский литературный язык как форма национального языка монгольского народа раз-

вился на базе халхаского диалекта, на котором говорит основное население Монгольской Народной Республики и который занимает центральное положение среди местных диалектов монгольского языка. Таким образом, был положен конец вековому разрыву между письмом и живой речью.

Новый монгольский алфавит состоит из следующих 35 букв: *Аа, Бб, Вв, Гг, Дд, Ее, Ёё, Жж, Зз, Ии, Йй, Кк, Лл, Мм, Нн, Оо, Өө, Пп, Рр, Сс, Тт, Уу, Үү, Фф, Хх, Цц, Чч, Шш, Щщ, ъ, Ыы, ь, Ээ, Юю, Яя.*

Почти двадцатилетний опыт применения нового монгольского алфавита в Монгольской Народной Республике доказал его жизненность и устойчивость. Что же касается Внутренней Монголии, то там продолжает существовать старописьменная форма монгольского литературного языка [1].

ФОНЕТИКА

Как известно, монгольский язык относится к языкам агглютинативно-сингармонистического типа, поэтому в его системе особую роль играют гласные фонемы.

ГЛАСНЫЕ

Гласные современного монгольского языка (халхаского диалекта) в количественном и качественном отношении могут быть распределены по следующим группам:

1. Краткие гласные
   а) полного образования и
   б) неполного образования, или редуцированные.
2. Долгие гласные
   а) нормально долгие и
   б) сверхдолгие.
3. Дифтонги.

По месту образования эти звуки делятся на гласные заднего, среднего и переднего рядов, а по законам сингармонизма — на мужские, женские и нейтральные. В первом случае мы имеем дело с физиологической классификацией гласных, а во втором — с фонологической. Эти две классификации не должны смешиваться, хотя они и тесно связаны друг с другом.

[1] В настоящем очерке излагается грамматика современного монгольского литературного языка применительно к его новописьменной форме, как уже сказано, бытующей в настоящее время в Монгольской Народной Республике.

Кроме того, в современном монгольском языке имеются также носовые гласные, встречающиеся только в конце слова и восходящие к сочетаниям „гласный + конечный переднеязычный *н*". При произношении этих гласных, называемых иначе назализованными, мягкое нёбо опускается вяло, а воздух проходит через носовую полость и через полость рта.

Краткие гласные

В современном монгольском языке имеются следующие гласные полного образования заднего, среднего и переднего рядов: *а, о, у, ө, ү, э, и*. Они обычно встречаются лишь в первом слоге, тогда как в непервых слогах гласные являются звуками неполного образования. Можно сказать, что гласные полного образования оказываются ударными, а гласные неполного образования неударными, поскольку в монгольском языке динамическое ударение падает на первый слог.

Краткие гласные непервых слогов произносятся при крайне вялой работе органов речи, благодаря чему эти гласные не так четки и ясны на слух, как гласные первого слога, являющиеся, следовательно, фонемами полного образования. Акустически гласные непервых слогов, представляющие собой звуки неполного образования, отчасти напоминают русские гласные с ослабленной артикуляцией в словах типа „хобот", „голова", „самовар", „челядь" и т. п. Однако монгольские гласные неполного образования произносятся с еще более ослабленной артикуляцией, нежели русские неударные гласные в словах приведенного типа. В речевом потоке эти гласные, которые определяются так же как редуцированные, сильно подвержены ассимиляции в условиях действия законов гармонии гласных. Во многих случаях в зависимости от характера предыдущих или последующих звуков редуцированные гласные артикулируются столь слабо, что они при этом вообще исчезают.

Долгие гласные

В современном монгольском языке все гласные полного образования могут быть краткими, как описано выше, и долгими, которые орфографически обозначаются удвоенным написанием соответствующих гласных букв, а именно: *аа, оо, уу, өө, үү, ээ, ий(ы)*.

Долгие гласные *аа*, *оо*, *уу*, *ҮҮ* и *ээ* в качественном отношении ничем не отличаются от соответствующих кратких гласных *а*, *о*, *у*, *ү* и *э*. Что касается долгого *өө*, то это гласный среднего ряда, лабиализованный, более открытый и более задний, чем соответствующий краткий *ө* (в точной транскрипции обозначается в виде *ɔ̈*), например: *бөөр [бɔ̈:р]* 'почки', *өөрөө [ɔ̈:рɔ̈:]* 'сам', *дөрөө [дөрɔ̈:]* 'стремя', *гөөр [гɔ̈:р]* 'имущество'. Долгий *ий[ы]* в более точной транскрипции обозначается в виде *ɪ*,— нелабиализованный закрытый гласный, но более открытый, нежели соответствующий ему краткий *и*. Этот гласный в качественном отношении неоднороден: в положении после непалатализованных согласных[1], особенно в словах с гласными заднего ряда, на слух он отчасти напоминает русский *ы* ударного слога в словах типа „ды́ры" или „тыл" (поэтому орфографически передается знаком *ы*), а в положении после палатализованных согласных или в начале слова (слога)— русский *и* ударного слога в словах типа „тихий" или „мирный" (в письме орфографически передается в виде *ий*), например: *ардын [ардɪ̄н]* 'народа', *ханын [ханɪ̄н]* 'стены', *малыг [малɪ̄г]* 'скот', *ийм [ɪм]* 'такой', *хий [х'ɪ]* 'воздух', *ханийн [хан'ɪн]* 'друга' (род. пад.), *сургуулийн [сургӯл'ɪн]* 'школы'.

В количественном отношении все долгие гласные в непоследнем слоге слова являются сверхдолгими, а в последнем слоге или односложном слове—нормальнодолгими, которые, однако, могут сделаться сверхдолгими, если они в ходе словоизменения или словообразования окажутся в непоследнем слоге. Сверхдолгие гласные на слух производят впечатление русского ударного гласного эмфатического и более протяжного произношения, например в возгласах удивления: „Да нууу?", „Кааак?", „Эээто?". Нормальнодолгие же гласные акустически напоминают собой русский ударный гласный обычного, неэмфатического, произношения в словах типа „са́д", „ко́л", „на селе́", „ду́мать" и т. д. Так как сверхдолгие и нормальнодолгие гласные в фонематическом отношении не различаются, являясь позиционными вариантами одних и тех же фонем, то они в орфографии современного монгольского литературного языка одинаково обозначаются при помощи удвоенного написания соответствующих гласных букв: *хөө [хɔ̈:]* 'уголь'— *хөөгөөр [хɔ̈:гɔ̈:р]* 'углем', *хаа [ха̄]* 'где'— *хаанаас [ха̄нас]* 'откуда',

[1] Почти исключительно в окончаниях родительного и винительного падежей.

хатуу [хатӯ] 'твердый'—*хатуугаар [хатӯгаар]* 'твердо', *хоол [хōл]* 'пища'—*хоолдоо [хōлдō]* 'в пище', *ээл [ēл]* 'счастье'—*ээлтэй [ēлтē]* 'приносящий счастье'[3].

В монгольском языке долгота гласных имеет фонематическое значение, поэтому в нем многие слова и формы различаются по признаку долготы и краткости их гласных фонем, например:

бол 'будь'—*боол* 'раб';
дэр 'изголовье'—*дээр* 'наверху';
хол 'далеко'—*хоол* 'пища';
дэл 'грива'—*дээл* 'халат';
эм 'лекарство'—*ээм* 'плечо';
тэх 'козел'—*тээх* 'класть';
ул 'подошва'—*уул* 'гора';
суга 'подмышка'—*суугаа* 'сел';
эвлэ 'мирись'—*эвлээ* 'мирящийся';
олго 'выдай'—*олгоо* 'выдающий';
арга 'способ'—*аргаа* 'свой способ';
гарга 'выведи'—*гаргаа* 'выведший'.

По своему происхождению долгие гласные восходят к сочетаниям „гласный + согласный (чаще всего *б* или *г*) + гласный", основные из которых даны ниже:

аа<ага, например: *саа-<сага-* 'доить'

іга	„	*наа-<ніга-* 'клеить'
оо<ого	„	*хооронд<хогоронду* 'между'
ога	„	*тоо<тога* 'счет'
уга	„	*долоо<долуган* 'семь'
уу<агу	„	*уул<агула* 'гора'
угу	„	*уураг<угураг* 'молозиво'
ігу	„	*нуу-<нігу-* 'скрывать'
ээ<ег	„	*ээм<егем* 'плечо'
іje	„	*хэзээ<неджіje* 'когда'
іге	„	*бичээд<бічігед* 'написав'
өө<бгэ	„	*бөөр<ббгер-е* 'почки'
ӯге	„	*өргөөд<ергӯгед* 'подняв'
үү<егӯ	„	*үүд<егӯде* 'дверь'
ӯгӯ	„	*бӯдүүлэг<бӯдӯгӯліг* 'отсталый'
ігӯ	„	*шүү-<шігӯ-* 'процеживать'
ий<ігі	„	*чийг<чігіг* 'сырость'.

[3] В скобках дана транскрипция слов, причем сверхдолгота гласных обозначается знаком ^, а нормальная долгота — знаком — (над соответствующей гласной буквой). О долгом гласном $\bar{a}$, являющемся позиционным вариантом дифтонга *аĕ* (орфографически *аи*), см. в разделе о дифтонгах.

Ср. также: *дээл*<*дебел* 'шуба', *өөрийн*<*бөрөн* 'свой', *хий*<*кеі* 'воздух', *нөхий*<*некеі* 'мех', 'овчина'.

Кроме того, в односложных словах с конечным гласным последний также оказывается долгим, например: *хий*<*кі-* 'делать', *баа* (орфографически *ба*) <*ба* 'и', *таа* (орфографически *та*)<*та* 'вы', *чий* (орфографически *чи*)<*чі* 'ты'.

Однако в целом долгие гласные образовались исторически именно в результате постепенного выпадения интервокального согласного: *агула*>*аһула*>*а'ула*>*уула*>*уул* 'гора'. Но это не значит, что интервокальный согласный (*г* или *б*) всегда выпадает, в действительности довольно часто этот согласный сохраняется, а поэтому долгого гласного не образуется, например: *бага* 'маленький', *унага* 'жеребенок', *тугал* 'теленок' и т. п. Равным образом долгие гласные возникают в тех случаях, когда начальный согласный, допустим *г* какого-нибудь суффикса, при наращении его к основе изменяемого слова оказывается в интервокальном положении, например: *хара-* плюс *-гад*>*хараад* 'посмотрев', *јабу-* плюс *-га*>*яваа* 'идущий'. Если же подобные суффиксы наращиваются к основе с конечными долгими гласными, то гласные этих суффиксов становятся долгими, так сказать, самостоятельно: *суу-* плюс *-гад*>*суугаад* 'севши', *долоо-* плюс *-га*>*долоогоо* 'облизывающий'.

Дифтонги

В монгольском языке имеются дифтонги, орфографически обозначаемые на письме в виде *ай, ой, уй, үй*. Главная особенность этих звуков заключается в том, что они чаще всего оказываются полифтонгами, т. е. такими сложными сочетаниями гласных, которые постепенно переходят друг в друга и качественно неоднородны, что зависит от их позиции в слове — в первом или последнем слоге слова. Поэтому монгольские дифтонги скорее всего могут считаться долгими гласными, качественно неоднообразными в ходе своей артикуляции.

Орфографический дифтонг *ай* непоследнего слога транскрипционно можно передать в виде *ӓĕ*, а последнего слога — в виде *ӓ* (нелабиализованный открытый гласный переднего ряда, очень похожий на долгий гласный финского языка в словах типа *tääl̈ä* 'здесь'), например: *сайхан* [*сӓĕхӓң*] 'красивый', *аймаг* [*ӓĕмӓк*] 'район', 'раздел', *манай* [*манӓ*] 'наш', *арай* [*арӓ*] 'едва'. В эмфатическом произношении или пении дифтонг *ай* [*ӓĕ*] непоследнего слога также воспринимается на слух как *ӓ*.

Орфографический дифтонг *ой* можно передать в транскрипции в виде *ǒĕ* независимо от того, в каком слоге слова он встречается, причем этот звук качественно не меняется ни в обычном произношении, ни в пении, следовательно, он представляет собой особого рода долгий гласный, например: *ой* [*ǒĕ*] 'лес', *орой* [*орǒĕ*] 'поздно', *хоолой* [*холǒĕ*] 'горло'.

Если в отношении дифтонгов *ай* (непоследнего слога слова обычного произношения) и *ой* невозможно определить, являются ли они восходящими или нисходящими, поскольку их можно рассматривать как особого рода долгие гласные с качественно неоднообразной артикуляцией, то орфографические дифтонги *уй* и *үй* следует признать восходящими и в транскрипции передавать в виде *ўĭ* и *ӱĭ*, например: *уйлах* [*ўĭлăх*] 'плакать', *уйгар* [*ўĭгăр*] 'уйгур', *дуктуй* [*дуктўĭ*] 'конверт', *үйл* [*ӱĭл*] 'деяние', *хүйтэн* [*хӱĭтĕн*] 'холодный'[3].

Кроме того, имеется еще один орфографический дифтонг *эй*. Это не что иное, как долгий гласный *ē*, который на письме обозначается в виде *ээ*. Этот орфографический дифтонг встречается лишь в окончании совместного падежа или деривативных словах, производящей основой которых являются слова в форме этого же падежа (в соответствии с историко-морфологическим принципом орфографии морфем), например: *эхтэй* 'с матерью', 'имеющий мать', *үстэй* 'с волосами', 'имеющий волосы', *сүүтэй*, 'с молоком', 'имеющий молоко' (соответственно в транскрипции *ехтē*, *ӱстē*, *сӱтē*).

В немногих словах встречается восходящий дифтонг *уа*, например: (*линхуа* 'лотос', *гуалин* 'бревно', 'балка', *гуай* 'дядюшка' (форма вежливого обращения), *хуаран* 'казарма' и т. п.,— все это преимущественно слова китайского или другого иноязычного происхождения.

Сингармонизм

Описанные выше гласные современного монгольского языка по месту и характеру их образования представлены в табл. 1 (без учета позиционных вариантов и редуцированных гласных).

---

[3] В монголистике все эти дифтонги, действительные или принимаемые за таковые, считались нисходящими.

Таблица 1

КЛАССИФИКАЦИЯ ГЛАСНЫХ

Гласные	Передний ряд	Средний ряд		Задний ряд	
	нелабиализованные	нелабиализованные	лабиализованные	нелабиализованные	лабиализованные
Закрытые	*и* [*i*]	*ий, ы* [*ɪ, ɪ̄*]	*ү, үү* [*ʏ, ʏ̄*]		*у, уу* [*y, ȳ*]
Средние	*э, ээ, эй* [*e, ē, ĕ*]		*ө* [*ö*]		*о, оо* [*o, ō*]
Открытые	*ай* [*ă*]		*өө* [*ɔ̈:*]	*а, аа* [*a, ā*]	
Дифтонги		*ай* [*ăĭ*]	*ой, үй.* [*ŏĕ, ʏ̆ɪ̄*]		*уй* [*y̆ɪ̄*]

Примечание. Средний гласный переднего ряда нелабиализованный *эй* встречается только в окончании совместного падежа или в словах, производных от последнего; открытый *ай* — в последнем слоге слова; дифтонг *ай* — в непоследнем слоге слова.

Звуки даются в их орфографическом написании и в скобках — в транскрипции.

Согласно законам сингармонизма, как известно, гласные одного ряда не могут находиться в одном и том же слове вместе с гласными другого ряда. В действительности же в соответствии с требованиями законов сингармонизма гласные современного монгольского языка делятся на следующие три фонологических ряда, для наименования которых представляется более целесообразной традиционная монгольская терминология (во избежание смешения фонологической классификации гласных с физиологическим делением тех же гласных):

мужские (*эр*): *а, аа, ай, о, оо, ой, у, уу, уй, ы;*

женские (*эм*): *э, ээ, эй, ө, өө, ү, үү, үй;*

нейтральные (*саармаг*): *и, ий.*

Таким образом, фонологическая классификация гласных современного монгольского языка не вполне совпадает с их физиологическим делением по месту образования, даже если гласные среднего ряда условно трактовать как звуки переднего или более по сравнению с задними переднего ря-

да. Из сопоставления двух видов классификаций гласных можно заключить, что дифтонги *ай* и *ой* и долгий гласный (орфографические), относящиеся к гласным среднего ряда (даже переднего, если учесть орфографический дифтонг *ай* последнего слога слова, т. е. по существу долгий *э*), по фонологической классификации входят в состав гласных мужского ряда, в лингвистической литературе обычно определяемого или именуемого „задним рядом". Такое несовпадение классификаций гласных по месту их образования и требованиям сингармонизма объясняется тем, что дифтонги *ай* и *ой* исторически относились к гласным заднего ряда.

Следовательно, в современном монгольском языке мужские гласные не могут находиться в одном и том же слове вместе с женскими гласными. Нейтральные *и* и *ий* могут находиться в одном и том же слове вместе с гласными как мужской группы, так и женской. Однако если в слове имеются только эти нейтральные гласные, то они при словоизменении и словообразовании попадают в женский ряд, например в словах типа *хий* 'воздух', *би* 'я', *чи* 'ты' и т. п.: *хийгээр* 'по воздуху', *миний хээр* 'по-моему', *чиний хээс* 'от твоего'.

Но явление сингармонизма заключается не только в том, что в одном и том же слове не смешиваются гласные разных фонологических рядов, но и в соблюдении закона губного притяжения. Сущность последнего заключается в следующем: в одном и том же слове, во-первых, после *а, аа, ай, у, уу, уй, э, ээ, эй, ү, үү, үй* первого слога в непосредственно следующем слоге соответственно по рядам могут находиться лишь те же гласные, но никоим образом не *о, оо, ой, ө, өө*; во-вторых, после *о, оо, ой, ө, өө* первого слога в непосредственно следующем слоге соответственно же по рядам могут быть те же гласные или *уу, уй, үү, үй*, но совершенно исключается наличие гласных *а, аа, ай, э, ээ, эй*. Это означает, что гласные *а* и *о* или *э* и *ө* (краткие и долгие, а также и соответствующие дифтонги *ай, ой* или *эй*) могут находиться в одном и том же слове лишь в том случае, если между *о* или *ө* первого слога, с одной стороны, и *а* или *э* третьего слога, с другой — во втором слоге имеется *уу, уй, үү, үй*, например: *о-руу-лав—оруулав* 'ввел', *төрүү-лэв—төрүүлэв* 'выращивал'.

В орфографии современного монгольского литературного языка изложенные выше явления сингармонизма отражены в виде определенных правил, которые представлены в табл. 2.

Таблица 2

Если в первом слоге слова имеются	то могут находиться в слоге	
	втором	третьем
а, аа, ай, иа, я, яа, у, уу уй, иу, ю, юу, ы	те же гласные, кроме кратких *у* и *ю*	
э, ээ, эй, е, еэ, ү, үү, үй ю, юү	те же гласные, кроме кратких *ү* и *ю*	
о, оо, ой, ио, ё, ёо	те же гласные и	
	уу, уй, иу, юу, ы	*а, аа, ай, иа, я, яа, уу, уй, юу, иу, ы*
ө, өө	*үү, үй, юү*	*э, ээ, эй, үү, үй, юү*
	и те же гласные	

Примечание. *ю* употребляется при передаче сочетаний *jу* и *jý*; *е* — при передаче сочетаний *je* и *jó*.

Из таблицы видно, что третий слог слова относится ко второму так же, как второй к первому. Для определения вокализма четвертого слога слова необходимо, следовательно, третий слог условно считать первым, а четвертый — вторым.

Иноязычные слова, проникающие в монгольский язык, в области своего вокализма в принципе испытывают влияние законов сингармонизма, подвергаясь при этом соответствующей фонетической переработке, особенно в тех случаях, когда заимствование этих слов происходит в устной среде или относится к отдаленному от нас периоду. Что же касается современного монгольского литературного языка, то в нем новейшие заимствования законам сингармонизма не подчиняются, по крайней мере в отношении их орфографии, например: *радио* [*араажив*], *сестра* (медицинская) [*систраа*], *кино* [*хиноо*], *цемент* [*цээмэнт*], *шовинизм* [*шовинийзом*], *норм* [*ноором*] и т. д. (в квадратных скобках даны условные написания заимствований согласно орфографическим правилам, распространяющимся на собственно монгольские слова).

УДАРЕНИЕ

Ударение в монгольском языке динамическое, очень сильное и всегда падает на первый слог. Именно благодаря этому краткие гласные непервых слогов слова редуцированы и произносятся крайне слабо, что приводит к их полному исчезновению, например: *мóдун* > *мóддң* > *мóд* 'дерево', *хáра* > *хáр* 'черный', *ýсун* > *ýсáң* > *ýс* 'вода'. Ударение в монгольском языке не связано с количественной стороной гласных, их долготой или краткостью: динамическое (=экспираторное) ударение падает на первый слог слова независимо от долготы или краткости гласного, хотя долгие гласные могут быть как в первом, так и в непервом слоге слова.

Кроме динамического ударения, в монгольском языке имеется также и музыкальное, падающее на последний слог слова с однородным повышением тона. Такое ударение встречается в конце такта речи, особенно при выражении вопроса, сомнения, призыва, иронии или логической акцентуации какого-либо слова.

В монгольском языке ударение динамическое или музыкальное не имеет фонематического значения, такого, которое характерно для ударения, например, в русском языке. Поэтому в монгольском литературном языке оно орфографически не отмечается.

Важно упомянуть, что в русских и других иноязычных заимствованиях монгольского языка ударные гласные отражаются как долгие, но орфографически это не отмечается, например: *ректор*, *роман*, *коммун*, *комиссар*, *хими* вместо ожидаемых *рээктэр* 'ректор', *ромаан* 'роман', *хомууна* 'коммуна', *хомисаар* 'комиссар', *хийми* 'химия'.

СОГЛАСНЫЕ

Согласные современного монгольского языка делятся на смычные и проточные, описание которых по месту и характеру их образования дано в табл. 3 (примерно по Владимирцову).

В современном монгольском языке весьма распространено чередование согласных *д* ‖ *т* и *г* ‖ *х*, например: *дуслах* ‖ *туслах* 'помогать', *гатан* ‖ *хатан* 'дама'. Значительно реже наблюдаются случаи чередования аффрикат *ц* ‖ *ч* и *з* ‖ *ж*, например: *цагаан* ‖ *чагаан* 'белый', *зах* ‖ *жах* 'край'. Формы, признанные более правильными, специально оговариваются в разного рода орфографических и прочих спра-

вочных пособиях. Чередование гласных встречается реже (*о* ‖ *у*, *ө* ‖ *ү*), например: *чухам* ‖ *чохом* 'точно', 'именно', *түмэн* ‖ *төмөн* 'масса', 'десять тысяч'; иногда оно связано с явлениями ассимиляции, например: *хошуун* ‖ *хушуун*<*хошуун* 'хошун' (административная единица в прежней Монголии), *өгүүлэл* ‖ *үгүүлэл*<*өгүүлэл* 'предложение', 'речь' (подобного рода ассимиляция наблюдается тогда, когда корневая часть соответствующего слова уже омертвела).

Таблица 3

КЛАССИФИКАЦИЯ СОГЛАСНЫХ

		Губные	Язычные		
			переднеязычные	среднеязычные	заднеязычные
Смычные		*п, б*	*т, д*		*к, г*
	аффрикаты		*ц, ч, з, ж*		
	носовые	*м*	*н*		*ң*
Проточные		*в* [*ф*]	*с, ш*	*j*	*х*
	плавные, боковые		*л*		
	плавные дрожащие		*р*		

Что же касается „чередования" э ‖ *и*, то оно прежде всего связано с характером артикуляции гласного *э*, позиционно оказывающегося звуком более переднего ряда: *тэв* ‖ *тив* 'материк', *нэлээд* ‖ *нилээд* 'значительно' и т. д.

Заднеязычный *ң* является звонким смычным, при произношении которого происходит смыкание между задней спинкой языка и мягким нёбом. Этот звук, встречающийся в конце слова или в середине, преимущественно перед согласными *г* и *х*, исторически восходит либо к сочетанию *нг*, например *аң*<*анг* 'зверь', либо к переднеязычному *н*, находящемуся в конце слова, например *алтан*>*алтаң* 'золотой'.

Заднеязычный *ң* в обоих случаях не имеет своего обозначения в современном монгольском алфавите. Это не самостоятельная фонема, а лишь позиционный вариант переднеязычного *н* в конце слова, а также в середине слова преимущественно в положении перед согласными *г* и *х*.

В подобных положениях никогда не встречается средне-язычный *н*, для обозначения которого орфографически предусмотрено написание после него какой-нибудь гласной буквы (по законам сингармонизма).

Заметим попутно, что если какое-либо нарицательное имя с неустойчивым конечным *н* употребляется в качестве имени собственного, то тогда этот согласный как бы становится устойчивым заднеязычным *ң* со всеми свойственными ему в таком случае фонетико-морфологическими признаками. Так, например, нарицательное *алт(ăң)* 'золото' в качестве собственного имени произносится в виде *Алтан(г)* 'Алтан', т. е. из некогда одного слова *алтан* 'золото' возникло два слова – *алтан>алт* 'золото' и *Алтан(г)*, причем эти два слова склоняются различно:

	'золото'	Алтан (собств. имя)
Именительный	*алт*	*Алтан(г)*
Родительный	*алтны*	*Алтангийн*
Винительный	*алтыг*	*Алтангийг*
Дательно-местный	*алтанд*	*Алтанд*
Исходный	*алтнаас*	*Алтангаас*
Орудный	*алтаар*	*Алтангаар*
Совместный	*алттай*	*Алтантай*

Палатализованные согласные

Палатализованные согласные в современном монгольском языке образовались в тех случаях, когда соответствующие непалатализованные согласные прежде находились в положении перед гласным *i*, например: *ал'<алі* 'какой', *бăр'>барі* 'держать' и т. п.

Палатализация согласных на письме обозначается мягким знаком, если после них по орфографическим правилам не требуется написания какого-нибудь краткого гласного, например:

больё 'перестанем'; *харь* 'чужой', 'иноземный';
хонь 'овца'; *соль* 'меняй';
урьд 'прежде'; *хувьсгал* 'революция';
амьд 'живой'; *харьсан* 'ушедший домой'.

Если по тем же правилам требуется написание какого-нибудь краткого гласного, то палатализация согласного обозначается написанием гласного *и*, например:

харилцаа, а не *харьлцаа* 'связь';
гурил, а не *гурьл* 'мука';
зориг, а не *зорьг* 'воля', 'желание';
майлингуу, а не *майльнгуу* 'лен'.

Палатализация согласного перед долгими гласными обозначается тем, что последние пишутся в виде сочетания „*и* плюс соответствующая гласная буква", например: *сургуулиар* 'училищем', *харийн* 'чужой', *холиод* 'смешав', *танайхиар* 'по-вашему', *хонио* 'свою овцу'.

Фонематический характер палатализованных согласных в современном монгольском языке нагляднее всего проявляется в их положении перед долгими гласными, например: *хар'ɪ̄ң* 'чужой' — *харɪ̄ң* 'черного', *хон'ō* 'свою овцу'— *хонō* 'ночующий', *хал'ӯң* 'выдра'--*халӯң* 'горячий' и т. д.

СТРУКТУРА СЛОГА

В современном монгольском языке слово может состоять из одного или нескольких слогов, представляющих собой либо один гласный (Г), либо сочетания: Г+С (согласный), С+Г, С+Г+С.

Большую сложность для определения количества и качества слогов представляют такие слова, в орфографическом написании которых встречаются рядом два или более согласных, поскольку на письме краткие гласные в известных случаях не обозначаются. Исторически в одном и том же слоге не могло быть подряд двух и более согласных, а поэтому в начале и в конце слова такое сочетание согласных исключалось, кроме некоторых звукоподражательных слов типа *харт* — подражание хрусту (ср. также немногие заимствованные слова типа *барс* ‖ *бар* 'тигр', *тэрс* 'еретик' и т. п.). Для понимания изложенного необходимо остановиться на некоторых фонетических явлениях в современном монгольском языке, связанных с отпадением и выпадением гласных, а также и с характером артикуляции некоторых согласных, смычных — в особенности.

В современном монгольском языке часто встречается отпадение конечных кратких гласных, носящее факультативный характер и зависящее от темпа речи. Благодаря этому в языке существуют парные формы одних и тех же слов, например:

сав и *сава*<*саба* 'посуда', *сар* и *сара*<*сара* 'луна', *дал* и *дала*<*дала* 'лопатка' (анатом.), *хар* и *хара*<*хара* 'черный', *эх* и *эхэ*<*еке* 'мать', *бас и баса*<*баса* 'еще', *хуш и хуши*<*хуші* 'кедр', *том* и *томо*<*тому* 'крупный', *бат* и *бата*<*бату* 'крепкий', *мод* и *модо*<*модун* 'дерево', *хуц* и *хуца*<*хуча* 'баран', *олз* и *олзо*<*олджа* 'находка', 'добыча'.

Это явление апокопы усугубляется также выпадением конечного переднеязычного согласного *н*, влекущим за собой и апокопу гласного последнего слога: *модун* ~ *модо* и *мод* 'дерево', *хусун* ~ *хус* и *хусу* ‖ *хуса* 'береза'.

Во всех подобных случаях орфография современного монгольского языка отдает предпочтение более сокращенным формам: *сав*, *сар*, *дал*, *хар*, *эх*, *бас*, *хуш*, *том*, *бат*, *мод*, *хуц*, *олз*, *хус* (см. выше). Соответствующие слова оказываются орфографически не двусложными или трехсложными, а односложными или двусложными, что не отвечает действительности, поскольку конечные согласные в словах приведенных типов следует считать слогообразующими. Дело в том, что характер рекурсии одних и тех же конечных согласных не одинаков. Так, например, при рекурсии конечных слогообразующих проточных согласных (*в*, *с*, *ш*, *л*, *р*, *х*) органы речи, губы и язык, меняют свое положение, создавая акустические впечатления инкурсии следующего за этими согласными краткого гласного довольно неопределенного качества, а потому и не обозначаемого орфографически (здесь имеется в виду работа органов речи при воспроизведении апокопированных форм слов типа *сар*, *дал*, *том*, а не *сара*, *дала*, *томо*). Такая артикуляция слогообразующих проточных, исторически обусловленная наличием конечных гласных в прежние периоды развития монгольского языка, чередуется с воспроизведением подобных конечных гласных (отсюда неапокопированные формы слов типа *сара*, *дала*, *томо* и т. д.). Между тем, если эти же проточные не оказываются слогообразующими, то при их рекурсии органы речи как бы застывают в том состоянии, какое они занимали при инкурсии данных звуков, например, в словах типа *элдэв*<*елдеб* 'различный', *зэс*<*джес* 'медь', *гар*<*гар* 'рука', *гал*<*гал* 'огонь' (согласные *ш* и *х* прежде не встречались в конце слова). Можно сказать, что эти согласные, оказываясь неслогообразующими, не имеют рекурсии, так как органы речи прекращают свою работу как бы на зените воспроизводства данных согласных, не доводя ее до полного конца.

При рекурсии же конечных слогообразующих смычных согласных (*м*, *т*, *д*, *ц*, *ч*, *з*, *ж*) в словах приведенных выше типов имеет место взрыв или размыкание органов речи, а это создает впечатление, что за данными согласными следует редуцированный гласный очень неопределенного качества (здесь также имеется в виду работа органов речи при воспроизведении апокопированных слов типа *бат* или

хуц, а не *бата* или *хуца*). Такая рекурсия слогообразующих смычных равным образом исторически обусловлена наличием конечных гласных в ранние периоды развития монгольского языка, которые воспроизводятся и ныне в неапокопированных формах слов типа *бата* или *хуца*. Если же некоторые из этих смычных согласных оказываются неслогообразующими (*м*, *д*; согласные *т*, *ц*, *ч*, *з* и *ж* в исторически обусловленном положении надо признать всегда слогообразующими), то при их произношении как бы отсутствует рекурсия, поскольку органы речи, сохраняя начальное положение и словно застывая в зените своей артикуляции, не размыкаются и тем самым не образуют взрыва[4]. Для понимания этого явления достаточно сравнить работу органов речи при произношении, например, конечного согласного *м* в словах *эм<ем* 'лекарство' и *эм<еме* 'женщина', ныне представляющих орфографические омонимы, что не соответствует их фонетической природе. В первом случае губы, сомкнувшись для воспроизводства согласного *м*, в этом положении и застывают и не образуют взрыва, тогда как во втором случае губы размыкаются, создавая весьма заметный взрыв. То же самое надо сказать о работе кончика языка при произношении, например, согласного *д* в словах *ард<арад* 'крестьянин', 'арат' и *ард<ару-ду* 'позади', также представляющих орфографические омонимы, что равным образом не соответствует их фонетической природе: в первом случае кончик языка застывает в принятом им положении и не отрывается от зубов, не образуя тем самым ожидаемого взрыва, хотя и считается, что смычные согласные должны завершиться взрывом (здесь мы не упоминаем о том, что при этом дрожание голосовых связок весьма слабое, благодаря чему получается так называемый глухой *д*), тогда как во втором случае тот же кончик языка, отрываясь от зубов, образует взрыв.

Следующее фонетическое явление, которое влияет на количество слогов монгольского слова,— это синкопа, выпадение гласного предпоследнего слога Здесь имеется в виду не столько историко-фонетическая синкопа типа *эмгэн<емеген* 'старуха', *толгой<толугаі* 'голова' или *зардал<джарудал* 'расход', сколько морфологическая, т. е. обусловленная обстоятельствами словоизменения и словообразования: *хэрэг* 'дело'— *хэргийн* (род. пад. вместо *хэ-*

[4] Поэтому для данной группы согласных монгольского языка более подходит наименование „смычные", но не „взрывные".

рэнийн) 'дела', *арал* 'остров' *аралаар* (оруд. пад. вместо *аралаар*) 'по острову', *араг* 'корзина' *аргаас* (исход. пад. вместо *арагаас*) 'из корзины', *анхаарал* 'внимание'—*анхааралыг* (вин. пад. вместо *анхаараалыг*) 'внимание'. В силу этого явления трехсложные и четырехсложные слова становятся соответственно двусложными и трехсложными, причем звуковой состав каждого из слогов претерпевает некоторые изменения, например:

хэ-рэ-гийн—хэр-гийн, а-ра-лаар—ар-лаар,

а-ра-гаас—ар-гаас, ан-хаа-ра-лыг—ан-хаар-лыг.

Наконец, на характер (но не на количество) слогов монгольских слов существенно влияет метатеза, например:

тэрэг=тэ-рэг<тэргэ=тэр-гэ 'телега';

хөсөг=хө-сөг<хөсхө=хөс-хө<кёске 'вьюк';

орлого=ор-ло-го<ороло=о-рол-го 'доход';

зэрэг=зэ-рэг<зэргэ=зэр-гэ 'степень', 'ряд'.

Таким образом, определение характера и количества слогов монгольских слов представляет известную трудность преимущественно в тех случаях, когда эти слова оказываются многосложными. Эта трудность в дальнейшем может быть преодолена в результате более точного, экспериментального исследования звуков современного монгольского языка.

ЛЕКСИКА

В области лексики история языка в наибольшей степени имеет непосредственное отношение к истории народа, к истории взаимных связей данного языка с другими языками. С решением же круга проблем, относящихся к сказанному, связано и определение того, что именно из словарного состава изучаемого языка составляет исконное достояние последнего, так называемые „собственные" слова, а что должно и может быть признано заимствованным из других языков, а также, когда и при каких условиях появлялись и возникали различные слои и элементы. В данном случае приходится мириться с тем,что к так называемому исконному словарному составу языка могут быть отнесены и такие элементы, которые в древнейшие и ныне малоизученные периоды истории могли быть заимствованиями из каких-то других языков. Применительно к истории монгольской лексики речь может идти о невыясненных пока, например палеоазиатских, заимствованиях.

Как известно, монголы в течение длительного периода своей истории вступали в тесные экономические, культурные и иные связи с различными народами Азии и Европы либо непосредственно, либо при помощи народов-посредников. Все это обусловило наличие в лексике монгольского языка заимствований из греческого, арабского, санскрита, иранских, тюркских, тибетского, китайского, маньчжурского, русского и других языков. Если греческие, арабские и санскритские слова проникали в монгольский язык через другие языки, прежде всего — уйгурский и тибетский, или в процессе литературных переводов на монгольский язык, то прочие иноязычные элементы в монгольской лексике являются результатом непосредственного контакта монголов с соответствующими народами Евразии. Далее, если греческие, арабские, санскритские, иранские, тибетские, китайские, маньчжурские или русские заимствования в монгольском языке определяются без особых затруднений (хотя при этом не всегда можно определить время и обстоятельства обогащения монгольской лексики этими иноязычными словами), то определение тюркских элементов в монгольском языке сопряжено с известными трудностями.

К греческим элементам, которых в монгольской лексике весьма незначительное количество, относятся, например, *ном* 'книга' (некогда — 'священная книга', 'закон Будды') < уйг. *ном* < согд. *нōм* < греч. *nómos*; *дэвтэр* < *дефтер* 'тетрадь', 'книга' < тибет. *deb-ther* < перс. *daftār* < греч. *diftera-*.

К арабским заимствованиям, которых в монгольском языке также немного, кроме собственных имен, принято относить такие слова, как *архи* 'вино', 'водка' < араб. *'araq* 'испарина', 'испарение', 'эксудат'; *цув* 'дождевой плащ', 'накидка' < *чуба* < тибет. *chu-ba* ~ *čhu-pa*||*čho-pa* 'широкое обычное платье' < перс. *jubba* < араб. *jubba* 'нижнее платье из хлопчатобумажной ткани'; *шарид* (уст.) 'пост', 'соблюдение поста' < араб. *šarī'at* 'священный закон'. Некоторые арабские слова, встречающиеся в различных документах монгольских хроник и отдельных памятниках письменности, не вошли в монгольский язык и поэтому здесь не упоминаются, например *султан* 'султан', 'повелитель' < араб. *sulṭān* в том же значении.

Как видно из примеров, греческие и арабские слова проникали в монгольский язык через тибетский, тюркские и иранские языки, поскольку монголы не вступали с арабами в сколько-нибудь длительный непосредственный контакт,

если не считать тех монголов, которые в эпоху Чингисхана и немного позже оказались в Иране и других районах Ближнего и Среднего Востока. Но это не могло существенным образом отразиться на лексике монгольского языка в пределах собственно Монголии. Зато в современном монгольском языке довольно много санскритских слов, проникавших через уйгурский (<согдийский) и тибетский языки или значительно реже в процессе литературных переводов буддийских сочинений и других, связанных преимущественно с понятием буддийской культуры и сюжетами древнеиндийской литературы. Таковы, например, следующие слова: *эрдэнэ* 'драгоценный камень', 'драгоценность', 'сокровище'<санскр. *ratna*; *очир* 'жезл'<санскр. *vajra*, проникшее в монгольский язык через согдийско-уйгурское посредство первоначально в форме *вачир*, в чем отражается согдийское произношение данного слова (это слово в Монголии широко применяется как имя собственное Очир, наряду с которым существует также имя собственное Базар, особенно распространенное в Бурятии и восходящее к тому же санскритскому *vajra*, но проникшее в монгольский язык через посредство не согдийско-уйгурское, а тибетское, таким образом, одно и то же санскритское слово в монгольском языке получает различное звучание в зависимости от того, каким фонетическим изменениям оно подвергается в языке-посреднике на своем пути к монгольскому); *чандмань* 'волшебная драгоценность'<(через согдийско-уйгурское посредство) санскр. *čintāmani*>(через тибетское посредство) *зэндэмэнэ* — в этом же значении.

В большом количестве имеются в монгольском языке также тибетские слова, и в подавляющем большинстве они относятся к буддийской терминологии и лексике в области монастырского уклада, например: *дацан* 'храм', 'монастырь' <тибет. *grwa-tsaň*; *лам* 'лама', 'монах'<тибет. *bla-ma*; *хорвоо* 'круговорот бытия', 'мир'<тибет. *khor-ba*, *живаа* 'перерождение'<тибет. *skye-ba*; *нярав* 'казначей', 'кладовщик'<тибет. *gňer-ba*.

Иранские элементы в монгольской лексике представлены рядом слов, преимущественно согдийских и персидских, относящихся к буддийской и иной терминологии. Таковы, в частности, следующие слова: *тэрс* 'противный чему-либо', 'враждебный', 'еретик' (первоначально, еретик — последователь небуддийских учений Индии, брахманист, индуист)<перс. *tarsā* 'христианин'; *анар* 'гранат'<перс. *anar*; *барс* 'тигр'<перс. *pārs*: 'пантера'; *болд* 'сталь'< <перс. *pūlād*; *дарь* 'порох'<перс. *dārū*.

Большинство согдийских заимствований в монгольской лексике по происхождению санскритское.

Время, место и пути проникновения греческих, арабских, санскритских, тибетских и иранских слов в монгольскую лексику в большинстве случаев можно определить по данным памятников монгольской письменности, поскольку все это происходило в исторически засвидетельствованное время (преимущественно около XII—XV вв.). Несколько позже, в XVII—XIX вв., в монгольский язык начали проникать маньчжурские слова, относящиеся главным образом к наименованиям разного рода титулов и военно-административных явлений, как, например, *бээл* 'бейле' (третья степень княжеского достоинства) <маньчж. *бэйлэ*, *бээс* 'бейсе' (четвертая степень княжеского достоинства) < маньчж. *бэйсэ*; *хуаран* 'казарма' <маньчж. *куварань* и т. п.

Общим для греческих, арабских, санскритских, тибетских, иранских и маньчжурских заимствований является то, что их проникновение в монгольский язык уже прекратилось. Во многих случаях это историзмы, оттесненные в пассивную часть или периферию словарного состава монгольского языка. Этого никак нельзя сказать о китайских и русских словах в монгольском языке, которые начали заимствоваться несколько позже других перечисленных выше иноязычных лексических элементов, хотя китайские слова в небольшом количестве усваивались и ранее. В настоящее время процесс обогащения монгольской лексики китайскими и русскими заимствованиями идет довольно интенсивно, особенно в области научной терминологии и бытовой лексики в результате непосредственного общения монголов с китайцами и русскими.

Китайские заимствования в монгольской лексике относятся к сфере преимущественно социально-политической (эпохи феодализма) и хозяйственно-экономической жизни, например: *тайж* 'дворянин', 'тайджи' <кит. *тай-цзы* 'царевич'; *ноён* 'князь', 'господин' <кит. *лао-ей* 'господин'; *яам* 'присутственное место', 'министерство' <кит. *я-мынь*; *цонх* 'окно' <кит. *чуан-ху*; *наймаа* 'торговля' <кит. *маймай*; *маюуз* 'покрышка для седла' <кит. *ма-жу-цзы*; *даавуу* 'материя', 'ткань' <кит. *да-бу*; *байцай* 'капуста' <кит. *байцай*; *банз* 'доска' <кит. *бань-цзы* и т. п. Особенно много китайских заимствований в восточных диалектах монгольского языка (на территории наибольшего непосредственного контакта монгольского и китайского населения) преимущественно в области наименований огородных культур, промышленных товаров, произведений ремесла, предметов

строительного дела и т. п. Если китайские заимствования в монгольском языке сравнить с иранскими, то оказывается, в частности, что в этом языке названия огородных культур являются словами китайского происхождения, тогда как наименования плодовых надо признать заимствованиями из иранских языков, проникшими в монгольскую лексику в эпоху Чингис-хана и его преемников в ходе торговых отношений монголов со странами Передней Азии того времени.

Русские слова (и интернациональные термины, усвоенные через русский язык) начали проникать в монгольскую лексику значительно позже прочих иноязычных заимствований, примерно со второй половины XIX в. Конечно, особенно широко усваиваются монгольским языком русские заимствования в наши дни, в эпоху строительства социализма в Монгольской Народной Республике. Русские заимствования в монгольском языке относятся к самым разнообразным сферам политики, экономики, культуры, науки и искусства и отражают коренные изменения в жизни монгольского народа после народной революции 1921 г., например: *ленинизм* 'ленинизм', *марксизм* 'марксизм', *пионер* 'пионер', *маршал* 'маршал', *машин* 'машина', *математик* 'математика' (ср. *математикч* 'математик'), *коммун* 'коммуна', *коммунизм* 'коммунизм', *концерт* 'концерт', *роман* 'роман', *роль* 'роль', *радио* 'радио', *пролетари* 'пролетарий', *фабрик* 'фабрика', *завод* 'завод', *философи* 'философия', *феодал* 'феодал', *партизан* 'партизан', *арми* 'армия' и т. п.

Разумеется, все перечисленные выше иноязычные слова в монгольском языке подвергались и подвергаются определенным фонетическим изменениям. Правда, в известных случаях орфография как старописьменного монгольского языка, так и современного литературного пыталась и пытается передавать иноязычные слова в звуковых и орфографических формах, присущих этим словам в языке-источнике. Для этого в старом алфавите были даже созданы особые дополнительные буквы и диакритические знаки, которые применялись лишь при передаче слов санкритского, тибетского и китайского происхождения.

Если происхождение иноязычных слов (греческих, арабских, санскритских, тибетских, китайских, русских и в части специальной терминологии—маньчжурских) в монгольском языке устанавливается очень легко, то определение тюркских заимствований сопряжено во многих случаях с известными трудностями. Дело в том, что и тюркские и монгольские языки входят в одну тюркско-монгольскую под-

группу, представляющую особую ветвь в составе алтайских языков, предположительно образовавшихся от одного алтайского языка-основы. Следовательно, монгольские и тюркские языки априори имеют слова, общие для всех них, восходящие к лексике алтайского языка-основы и заимствованные из одних языков в другие, т. е. тюркские слова в монгольских языках и монгольские слова в тюркских языках. Однако эти языки по своей фонетической системе столь однородны, что при определении их взаимных лексических заимствований трудно пользоваться фонетическим анализом. Всякое тюркское слово, оказавшись на монгольской почве, не будет противоречить фонетическим нормам монгольского языка, и при таких условиях часто невозможно установить, что́. из общего монгольско-тюркского словарного состава относится к общему праязыковому достоянию, а что́ представляет собой заимствования.

Конечно, некоторые слова, преимущественно терминологического характера, более или менее легко определяются как заимствования (из тюркских языков в монгольских или как монгольские в тюркских), поскольку в этом случае исследователи располагают данными письменности и другими источниками. Это, в частности, относится к уйгурским заимствованиям в монгольском языке, оказывающимися терминами буддийского характера. Впрочем, большинство таких уйгурских заимствований в монгольском языке в свою очередь представляет иноязычные слова в уйгурском же языке — греческие, санскритские, арабские или иранские, примеры которых уже приводились. К подобного рода уйгурским элементам в монгольском языке надо прибавить слова собственно тюркского корня типа *буян* 'добродетель', 'благодеяние'<уйг. *буjан* 'заслуженный', *зул* 'лампадка', 'светильник'<уйг. *jула* в том же значении, *аяга тэхэмлэг* (неправильно, по ложной этимологии, читаемое как *аяга тахимлиг*) 'буддийский монах', 'приемлющий [подаяние] в чаше' и т. п. Характерной особенностью этих тюркских заимствований в монгольском языке является то, что они, во-первых, легко локализируются по времени и месту своего проникновения в этот язык (около XIII в. из уйгурского языка), во-вторых, они известны не во всех монгольских языках, а преимущественно там, где распространен буддизм, что, конечно, не относится к заимствованиям общекультурного или торгового обихода, и, в-третьих, в своем большинстве входят ныне в пассивную часть монгольской лексики.

Совершенно иначе обстоит дело с тюркскими заимство-

ваниями, которые появились в результате исконных и давних исторических связей монгольских народов с тюркскими. Эти заимствования проникли в монгольские языки в исторически незасвидетельствованные времена, известны почти всем монгольским диалектам и прочно вошли в их основной словарный фонд. При данном состоянии науки невозможно установить, из какого именно тюркского языка[1] и когда подобные тюркские слова проникли в монгольскую лексику, — во всяком случае они уже имелись в последней еще в дописьменный период, т. е. задолго до XIII в. Определение именно этих тюркских элементов в монгольской лексике трудно осуществлять методами фонетического анализа, поэтому приходится пользоваться методами морфологического и отчасти семасиологического анализа, уже примененными Б. Я. Владимирцовым, результаты исследований которого ниже нами используются [2].

Например, тюркское происхождение такого монгольского слова, как *хэсэг* 'часть', 'кусок', 'группа', ясно потому, что в современном монгольском языке оно неразложимо. А между тем в тюркских языках слово *кесек* в тех же значениях легко разлагается на глагольную основу *кес-* 'резать', 'отрезать' плюс именообразующий суффикс *-к* со вставным гласным *-е-*. Таким же образом определяется тюркское происхождение следующих монгольских слов: *хөрөг* 'портрет' 'изображение'<тюрк. *көр-* 'смотреть', видеть' плюс суффикс *-к*; *бөлөг* 'отдел', 'глава'<тюрк. *бөл-* 'делить', 'отделять' плюс суффикс *-к*; *билиг* 'талант', 'дар'<тюрк. *бил-* 'знать'; *хана-* 'пускать кровь'<тюрк. *кан* 'кровь' плюс глаголообразующий суффикс *-а*; *яр<jара* 'рана', 'язва'< тюрк. *jар-* 'колоть' плюс суффикс *-а*; *зарим* 'некоторый', 'половина', 'часть'<тюрк. *jар-* 'колоть', 'расщеплять' плюс суффикс *-м*; *зэрлэг* 'дикий', 'полевой'<тюрк. *jер* 'земля' плюс суффикс *-лик*; *золго-* 'встретиться'<тюрк. *jол* 'дорога' плюс суффикс *-к>-го* и т. п. Как видно из примеров, корни многих монгольских слов не могут быть объяснимы на монгольской же почве, но являются живыми и понятными в тюркских языках.

Кроме приведенных тюркских заимствований, мы нахо-

---

[1] Правда, в некоторых отдельных случаях можно предполагать, что соответствующие заимствования в монгольском языке восходят к тюркским языкам „джокающего" типа.

[2] Б. Я. Владимирцов, *Турецкие элементы в монгольском языке* („Записки Восточного отделения Русского Археологического общества", т. XX, СПб., 1911), стр. 1–32.

дим и такие тюркские слова, корни которых имеются и в монгольских языках. Например, в тюркских и в монгольских языках имеется глагольная основа *джаса-* || *jаса-* 'исправлять', 'созидать', 'приводить в порядок' и производное от нее *джасаг* || *jасаг* || *джасак*=*jасак* 'закон', 'уложение', 'порядок', 'власть', морфологический состав которого (имяобразующий суффикс *-к-* || *-г-*, продуктивный в тюркских языках, но непродуктивный в монгольских) выдает его тюркское происхождение. То же самое надо сказать относительно таких монгольских слов, как *хоног* 'ночлег', 'сутки' и *хоно-* 'ночевать' при тюркском *кон-*, *сураг* 'весть', 'молва' и *сур-* 'спрашивать' (глагольная основа, известная не во всех монгольских языках) при тюркском *сура-*, *амраг* 'любовь', 'любимый' и *амра-* 'быть спокойным', 'отдыхать' при тюркском *амра-* (ср. уйгурское *амран-*, горноалтайское *амыра-*) и т. п.

Таким образом, приведенные примеры говорят о том, что в известных случаях возможны заимствования из одного языка в другой таких слов, которые, будучи производными, имеют один и тот же производящий корень в обоих языках. Благодаря этому некоторые тюркские заимствования в монгольском языке представляются как производные на монгольской же почве и поэтому их иноязычное происхождение не осознается.

Как уже сказано, в отношении довольно большого количества слов в тюркских и монгольских языках невозможно определить их монгольское или тюркское происхождение — эти слова приходится признавать общими для обеих групп языков. Следовательно, общие слова тюркских и монгольских языков либо имелись еще в предполагаемом тюркско-монгольском или даже алтайском языке-основе, либо их тюркское или монгольское происхождение не может быть установлено при современном состоянии сравнительно-исторической алтаистики. Таковы слова типа монг. *хар*<*кара* 'черный'=тюрк. *кара*; монг. и тюрк. *бол-* 'быть', 'остановиться'; монг. *сахал*<*сакал* 'борода', 'усы'=тюрк. *сакал*; монг. *хөх*<*көке* 'синий'=тюрк. *көк*; монг. *шар*<*сіра* 'желтый'=тюрк. *сары* и т. п.

В отношении тюркских лексических элементов следует отметить, что их приток в монгольскую лексику прекратился в среднемонгольский период (около XIII—XV вв.). Здесь не имеются в виду заимствования локального характера в районах непосредственного контакта отдельных монгольских и тюркских этнических групп, например западных монголов и тюрков Южной Сибири и т. д., т. е. та-

кие тюркские заимствования, которые известны не всем носителям монгольского языка.

Но, конечно, основную и количественно подавляющую часть словарного состава монгольского языка образует собственно монгольский лексический пласт, исконные, или коренные, монгольские слова. Разумеется, эти слова как по своему составу, так и в семасиологическом отношении не были и не являются постоянными и неизменными. В ходе длительной эволюции самого монгольского языка, претерпевавшего различные изменения в условиях исторического развития монгольского общества, одни слова предавались забвению, другие подвергались семасиологическому переосмыслению и тем самым продолжали сохраняться в языке, а третьи по разным обстоятельствам заменялись иными, созданными средствами самого монгольского языка или иноязычными заимствованиями. Наконец, в соответствии с постоянно растущими и возникающими потребностями общественной жизни монгольского народа на базе существующих средств языка создавались все новые и новые слова.

Все эти изменения в лексике монгольского языка были особенно интенсивными и заметными примерно в XIV—XVII вв. в связи с укреплением феодальных отношений и торжеством буддизма в Монголии, следовательно, в связи с уходом в историческое прошлое патриархально-родовых институтов и шаманистических верований. Как известно, именно в этот период происходило широкое распространение монгольского письменного языка, книгопечатания, переводческой деятельности многочисленных ученых и т. д., а в конце XVI столетия и в начале XVII начинается третий период развития старописьменного монгольского языка. Несомненно, исследования по исторической лексикологии монгольского языка покажут, что XIV—XVII века были первым исторически засвидетельствованным периодом наибольших изменений в монгольской лексике, так как монголистика в настоящее время не располагает данными, раскрывающими подобные же лексические изменения в монгольском языке в период первоначальной номадизации предположительно около начала нашей эры, т. е. во времена господства гуннов в Центральной Азии. А пока, поскольку речь идет об историческом прошлом, в развитии монгольской лексики наиболее заметным и значительным представляется преимущественно то, что связано с проникновением в монгольский язык иноязычных элементов, которые вкратце рассмотрены выше.

Однако изменения в лексике монгольского языка за период XIV—XVII вв., как бы они ни были существенны для прошлого, далеко уступают тем, которые наблюдаются в лексике современного монгольского языка и которые обусловлены глубочайшими преобразованиями в жизни монгольского народа после народной революции 1921 г., в ходе успешного строительства социализма в Монголии.

Эти изменения сводятся, во-первых, к тому, что некоторые слова, как, например, наименования отживающих категорий и явлений и др., отошли в разряд историзмов и на периферию словарного состава, например: *бээл* 'бейле', *бэйс* 'бейсе' (наименования степеней княжеского достоинства); *лагшин* 'тело', 'персонал'; *угсаатай* 'родовитый', 'благородный'; *цагаачин* 'цагачины' (скотоводы, лишившиеся скота и вынужденные скитаться); *банз* в значении 'орудие пытки'; *банздах* 'подвергать телесному наказанию'; *даа* 'великий', 'большой' (применительно к лицам, монастырям, городам) и т. п. Точное значение подобного рода слов уже неизвестно молодому поколению монгольского народа.

Во-вторых, многие старые слова получили новые значения, иногда утратив свои старые значения либо полностью, либо частично, например: *яам* 'министерство', прежде — 'присутственное место', 'палата' (ныне в сочетании со словами *элчин сайдын яам* означает также 'посольство'); *эвлэл* 'союз', прежде — 'согласие', 'единомыслие'; *нам* 'партия' (политическая организация), прежде — 'согласие', 'сходство', 'ровня', 'принадлежащие к одной группе'; *гавшагай* 'ударный' (*гавшагай хөдөлмөр* 'ударная работа'), прежде только — 'проворный', 'ловкий', 'расторопный', 'быстрый'; *цахилгаан* 'электричество', прежде только — 'молния'; *дугуй* 'велосипед', прежде только — 'круг', 'колесо' и т. д.

В-третьих, путем суффиксации образовались новые слова, например: *хамтрал* 'колхоз' < *хамтра-* 'объединяться' плюс суффикс *-л*; *ухуулагч* 'агитатор' < *ухуул-* 'вразумлять' плюс суффикс *-гч*; *ухуулга* (гаплология — вместо *ухуулалга*) 'агитация' < *ухуул-* плюс суффикс *-лга*; *сурвалжлагч* 'корреспондент' < *сурвалжла-* 'доискиваться', 'собирать сведения' плюс суффикс *-гч*, *сурталч* 'идеолог', 'пропагандист' < *сурталч* 'идея', 'пропаганда' (прежде — 'учение', 'наставление', 'наука') плюс суффикс *-ч* и т. п.

В-четвертых, большое количество неологизмов образовано путем использования сочинительного и подчинительного сочетания слов, чаще всего двух. Например, сочинитель-

ные сочетания: *эв хамт* 'коммунизм', 'коммунистический' <*эв* 'дружба', 'согласие' и *хамт* 'вместе'; *орлого зарлага* 'бюджет' <*орлого* 'доход', 'приход', 'прибыль' и *зарлага* 'расход', 'издержки'; *олон нийт* 'общественность' <*олон* 'много', 'масса' и *нийт* 'весь', 'всего', 'совокупность' и т. п.; подчинительные сочетания, чаще всего — определительные: *нийгэм журам* 'социализм' <*нийгэм* 'общий', 'общественный' и *журам* 'порядок', 'строй', 'правило', т. е. в целом 'общий строй'; *агаарын мэдээ нэвтрүүлэгч* 'радиовещатель' <*агаарын* 'воздушный', *мэдээ* 'весть', 'известие' и *нэвтрүүлэгч* 'распространитель', т. е. в целом 'распространитель воздушных известий'; *их сургууль* 'университет' <*их* 'большой' и *сургууль* 'школа', т. е. в целом 'большая школа'; *дээд сургууль* 'институт' <*дээд* 'высший' и *сургууль* 'школа', т. е. в целом 'высшая школа', и т. п. Надо отметить, что в ходе терминотворчества лексические нововведения не всегда оказывались сразу же удачными, а потому в дальнейшем заменялись более удачными и соответствующими требованиям точного выражения значений того или иного понятия. Например, в двадцатые и тридцатые годы „автомобиль" обозначался такими сочетаниями, как *үүрын тэрэг* 'паровая телега' и *мухар тэрэг* 'комолая телега', а также китайским *чийчаа*, которые в настоящее время заменены интернациональным *машин* (произносится *машаан* или *машийн*). Некоторые из неологизмов, только что перечисленных, в настоящее время в монгольском языке употребляются наряду с интернациональными терминами, например *эв хамт* и *коммунизм*, *нийгэм журам* и *социализм* и т. д.

В-пятых, современная монгольская лексика обогатилась большим количеством иноязычных заимствований, преимущественно русских и интернациональных, примеры которых уже приводились.

Таковы в основных чертах особенности лексики монгольского языка по ее составу, происхождению, по ее генетическим пластам и слоям.

С точки зрения структурной монгольские слова независимо от их происхождения делятся, как и почти в каждом языке, на корневые (первичные, или непроизводные) и производные (вторичные), образованные путем суффиксации, т. е. состоящие из первичных основ и словообразующих суффиксов, которые наращиваются к производящим основам.

Подавляющая часть монгольской лексики состоит из производных слов, образованных посредством использова-

ния большого количества словообразующих суффиксов. Эти суффиксы служат для образования как имен от глагольных и именных основ, так и глаголов от именных и глагольных основ. Образуются при помощи словообразовательных суффиксов и другие части речи, в особенности наречия и послелоги.

Агглютинативный характер монгольского языка приводит к тому, что при однозначности словообразовательных суффиксов корень в один слог может разрастись до пределов чрезвычайно многослежного и длинного слова и служить основой для образования большой группы производных слов.

Приведем здесь лишь один пример: *ний* 'согласие', 'единодушие', 'совокупность'> 1) *нийгдэ-* 'повсеместно распространяться'; 2) *нийгчлэ-* 'распространять', 'обобщать'; 3) *нийгэм* 'общий', 'общественный', 'общество'; 4) *нийгэмлэг* 'общество', 'объединение'; 5) *нийгэмчлэ-* 'делать всеобщим', 'обобществлять'; 6) *нийгэн* 'сплошной', 'повсеместно распространенный'; 7) *нийдэм* 'совокупность', 'все'; 8) *нийд-* 'сойтись', 'сдружиться'; 9) *нийлбэр* 'устье', 'сумма'; 10) *нийллэг* 'соединение', 'согласие', 'встреча'; 11) *нийлүүлэг* 'случка'; 12) *нийлүүлэгч* 'поставщик'; 13) *нийлүүл-* 'соединять', 'снабжать', 'случать'; 14) *нийлэг* 'синтез'; 15) *нийлэлт* 'соединение', 'согласие'; 16) *нийл-* 'соединяться', 'дружить', 'совпадать', 'соответствовать'; 17) *нийс* 'согласие', 'единомыслие'; 18) *нийслэл* 'столица'; 19) *нийт* 'всего', 'весь', 'совокупность'; 20) *нийтлэ-* 'печатать', 'издавать', 'обнародовать'; 21) *нийц* 'согласие' 'общительность', 'обходительность'; 22) *нийц-* 'соответствовать'. Здесь не приводятся разного рода залоговые образования от глагольных основ и последующие за ними и от них именные образования.

Если словопроизводство посредством суффиксации в современном монгольском языке является чрезвычайно распространенным и продуктивным, то другие способы словообразования, в той или иной степени продуктивные в более ранние периоды развития монгольского языка, в настоящее время уже не употребляются, хотя их результаты обнаруживаются ныне в виде единичных примеров. В данном случае имеются в виду внутренняя флексия основы и перестановка слогов, некогда использовавшиеся в качестве словообразовательных способов.

Применение внутренней флексии основ в словообразовательных целях, ныне совершенно неиспользуемой, можно показать на следующих примерах: *ах* 'старший брат',

'старший вообще' — *эх* 'мать', 'старшая вообще'; *хайрцаг* 'ящичек' — *хайрцаг* 'ящик', 'сундук'; *цагаан* 'белый' *цэгээн* 'светлый', 'беловатый'; *дуус-* 'кончать', 'заканчивать'< *дагус—тегвс-* 'кончаться', 'завершаться' *тегўс-*; *согс-* 'стоять на ногах', 'останавливаться', 'переставать' *тогт-* 'останавливаться', 'переставать', 'устанавливаться', 'складываться', 'образовываться', 'договариваться'; *задра-* 'развязываться', 'раскрываться', 'расстраиваться', 'разваливаться' — *ядра-* 'уставать', 'изнемогать', 'бедствовать'; *зөв* 'правильный', 'верный', 'справедливый', 'точный' — *төв* 'прямой', 'честный', 'спокойный' и *төв* 'центр'. Сюда же можно отнести разграничение слов по наличию или отсутствию в них какого-либо начального звука (например, согласного *т*): *эхэс-* 'начинаться', 'возникать'<*егўс-* — *төгвс-*<*тегўс* (см. выше); *энд* 'здесь', 'тут' — *тэнд* 'там'; *ийм* 'такой [как этот]' — *тийм* 'такой [как тот]'. Сюда же относятся явления, связанные с переломами гласного *і*, которые на известном этапе развития монгольского языка сопровождались переходом *т*>*ч*, например: *чагна-* 'слушать', 'прислушиваться', 'подслушивать'<*чінгна-*<*тінгна-*<*тӣнгна-*>*тангна-*>*тагна-* 'разведывать', 'разузнавать'; *чин* 'непоколебимый', 'твердый' <*чінг*<*-тінг*<**тӣнг*>*тунг*>*тунг*~||*-тонг*>*тун* || *тон* 'весьма', 'очень', 'абсолютный' (ср. кирг. *тынг* 'бодрый', 'крепкий', 'прочный', *тынгша-* 'слушать', 'подслушивать', *чын* 'истина', 'правда', *чынг* 'крепкий', 'сильный').

Еще меньше сохранилось случаев использования в словообразовательных целях перестановки слогов: *хаш-* 'загораживать', 'преграждать', 'огораживать', 'загонять', 'никуда не пускать', 'притеснять'<*хасі-—шах-* 'жать', 'прижимать', 'выжимать', 'напирать'<*сіха-*; *шүт-* 'веровать', 'уповать'<*сітӯ-—тӯш-* 'опираться на что-либо', 'полагаться', 'надеяться на кого-либо'<*тӯсі-*; *бах* 'восхищение', 'радость', 'гордость'<*баха—хав* 'ловкость', 'проворность'<*хаба* (ср. бурят. *хабатай* 'мощный' и *бахатай* 'замечательный').

В известных случаях новые термины-слова „создаются" как бы переосмыслением старых, употребляемых, собственно говоря, в переносном значении, например: *мөлжих* 'эксплуатировать' (в классовом обществе), прежде только — 'глодать'; *ногоо* 'овощи', прежде — 'трава', 'зелень'; *боловсрол* 'образование', 'просвещение', 'образованность', прежде — 'созревание', 'совершенствование', 'созидание', 'творение' (а также „образование" в смысле возникновения и становления из чего-либо) и т. п.

Наряду с образованием слов при помощи суффиксации

и отчасти переосмысления старых слов в современном монгольском языке широко используются в тех же целях различные типы сложения слов, или словосочетания. Выше в связи с изложением лексических изменений в монгольском языке эпохи народной революции и строительства социализма в Монголии уже говорилось о неологизмах и терминах, образованных сочинительным и подчинительным сочетанием слов. Поэтому здесь нам остается лишь указать, что сочинительные словосочетания чаще всего образуют так называемые парные слова. С семасиологической точки зрения парные слова бывают двоякого типа: в одном случае слова, составляющие пары, сохраняют свои значения и по существу не создают новых понятий, например *орлого зарлага* 'бюджет' или 'приход и расход',— здесь мы имеем как бы механическое соединение слов. В другом случае составные компоненты парных слов теряют свои исконные значения, образуя новые слова, иногда с неожиданными значениями, например *эв хамт* 'коммунизм', 'коммунистический',— здесь мы наблюдаем явление, похожее на химическое соединение элементов.

Таким образом, словарный состав современного монгольского языка включает исконно монгольскую лексику, известная часть которой является также достоянием и тюркских языков, родственных с монгольскими, и слова, заимствованные из других языков, как родственных, так и неродственных, носители которых в различные эпохи истории вступали в те или иные отношения с монголами. Роль этих языков в качестве „поставщиков" лексики для монгольского языка не была и не является всегда одинаковой: одни из них, например ранние тюркские, поставляли свои слова в дописьменные, исторически незасвидетельствованные времена, тогда как другие, например греческий, арабский, иранские, уйгурский, тибетский и санскритский, в роли языков-поставщиков выступали в период преимущественно среднемонгольского языка (XIII—XVI вв.); маньчжурские слова проникают в монгольскую лексику в эпоху господства маньчжурского феодализма (XVII—XIX вв.); китайские заимствования становятся особенно значительными в новое и новейшее времена, хотя отдельные китайские слова начали проникать в монгольский язык и в более ранние периоды истории; в настоящее время в обогащении монгольской лексики важную роль играет также и русский язык, через который (и в фонетическом и семасиологическом облике которого) вместе с русскими словами внедряются в монгольский язык и интернациональные термины.

МОРФОЛОГИЯ

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

По своим морфологическим особенностям монгольский язык относится к агглютинативным языкам. Это значит, во-первых, что корень, основа и суффиксы, из коих состоят слова, в ходе словообразования и словоизменения остаются неизменными, если не считать известные, позиционно обусловленные вариации звукового состава суффиксов, зависящие от звукового же состава корня или основы. В силу этого в монгольском языке нет никаких „правильных" и „неправильных" глаголов, „сильных", „слабых" или „смешанных" типов склонения. Более того: характер образования падежных форм в монгольском языке таков, что все склоняемые части речи (имена существительные, прилагательные, предметные и качественные, местоимения, числительные, причастия и, отчасти, некоторые наречия) имеют один и тот же тип склонения. Поэтому применительно к явлениям монгольского языка нет никакой необходимости говорить, например, о склонении имен существительных или причастий отдельно от склонения имен прилагательных или числительных. Известно, что звуковой состав всякого падежного суффикса зависит не от того, к какой части речи относится данное склоняемое слово, но исключительно от звукового состава последнего, в частности от того, на какой звук оно оканчивается.

Во-вторых, суффиксы в монгольском языке однозначны. Так, например, в русском „написал" суффикс *-л* содержит указания на то, что действие относится к прошлому, осуществлено одним лицом, притом мужского пола, т. е. в данном суффиксе нашли свое выражение три категории (времени, числа и рода), а в соответствующем монгольском *бичив* суффикс *-в* содержит лишь указание, что действие относится к прошлому, т. е. выражает только категорию времени. Иными словами, суффиксы в монгольском языке выражают только одну какую-либо грамматическую или лексическую категорию. В этом и состоит одна из существенных черт агглютинации, одно из важнейших отличий агглютинативных языков от флективных.

В-третьих, поскольку монгольский язык не знает категорий грамматического рода и, в словоизменительных морфемах, числа, по звуковому составу лексических основ невозможно определить, к какой части речи относится данное слово, особенно, если оно оказывается непроизводным.

Посредством суффиксации, т. е. использования разного рода суффиксов, в монгольском языке осуществляются словообразование и словоизменение, или формообразование (образование форм падежей и независимо от последних множественного числа имен, а также спряжение глагола). Если же от какого-либо имени отсечь суффиксы, выражающие категории падежа, то остается основа данного имени, которая фонетически в известных случаях не совпадает с формой именительного падежа и посредством наращения к которой соответствующих суффиксов и образуются различные падежные формы, например: *малын* (родительный падеж, суффикс *-ын*) 'скота', *малыг* (винительный падеж, суффикс *-ыг*) 'скот', *малд* (дательно-местный падеж, суффикс *-д*) 'скоту', *малаас* (исходный падеж, суффикс *-аас*) 'от скота', *малаар* (орудный падеж, суффикс *-аар*) 'скотом', *малтай* (совместный падеж, суффикс *-тай*) 'со скотом', 'имеющий скот', основой же этого слова, в данном случае совпадающей с формой именительного падежа, является *мал* 'скот'.

Что касается формы множественного числа имен, то образующий ее суффикс присоединяется к основе единственного числа, например: *ширээнүүд* 'столы' от *ширээ* 'стол', *эхэс* 'матери' от *эх* 'мать'. Но в некоторых случаях образование формы множественного числа происходит посредством изменения конечного согласного *н* (часто „скрытого"), *л* или *р* на *-д*, например: *гишүүд* 'члены' от *гишүүн* 'член', *тугад* 'телята' от *тугал* 'теленок', *морьд* 'лошади' от *морь* (*морин*) 'лошадь', *нөхөд* 'товарищи' от *нөхөр* 'товарищ'. Важно отметить, что форма множественного числа имени совершенно не связана с категорией падежа: форма именительного падежа множественного числа по отношению к остальным падежным формам того же множественного числа является основой, например: *морьд* 'лошади', *морьдын* 'лошадей', *морьдыг* 'лошадей', *морьдод* 'лошадям', *морьдоос* 'от лошадей', *морьдоор* 'лошадьми' и *морьдтой* 'с лошадьми', 'имеющий лошадей'[1]. Следовательно, имена как бы имеют две основы — одну для единственного числа, а другую, производную от первой, для множественного числа, т. е. в данном случае форма последнего одновременно

[1] Поскольку здесь уже даны примеры образования форм множественного числа имен, в дальнейшем к этой категории мы не будем возвращаться. Отметим лишь, что в монгольском языке, следовательно, наблюдается многообразие суффиксов множественного числа, чего нет, например, в тюркских языках (в этом Б. Я. Владимирцов в свое время видел следствие смешанного характера монгольского языка).

оказывается второй основой имени[2]. Кроме того, из примеров видно, что склонение имен во множественном числе ничем не отличается от склонения тех же имен в единственном числе, поскольку падежные суффиксы фонетически варьируются опять-таки лишь в зависимости от звукового состава склоняемого имени.

Если же от какого-либо глагола отсечь суффиксы, образующие различные наклонения, причастия и деепричастия, то остается основа данного глагола, которая в то же самое время является повелительной формой второго лица, например *гар!* (совпадает с основой *гар-*) 'выходи!', *гаръя!* 'выйдемте!', *гарав* 'вышел', *гараад* 'вышедши', *гарсан* 'вышедший' и т. д.[3]

Следовательно, основой монгольского слова является его кратчайшая и в лексико-грамматическом отношении знаменательная часть.

Основа слова может быть либо корневой, непроизводной, либо производной, образованной посредством наращения к корню слова соответствующих суффиксов. Причем корневыми основами монгольских слов надо считать и такие, которые по нормам современного монгольского языка являются неразложимыми на собственно корень и словообразующий суффикс.

В связи со сказанным важно определить, когда в монгольском языке мы имеем дело с образованием новых лексических основ, или новых слов, т. е. со словообразованием, а в каких случаях перед нами оказывается формообразование, т. е. образование не новых лексических слов, а разных форм одного и того же наличного слова. В монгольском языке каждое слово обладает словообразовательной способностью, тогда как формы слова, за исключением основных (именительный падеж имен, количественные числительные и повелительно-желательная форма глагола второго лица единственного числа), такой способностью не обладают. Вследствие этого не признаются словообразованиями, например: 1) форма множественного числа имен, которая является второй основой последних; 2) порядковые, разделительные и собирательные числительные; 3) любая вторично-видовая основа глагола (см. в разделе о глаголе), поскольку они не могут быть основами для образования новых слов. Но зато разного рода вторично-залоговые основы глагола следует признать образованиями новых гла-

---

[2] О полной и усеченной основах имени см. в разделе о склонении.
[3] О вторично-видовых основах глагола см. в разделе о глаголах.

гольных основ, новых глаголов, так как от основ побудительных, страдательных, совместных или взаимных глаголов, т. е. от глаголов в формах побудительного, страдательного, совместного или взаимного залогов, возможны образования, в частности, именных основ, например: 1) *сур-* 'учиться', 'учить что-либо'—*сурга-* 'учить кого-либо', 'обучать' (побудительный залог)—*сургууль* 'учеба', 'школа'; 2) *ял-* 'победить'—*ялагд-* 'быть побежденным' (страдательный залог)—*ялагдал* 'поражение'; 3) *хэл-* 'говорить'—*хэлэлц-* 'разговаривать', 'обсуждать' (совместный залог)—*хэлэлцээ* 'переговоры', 'соглашение'; 4) *барь* 'держать'—*барилд-* 'бороться' (спорт.; взаимный залог)—*барилдаан* 'борьба'.

Следовательно, форма множественного числа имен, порядковые, разделительные и собирательные числительные и формы вторичных видов глагола являются именно формами слов и в то же время основами особого рода, так как они служат базой для образования разных склоняемых и спрягаемых форм тех же слов, оказываясь в этом смысле в лексико-грамматической системе монгольского языка промежуточными явлениями, т. е. на грани между словообразованием и формообразованием или совмещая в себе некоторые признаки того и другого. Отдельные исключения типа *эх* 'мать' и *эхнэр* (формально множественное число от *эх*) 'жена' или *хүүхэн* 'девушка' и *хүүхэд* (формально множественное число от *хүүхэн*) 'ребенок', 'дитя'; 'дети', 'ребята', а также *сайн* 'хороший' и *сайд* (формально множественное от *сайн*) 'министр' не меняют общей картины.

Агглютинативная природа монгольского языка, как уже сказано, обнаруживается в том, что звуковой состав (точнее, звуковые вариации) словоизменительных и словообразовательных суффиксов зависит от фонетического облика основы в целом или ее конечного согласного, поскольку дело касается вокализма и некоторых консонантных компонентов этих суффиксов. В силу этого монгольские суффиксы по своему звуковому составу, меняющемуся в зависимости от фонетического облика основы слова, либо целиком состоят из переменных, или варьирующихся, звуков, либо содержат как переменные, так и постоянные звуки. Переменными звуками суффиксов оказываются гласные, позиционные вариации которых зависят от вокализма изменяемой или производящей основы по правилам сингармонизма, а постоянными — преимущественно согласные, из которых лишь отдельные (*б—в, д—т, ж—ч, л—р*) могут варьироваться в зависимости от характера консонантизма, преимущественно конечного, той же основы слова. Иными слова-

многие монгольские суффиксы, не имея стандартного звукового облика, представляют собой известное единство ряда вариантов, каждый из которых, однако, является постоянным лишь в составе фонетически однотипных слов. Поэтому можно утверждать, что в составе определенных суффиксов известные группы звуков оказываются как бы позиционными вариантами фонем, чего никак нельзя сказать о тех же звуках в составе изменяемой или производящей (корневой в особенности) основы слова. В этом смысле или в морфологическом плане вариантами одних и тех же фонем надо признать: 1) *а—о—ө—э* и соответственно долгие *аа—оо—өө—ээ*, 2) *уу—үү*, 3) *б—в*, 4) *д—т*, 5) *ж—ч*, 6) *л—р*, например: 1) в суффиксе будущего причастия — *явах* 'имеющий идти', *ирэх* 'имеющий прибыть', *орох* 'имеющий войти', *өргөх* 'имеющий поднять' (здесь переменной частью суффикса является гласный, а постоянной — согласный *-х*) и в суффиксе разделительного деепричастия — *яваад* 'пошедши', *ирээд* 'прибыв', *оролд* 'вошедши', *өргөөд* 'поднявши' (здесь переменной частью суффикса оказывается долгий гласный, а постоянной — согласный *-д*); 2) в суффиксе побудительного залога *явуул-* 'заставить идти', *ирүүл-* 'заставить прибыть' (здесь переменную часть суффикса составляет долгий гласный *-уу-* или *-үү-*, а постоянную согласный *-л*); 3) в суффиксе условного деепричастия — *явбал* 'если пойдет', *олбол* 'если вырастет', *ирвэл* 'если прибудет' (здесь переменными частями суффикса являются согласный *-б-* ‖ *-в-* и краткий гласный, а постоянной — согласный *-л*); 4) в суффиксе дательно-местного падежа — *малд* 'скоту' и *барт* 'тигру' (здесь суффикс состоит из одного переменного согласного *-д* ‖ *-т*, если не считать необозначенного в письме краткого гласного, также переменного); 5) в суффиксе соединительного деепричастия — *болж* 'становясь' и *гарч* 'выходя' (здесь суффикс состоит из одного переменного согласного *-ж* ‖ *-ч*); 6) в суффиксе образования отглагольного имени — *хавчуур* 'клещи', 'скрепки' и *барцул* 'ручка', *өлгүүр* 'вешалка', *хэрүүл* (от омертвелой основы *хэр-*, от которой существует взаимная форма *хэрэлд-* 'ссориться') 'ссора', 'раздоры' (здесь переменным оказывается весь звуковой состав суффикса, в части вокализма по правилам сингармонизма, а в отношении консонантизма в порядке диссимиляции).

Остается сказать несколько слов относительно терминов „суффикс" и „окончание". Уже постпозиционный характер агглютинации монгольского языка предопределяет то, что в этом языке не может быть префиксов и инфиксов и что в нем имеются только суффиксы. Поскольку же словообразовательные и словоизменительные морфемы монгольского языка имеют только одно какое-либо лексическое, грамматическое или лексико-грамматическое значение, эти морфемы невозможно подразделять на суффиксы и окончания: в монгольском языке и в этом отношении надо признать наличие лишь суффиксов и отсутствие окончаний, отличающихся и раздельных от суффиксов. Данное обстоятельство в значительной степени обусловлено тем, что в монгольском языке нет категории грамматического рода и что в системе глагола этого языка отсутствует также категория числа (в системе же имен, как уже говорилось, выражение множественного числа совершенно автономно от оформления падежей и предшествует последнему, находясь тем самым на грани между словообразованием и словоизменением, если подходить к этому с точки зрения определения структуры слова).

ИМЕННЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ

С точки зрения словоизменительных категорий части речи в монгольском языке более или менее легко подразделяются на изменяемые и неизменяемые. Изменяемые части речи делятся в свою очередь на склоняемые, или именные (имена существительные, предметные, прилагательные, качественные, местоимения и числительные), и спрягаемые (глаголы). К неизменяемым частям речи относятся наречия, послелоги, частицы, союзы и междометия (вместе с условно включаемыми сюда так называемыми изобразительными словами, изучение которых началось лишь недавно и которые предполагается выделить даже в качестве особой части речи, отличной от междометий). В отношении именных частей речи, кроме местоимений и числительных, среди монголистов нет еще единой и общепринятой точки зрения ни в отношении их общего количества, ни в отношении состава каждой из них. Одни полагают, что в монгольском языке существуют имена существительные и имена прилагательные, а также местоимения и числительные, тогда как другие устанавливают наличие в этом языке имен предметных и качественных, не вполне совпадающих с именами существительными и прилагательными других языков.

Главная трудность в определении именных слов как принадлежности той или иной части речи возникает тогда, когда эти слова оказываются корневыми, непроизводными,

поскольку их морфемный состав не может служить в данном плане надежной опорой для лексико-грамматического анализа. Трудность усугубляется тем, что в монгольском языке именные части, обладая одной и той же категорией падежа, характеризуются общим для всех них типом падежного склонения. Поэтому для определения принадлежности соответствующего слова к той или иной части речи в первую очередь привлекаются его лексико-семасиологические и синтаксические свойства, тогда как морфологический принцип здесь применим в наименьшей степени или вообще не может быть использован.

Таким образом, лексико-семасиологический, морфологический и синтаксический приемы определения принадлежности того или иного слова к соответствующей части речи могут быть использованы с успехом лишь в том случае, если они применяются дифференцированно, в зависимости от группы рассматриваемых слов.

Лексико-семасиологические, морфологические и синтаксические признаки определенных разрядов слов монгольского языка и позволяют выделить в этом языке перечисленные выше шесть склоняемых, или именных, частей речи.

Имена существительные — это такие слова, которые в лексико-семасиологическом отношении обозначают предметы или опредмеченные явления и процессы, не могущие быть материалом для создания других предметов. Они служат для обозначения преимущественно абстрактных понятий, опредмеченных процессов, социальных и биологических единиц и т. п. В морфологическом отношении имена существительные бывают корневыми и производными, а синтаксически не могут быть определениями других слов, находясь в форме своей основы: эта группа имен в форме родительного и совместного падежей может выступать в определительной функции[4]. Следовательно, имена существительные — это слова типа *мал* 'скот', *тахиа* 'курица', *шавь* 'ученик', *улс* 'государство', 'страна', *нам* 'партия', *ном* 'книга', *нуур* 'озеро', *ялалт* 'победа', *явдал* 'ход', 'походка', *уралдаан* 'соревнование', *эмгэн* 'старуха', *хоног* 'сутки', *боом* 'сибирская язва', *Америк* 'Америка', *Лондон* 'Лондон', *Цэрэн* 'Цэрэн' (собственное имя), *буриад* 'бурят', *мажар* 'венгр' и т. д.

Так как значительная часть имен существительных состоит из производных слов (суффиксы: *-бар* ‖ *-вар, -л, -лт, -лга, -лага, -мж, -уул* и т. д.), то они легко определяются как таковые, например: *тасалбар* 'квитанция', *таавар* 'загадка', *эвлэл* 'союз', *тасралт* 'перерыв', *хаалга* 'ворота', *байгууллага* 'организация', *тусламж* 'помощь', *харуул* 'караул' и т. п.

Имена предметные — это слова, которые в лексико-семасиологическом отношении обозначают предметы, могущие служить материалом для создания или образования других предметов; морфологически они являются корневыми, или непроизводными, а синтаксически могут быть определениями других имен, будучи употреблены в форме своей основы (полной, или неусеченной, если речь идет об именах с конечным *-н*), например: *төмөр* 'железо', *алтан* 'золото', *болд* 'сталь', *модон* 'дерево', *зэс* 'медь' и т. п. Следовательно, предметные имена — это та сравнительно немногочисленная группа непроизводных слов, которые обозначают конкретную материальную предметность и иногда называются в литературе „существительными-прилагательными", поскольку они в своем неопределительном употреблении соответствуют именам существительным, например, русского языка (*болдоор хийв* 'сделали из стали'), а в определительном — именам прилагательным (*болд сэлэм* 'стальной меч').

Обычно в лингвистической литературе имена существительные и предметные трактуются как слова одного и того же лексико-грамматического разряда и объединяются под общим наименованием „имен существительных", так как их разграничение представляет безусловно известную трудность, особенно в школьной практике. При всех своих особенностях, благодаря которым имена существительные и предметные отличаются друг от друга, эти части речи характеризуются тем, что они в одинаковой степени обладают категорией числа (категория падежа присуща всем именным частям речи и причастиям), чего лишены имена прилагательные, качественные и числительные (мы не говорим здесь о местоимениях, которым в их совокупности свойственны категории всех частей речи, соотносительных с разными разрядами местоимений).

Кроме того, в лингвистической литературе на почве смешения морфологического с синтаксическим имена суще-

[4] Исключение представляют „назывные" определения типа *монгол гутал* 'монгольские сапоги', *орос хэл* 'русский язык', или *хонин жил* 'год овцы', уподобительные определения типа *морин хуур* 'моринхур' (род музыкального инструмента с изображением конской головы: *морин* 'конь') и приложения типа *хятад багш* 'учитель китаец' или *нөхөр Дамдин* 'товарищ Дамдин',—здесь имена существительные *монгол* 'монгол', *орос* 'русский', *хонин* 'овца', *морин* 'конь', *хятад* 'китаец', *нөхөр* 'товарищ' являются определениями других имен, находясь в форме своей основы.

ственные и особенно предметные иногда считаются именами прилагательными, если они употреблены в определительной функции, поскольку эти части речи в данном случае переводятся, например на русский язык, именно прилагательными: *зэс зоос* 'медная монета' (*зэс* 'медь') и *монгол хэл* 'монгольский язык' (*монгол* 'монгол'). Следовательно, здесь как будто имеются омонимичные слова: *зэс* 'медь' и *зэс* 'медный', *монгол* 'монгол' и *монгол* 'монгольский'. Показательно, однако, что подобные слова в монгольском языке не употребляются предикативно со значением, так сказать, имен прилагательных [требуется постановка определяемого имени, например: *энэ хэл монгол хэл* 'этот язык монгольский' (букв.: 'этот язык — монгольский язык'), *энэ зоос зэс зоос* 'эта монета медная' (букв.: 'эта монета — медная монета') и т. п.].

Имена прилагательные — это такие слова, которые в большинстве случаев являются производными, за исключением „цветных" (т. е. определяющие цвет), и слова „геометрических", типа *зузаан* 'толстый', *нимгэн* 'тонкий' — о плоских предметах, *бүдүүн* 'толстый', *нарийн* 'тонкий' — о неплоских предметах и т. п.; в морфологическом отношении они лишены категории числа и в лексико-семасиологическом плане, обозначая качество или признак предмета, обладают суженными значениями по сравнению с таким же разрядом имен других языков. Если, например, русское относительное прилагательное „конный" имеет разнообразные значения, то соответствующее ему монгольское *морьт* значит только 'имеющий коня' [например, 'конная армия' *морьт арми* (букв.: 'с конем армия'), но 'конный завод' *морины завод* (букв.: 'завод коня'), 'конные грабли' *морин тармуур* (букв.: 'конь грабли')].

Качественные имена — это слова, обозначающие качество и признаки как предмета, так и действия, а потому в предложении они могут выступать в качестве определения имени и обстоятельства образа действия, выраженного глаголом, чего нельзя сказать об именах прилагательных. Следовательно, — это такая группа слов, которые по своим значениям и употреблению в предложении как бы соответствуют качественным прилагательным и наречиям образа действия, например в русском языке. В морфологическом отношении качественные имена являются преимущественно непроизводными и полностью лишены категории числа, чем они отчасти напоминают имена прилагательные. Эти имена обозначают качество предмета, будучи определениями имен существительных, предметных и местоимений, например: *сайн ном* 'хорошая книга', *муу мод* 'плохое дерево', *сайхан юум* 'нечто прекрасное' (букв.: 'прекрасное нечто') и т. п. Но эти же имена обозначают качество действия, оказываясь в положении перед глаголами, т. е. выступая как обстоятельство образа действия: *сайн сууна* 'живет хорошо', *муу бичнэ* 'пишет плохо', *хурдан уншина* 'читает быстро' и т. п.

В лингвистической литературе иногда принято качественные имена рассматривать и как качественные прилагательные (в сочетании с именами, например, *хурдан морь* 'быстрая лошадь') и как наречия образа действия (в сочетании с глаголами: *хурдан явна* 'идет быстро'). Кроме того, имена прилагательные и имена качественные обычно объединяются под общим наименованием „имен прилагательных", т. е. рассматриваются в составе одной именной части речи. Основанием для этого служит то, что качественные имена и качественные прилагательные одинаково могут сочетаться с усилительными словами типа *их*, *маш* или *тун* 'очень', 'весьма', 'крайне' (*маш давсархаг* 'весьма солоноватый', *их муу* 'очень плохой', *маш сайн* 'крайне хороший' и т. п.), образуют аналитическую форму превосходной степени в сочетании со словами типа *хамгийн*, *адгийн* или *туйлын* 'самый' (*хамгийн хурдан* 'самый быстрый', *туйлын их* 'самый большой', 'чрезвычайно большой', *хамгийн баярхаг* 'чрезмерно чванящийся своим богатством') и входят в сравнительную конструкцию исходного падежа (*галаас халуун* 'жарче огня', *цаснаас цагаан* 'белее снега', *мориноос хурдан* 'быстрее лошади'). Некоторые имена прилагательные (преимущественно „цветовые") имеют формы степеней качества, например недостаточности (показатель *-втар*: *шар* 'желтый' — *шаравтар* 'желтоватый', *ногоон* 'зеленый' — *ногоовтор* 'зеленоватый', *хар* 'черный' — *харавтар* 'черноватый') или интенсивности (показателем является редупликат — повторение первого слога с наращением согласного *-в*: *шав-шар* 'желтый-прежелтый', *цав-цагаан* 'белый-пребелый', *ув-улаан* 'необыкновенно красный', *хов-хол* 'далекий-предалекий' и т. п.).

Остается сказать несколько слов о субстантивации имен прилагательных и качественных, которую не следует смешивать с их субстантивным употреблением. О субстантивации этих имен, т. е. о переходе этих частей в имена существительные, можно говорить лишь тогда, когда они обозначают не признак предмета, а самый предмет по его характерному или случайному признаку, теряя при этом свои грамматические свойства и приобретая новые, например

категорию числа. Следовательно, не синтаксическая функция данного слова прежде всего определяет его принадлежность к той или иной части речи, а его лексико-семасиологическая природа. В грамматических признаках слова лишь проявляется его внутренняя, лексико-семасиологическая сущность. Часть речи есть категория лексико-семасиологического порядка, поскольку лексико-семасиологическая сторона слова составляет ее сущность или содержание, а грамматическая—внешнее проявление этой сущности. Например, слово *шар* 'желтый', вообще являющееся качественным прилагательным, в значении 'желток' оказывается именем существительным, так как оно в этом случае, обозначая предмет, а не его признак, не может иметь формы степеней качества, сочетаться с усилительными словами, образовывать аналитические формы превосходной степени, входить в конструкцию сравнения с исходным падежом. То же самое надо сказать относительно имен качественных прилагательных типа *бат* 'крепкий', *цагаан* 'белый', *хурдан* 'быстрый' и т. п., если они употребляются, например, как имена собственные типа *Бат* 'Бата' или названия предметов типа *цагаан* 'белок (глаза)' и т. д.

Но эти же имена прилагательные и качественные, обозначая так называемые опредмеченные признаки и соответствуя русским существительным типа „крепость", „белизна", „быстрота" и т. п., не переходят в разряд имен существительных, так как они при этом не теряют своих грамматических свойств, перечисленных выше, например: *энэ морины тэр мориноос хурднаныг мэдэв* 'узнали, что эта лошадь быстрее той лошади' (букв.: 'узнали о большой быстроте этой лошади сравнительно с той лошадью'), *шөнийн хав харанхуйд* 'в самой глубокой темноте ночи', *хонийг хамгийн тарганд нь* 'овцу, когда она является наиболее жирной' (букв.: 'овцу в ее наижирности') и т. п. К сказанному надо добавить, что имена прилагательные и имена качественные не переходят в имена существительные и тогда, когда ими обозначаются предметы, выделенные из ряда однородных по данному качеству: *эрийн сайн* 'лучший из мужей' (букв.: 'мужа хороший',— следовательно, здесь речь идет о конструкции с родительным падежом, но: *энэ эрийн сайн нь* 'хорошее свойство этого мужа' или букв.: 'этого мужа хорошесть').

Если в монгольском языке можно найти случаи полной субстантивации имен прилагательных и качественных, то имена существительные и имена предметные переходят в разряд имен прилагательных и качественных крайне редко. Приведем здесь лишь один пример: имя существительное *ногоо*, или *ногоон*, 'трава', 'зелень' со значением 'зеленый', перешло в разряд имен прилагательных в еще довольно раннюю эпоху развития монгольского языка, в результате чего ныне имеются как бы омонимичные слова *ногоо* 'трава', 'зелень' и *ногоон* 'зеленый', второе из которых обладает всеми свойствами цветовых прилагательных, например формами степеней качества (*ногоовтор* 'зеленоватый' и *нов ногоон* 'зеленый-презеленый'), способностью входить в сравнительную конструкцию (*энэ будаг тэр будгаас ногоон* 'эта краска зеленее той краски') и т. п.

Имена прилагательные и качественные, не имеющие категории числа, переходят в имена существительные, если они употребляются в форме множественного числа, поскольку эти слова в данном случае, лишенные способности передавать качество, обозначают предметы, обладающие данным качеством, например: *цагаантан* 'белые' (в смысле 'белогвардейцы'), *ихэс* 'вельможи', 'сановники', 'высокопоставленные' (от *цагаан* 'белый' и *их* 'большой')[5].

Числительные в монгольском языке обладают категорией падежа, как и все именные части речи в этом языке, но лишены категории числа, тем самым напоминая имена прилагательные и качественные[6]. Помимо своей лексико-семасиологической природы (выражение в числах количества предметов), имена числительные в морфологическом отношении от всех прочих именных частей речи отличаются тем, что они обладают вторичными основами порядковости, разделительности и собирательности, в своей первичной основе являясь количественными. В соответствии с этим в монгольском языке имеются числительные четырех разрядов.

Количественные—*нэгэн* 'один', *хоёр* 'два', *гурван* 'три', *дөрвөн* 'четыре', *таван* 'пять', *зургаан* 'шесть', *до-*

[5] В современном монгольском языке качественные имена и прилагательные в своем определительном употреблении, не согласуясь в числе с определяемым, никогда не принимают форму множественного числа, как это имеет место в некоторых бурятских диалектах (и встречалось в ранние периоды развития старописьменного монгольского языка), в которых наблюдаются примеры типа *багануud байшангууд* 'маленькие дома' вместо *бага байшангууд* (букв.: 'маленький дома'), или *багануud байшан* в том же значении (букв.: 'маленькие дом', поскольку определяемое может стоять в форме единственного числа, если множественность предметов обозначена в определении).

[6] Числительные в форме множественного числа встречаются в родо-племенных названиях: *дөрвөд* 'дэрбет', *мянгад* 'Мингат', *тумэд* 'тумет', бурятские *долоонгууд* 'долонгут' и *наймангууд* 'наймангут',— соответственно от *дөрөв* 'четыре', *мянган* 'тысяча', *түмэн* 'десять тысяч', *долоон* 'семь' и *найман* 'восемь'.

доон 'семь', *найман* 'восемь', *есөн* 'девять', *арван* 'десять', *хорин* 'двадцать', *гучин* 'тридцать', *дөчин* 'сорок', *тавин* 'пятьдесят', *жаран* 'шестьдесят', *далан* 'семьдесят', *наян* 'восемьдесят', *ерэн* 'девяносто', *зуун* 'сто', *мянган* 'тысяча', *тумэн* 'десять тысяч', *бум* 'сто тысяч', *сая* 'миллион', *жибаа* 'десять миллионов', *дүнчүүр* 'сто миллионов' (здесь числительные с конечным согласным *-н* даны в полной основе); многозначные числительные образуются сочетаниями, в которых десятки предшествуют единицам, сотни—десяткам и т. д., например: *долоон мянган найман зуун арваг гурав* 'семь тысяч восемьсот тринадцать' (как видно, сотни тысячи и т. д. составляются из единиц+*зуун*, *мянган* и т. п.).

Порядковые с показателем *-дугаар* ‖ *-дүгээр* — *нэгдүгээр* 'первый', *гуравдугаар* 'третий', *тавьдугаар* 'пятидесятый', *зуудугаар* 'сотый', *мянгадугаар* 'тысячный' и т.

Разделительные с показателем *-аад* — *нэжээд* 'по одному', *хоёроод* 'по два', *арваад* 'по десять', *зуугаад* 'по сто' и т. д.; разделительные свыше десяти имеют также значение приблизительности, например, *арваад* и 'по десять' и 'около десяти', *хориод* и 'по двадцать' и 'около двадцати' и т. п. (точное значение определяется в контексте).

Собирательные с показателем *-үүл* ‖ *-үүл* — *хоёүүл* 'вдвоем', *гурвуул* 'втроем', *есүүл* 'вдевятером' и т. п.

Вторичные основы числительных, т. е. порядковые, разделительные и собирательные числительные, являются формами числительных, а не образованиями новых слов, потому что, подобно вторично-видовым основам глаголов, они лишены словообразовательной способности, т. е. от них не могут быть образованы новые слова, как это возможно от основ количественных числительных.

Неопределенно-количественных числительных монгольский язык не знает, поскольку соответствующие слова типа *олон* 'много', *хэдэн* (чаще в сочетании с *нэг*: *нэг хэдэн* 'несколько' и т. д. не образуют вторичных основ порядковости, разделительности и собирательности и входят в состав других частей речи.

Дроби по-монгольски выражаются сочетаниями: знаменатель в форме родительного падежа и числитель как определяемое, например *долооны гурав* 'три седьмых' и т. д. Следовательно, дробных числительных монгольский язык также не имеет. Слово же *хагас* 'половина' является именем существительным.

Местоимения в монгольском языке, если иметь в виду их различные разряды, в своей совокупности обладают всеми теми категориями, которые присущи остальным частям речи. Они выделяются в особую часть речи прежде всего по своей лексико-семасиологической природе и подразделяются на следующие разряды, относительно которых в монголистике пока еще нет полной ясности:

1) личные: *би* 'я', *чи* 'ты', *бид* 'мы', *та* 'вы';

2) указательные: *энэ* 'этот', *тэр* 'тот', *эд* 'эти', *тэд* 'те', *ийм* 'такой [как этот]', *тийм* 'такой [как тот]', *тус* 'данный', *өөрөө* 'этот самый', *мөн* 'данный', 'этот самый'; указательные местоимения *энэ* и *тэр* как бы заменяют отсутствующее в монгольском языке личное местоимение третьего лица единственного числа 'он', а *эд* и *тэд* — множественного числа 'они';

3) возвратные: *өөрөө* (основа *өөр-*) 'сам' и *өөрсдөө* (основа *өөрсөд-*) 'сами';

4) вопросительные: *хэн* 'кто', *хэдий* 'сколько', *юу* 'что', *ямар* 'какой', *аль* 'какой', 'который [из них]', *хэдэн* 'сколько';

5) глагольные: *ий-* 'делать' (как это, как этот), *тий-* 'делать' (как то, как тот), *яа-* 'как сделать', 'как быть'— в связи с этим показательно, что в монгольском языке местоимения называются *төлөөний үг*, т. е. местословие.

Личное местоимение первого лица множественного числа *бид* 'мы' исторически является включительным, в настоящее время употребляющееся безразлично, т. е. и в исключительном и в включительном значениях, если иметь в виду лишь его форму именительного падежа (в формах других падежей оно имеет значение включительного местоимения— 'мы с вами'). Что касается исключительного местоимения данного же лица и числа, некогда наличного в монгольском языке в виде *ба* 'мы без вас', то ныне сохранилась его основа для косвенных падежей *ма-* (см. ниже о склонении имен).

Личные местоимения, будучи соотносительны с именами существительными, обладают категорией числа, чего нельзя сказать об указательных местоимениях, соотносительных с именами прилагательными и качественными. Глагольные местоимения обладают всеми категориями глагола. Именно поэтому мы говорим, что монгольским местоимениям в их совокупности присущи категории всех частей речи.

СКЛОНЕНИЕ ИМЕН

Как уже сказано, в монгольском языке категория падежа является общей для всех именных частей речи (и причастий) не только в том смысле, что по падежам изменяются все эти части речи, но и в том, что все они обладa-

по одним типом склонения. Выбор того или иного фонетического варианта падежного суффикса зависит не от принадлежности данного склоняемого слова к определенной части речи, а исключительно от характера звука последнего.

С точки зрения падежного изменения монгольских имен прежде всего провести различие между основой и именительным падежом. Если именительный падеж — форма, в которой данное имя в предложении оказывается подлежащим, то основа есть та часть слова, посредством наращения к которой соответствующих суффиксов и образуются все косвенные падежи. В монгольском же языке основа имени и именительный падеж совпадают не во всех случаях, так как формы основы и именительного падежа оказываются разными для некоторых местоимений и имен с конечным согласным *-н*.

Для неместоименных именных частей речи приходится говорить о полной и усеченной основах, последняя из которых и совпадает с формой именительного падежа, что особенно наглядно при именах с конечным согласным *-н*.

Полная основа имени является базой для образования родительного, дательно-местного и исходного падежей, тогда как от усеченной основы образуются формы остальных падежей—винительного, орудного и совместного. Кроме того, имя употребляется в форме своей полной основы тогда, когда оно применяется в качестве определения другого имени, например: *модон байшин* 'деревянный дом' (здесь предметное имя *модон* дано в форме своей полной основы), но—и *энд мод байна* 'здесь имеется дерево' (в данном случае то же имя дано в форме именительного падежа, совпадающей с формой усеченной основы *мод-*). Следовательно, полная основа имени, которая не совпадает с формой именительного падежа, несет не только морфологическую функцию, служа базой для образования ряда падежей, но и осуществляет самостоятельную синтаксическую задачу, оказываясь формой именного определения. Равным образом и усеченная основа имени наряду с функцией морфологического характера также может выполнять самостоятельную синтаксическую задачу, а именно—быть формой прямого дополнения: *морь барив* 'поймали коня' (здесь имя *морь* дано в форме усеченной основы, которую иногда называют неудачным термином „неоформленный винительный падеж").

Личные местоимения *би* 'я', *чи* 'ты', *бид* 'мы' и *та* 'вы', а также указательные *энэ* 'этот', *тэр* 'тот', *эд* 'эти'

Таблица 4

Именительный падеж	Основа	Падежи, образуемые основой
би 'я'	*мин-*	родительный
	нам-	винительный
	над-	все, кроме родительного и винительного
чи 'ты'	*чин-*	родительный
	чам-	все, кроме родительного
бид 'мы'	*бидэн-*	все
**ба* 'мы'	*ман-*	родительный
	маньтан-	все, кроме родительного
та 'вы'		все
энэ 'этот'	*үүн-*	все, кроме орудного
	үү-	орудный
тэр 'тот'	*түүн-*	все, кроме орудного
	түү-	орудный
эд 'эти'	*эдэн-*	все
тэд 'те'	*тэдэн-*	все

Примечание. В настоящее время исключительное местоимение *ба* не существует в форме именительного падежа.

Для *энэ* имеются параллельные основы *эн-* (для винительного падежа), *энүү-* (для орудного падежа), *энэн-* (для прочих падежей).

Для *тэр* также имеются параллельные основы *тэрүүн-* (для орудного падежа) и *тэрэн-* (для прочих падежей).

и *тэд* 'те' имеют разные основы. Эти местоименные основы не совпадают с формой именительного падежа и самостоятельно употребляются лишь в сочетании с послелогами, например *чам шиг* 'вроде тебя' или *нам дээр* 'на мне', но не применяются в определительной функции. Эти основы показаны в табл. 4.

Поскольку в монгольском языке выявляются различные основы имен, в падежном склонении этого языка агглютинация никоим образом не нарушается. Наличие разных основ для одних и тех же местоимений, также не нарушая агглютинацию, не обнаруживает каких-либо флективных начал.

В системе падежного склонения монгольских имен различаются склонения: 1) простое, при котором к основе

склоняемого имени наращивается суффикс лишь одного какого-нибудь падежа; 2) двойное, когда к основе одного и того же имени наращиваются суффиксы двух разных падежей; 3) притяжательное, при котором падежные суффиксы сопровождаются либо лично-притяжательными частицами, либо безлично-притяжательными, или возвратно-притяжательными, частицами.

Именительный падеж не имеет специального показателя и по форме совпадает с усеченной основой, если исключить местоимения. Этот падеж является формой подлежащего и сказуемого, например: *нар гарав* 'солнце взошло'; *энэ бол миний багш* 'это мой учитель'; *энэ би* 'это я'; *энэ бол миний нутаг* 'это мое кочевье'.

Родительный падеж, отвечающий на вопросы „кого?", „чего?", образуется при помощи суффиксов: 1) *-ий*—после основ с конечным *-н* в словах с женскими гласными, например: *хэн* 'кто'—*хэний* 'кого', *мэргэн* 'меткий'—*мэргэний* 'меткого', *хүн* 'человек'—*хүний* 'человека'; 2) *-ы*—после основ с конечным *-н* в словах с мужскими гласными, например: *дайн* 'война', *дайны* 'войны', *дуун* 'песня'—*дууны* 'песни', *уралдаан* 'соревнование'—*уралдааны* 'соревнования'; 3) *-ийн*—в словах с женскими гласными после основ с конечными согласными, кроме *-н*, и краткими гласными, а в словах с мужскими гласными после основ с конечными палатализованными и шипящими согласными или глухим *-г*, например: *гэр* 'юрта'—*гэрийн* 'юрты', *шинэ* 'новый'—*шинийн* 'нового', *хань* 'друг', 'спутник'—*ханийн* 'друга', 'спутника', *багш* 'учитель'—*багшийн* 'учителя', *цоож* 'замок'—*цоожийн* 'замка' (дверей), *цооног* 'скважина'—*цооногийн* 'скважины'; 4) *-ын* только в словах с мужскими гласными после основ с конечными согласными, кроме *-н*, *-г*, шипящих и палатализованных, и краткими гласными, например: *ах* 'старший'—*ахын* 'старшего', *улс* 'государство'—*улсын* 'государства', *хана* 'стена'—*ханын* 'стены'; 5) *-н*—после основ с конечными дифтонгами и долгим *-ий*[1], например: *нохой* 'собака'—*нохойн* 'собаки', *хий* 'воздух'—*хийн* 'воздуха', *зай* 'интервал'—*зайн* 'интервала'; 6) *-гийн*—после основ с конечным долгим гласным, например: *жодоо* 'пихта сибирская'—*жодоогийн* 'пихты сибирской', *буу* 'ружье'—*буугийн* 'ружья', *жороо* 'иноходец'—*жороогийн* 'иноходца'.

Дательно-местный падеж, отвечающий на вопросы „кому?", „чему?", „где?", „когда?", „в чем?", „в ком?",

[1] Долгий гласный *ий* образовался из дифтонга *ei*.

образуется при помощи суффиксов: 1) *-д* после основ с конечными любыми гласными, а также с конечными согласными, кроме *-г* и *-р* со скрытыми гласными, которые не обозначаются на письме, например: *хана* 'стена'—*ханад* 'в стене', *манан* 'туман'—*мананд* 'в тумане', *сурагч* 'учащийся'—*сурагчид* 'учащемуся', *ар* 'север'—*ард* 'на севере', *буу* 'ружье'—*бууд* 'ружью', *эцэс* 'конец'—*эцсэд* 'в конце', *зэс* 'медь'—*зэсэд* 'в меди', *хад* 'скала'—*хадад* 'в скале', *хуц* 'баран'—*хуцад* 'барану'; 2) *-т*—после основ с конечными *-г* и *-р* без скрытых гласных, например: *хэрэг* 'дело'—*хэрэгт* 'в деле', *бичиг* 'письмо'—*бичигт* 'в письме', *гэр* 'юрта'—*гэрт* 'в юрте'.

Винительный падеж, отвечающий на вопросы „кого?", „что?", образуется при помощи суффиксов: 1) *-ийг* —в словах с женскими гласными после основ с любым конечным согласным или кратким гласным, а в словах с мужскими гласными после основ с конечными палатализованными и шипящими согласными, а также и с *-г*, например: *гэр* 'юрта'—*гэрийг* 'юрту', *хэвтэр* 'лежка' — *хэвтрийг* 'лежку', *хэдгэнэ* 'шмель'—*хэдгэнийг* 'шмеля', *шөнө* 'ночь'—*шөнийг* 'ночь', *багш* 'учитель—*багшийг* 'учителю', *харь* 'чужой'—*харийг* 'чужого', *олбог* 'подстилка'—*олбогийг* 'подстилку'; 2) *-ыг*—только в словах с мужскими гласными после основ с конечным любым согласным, кроме *-г*, палатализованных и шипящих, и кратким гласным, кроме *-и*, например: *мал* 'скот'—*малыг* 'скот', *сонин* 'газета'—*сониныг* 'газету', *арга* 'способ', 'мера'—*аргыг* 'способ', 'меру', *чоно* 'волк'—*чоныг* 'волка'; 3) *-г*—после любых основ с конечными долгими гласными или дифтонгами, например: *тоо* 'количество'—*тоог* 'количество', *жороо* 'иноходец'—*жороог* 'иноходца', *гахай* 'свинья',—*гахайг* 'свинью', *зай* 'пространство'—*зайг* 'пространство'.

Исходный падеж, отвечающий на вопросы „от кого?", „от чего?", „откуда?", „с какого времени?", образуется при помощи суффиксов: 1) *-аас* ‖ *-оос* ‖ *-өөс* ‖ *-ээс* после основ с конечным любым согласным, кроме заднеязычного *-н* со скрытым *-г* и палатализованных, и кратким, кроме *-и*, например: *нөхөр* 'товарищ'—*нөхрөөс* 'от товарища', *жолооч* 'водитель'—*жолоочоос* 'от водителя', *хана* 'стена'—*ханаас* 'от стены', *хэдгэнэ* 'шмель'—*хэдгэнээс* 'от шмеля'; 2) *-гаас* ‖ *-гоос* ‖ *-гөөс* ‖ *-гээс*—после основ с конечными долгими гласными и дифтонгами, например: *далай* 'море'—*далайгаас* 'из моря', *хий* 'воздух'—*хийгээс* 'от воздуха', *толгой* 'голова'—*толгойгоос* 'из головы', *буу* 'ружье'—*буугаас* 'из ружья', *жороо* 'иноходец'—*жороогоос* 'от иноходца' (за

множественного числа, *чинь* — второго лица единственного числа, *таань* — того же лица множественного числа, *нь* — третьего лица обоих чисел), которые пишутся раздельно, либо безлично-притяжательные, или возвратно-притяжательные частицы (*-хаа||-хоо||-хөө||-хээ* — для родительного падежа, *-гаа||-гөө||-гээ* — для совместного падежа, *аа||-оо||-өө||-ээ* — для остальных падежей), которые пишутся слитно с суффиксом соответствующего падежа.

Лично-притяжательные частицы обозначают принадлежность предмета, выраженного в основе склоняемого слова, к тому или иному лицу, например: *гэр жинь* 'моя юрта', *гэрт маань* 'в нашей юрте', *гэрийн чинь* 'твоей юрты' (*гэрийн чинь дэргэд* 'около твоей юрты') и т. п. Как известно, принадлежность предмета определенному лицу выражается также посредством форм родительного падежа личных местоимений, применяемых в определительной функции, например: *миний гэр* 'моя юрта', *манай гэрт* 'в нашей юрте', *чиний гэрийн* 'твоей юрты' и т. п. Поэтому лично-притяжательное склонение имен как бы однозначно с определительным употреблением личных местоимений, усеченными формами которых и являются лично-притяжательные частицы. Но в первом случае логическое ударение падает на определяемое имя, а во втором — на притяжательное определение, например: *миний гэрт* 'в **моей** юрте' и *гэрт минь* 'в **юрте** моей'.

Возвратно-притяжательные частицы обозначают принадлежность одного предмета другому, выраженному в подлежащем, т. е. передают понятие „свой", и не наращиваются к именительному падежу, например: *морио барив* 'поймал своего коня', *сургуулиасаа ирэв* 'пришел из своей школы', *номоо уншихад нь* 'когда он читал свою книгу', *дээлээрээ дарав* 'прикрыл своей шубой' и т. д. Показатели склонения см. в табл. 5.

Таблица 5

ПОКАЗАТЕЛИ СКЛОНЕНИЯ

Падежи	Суффиксы падежей	Возвратно-притяжательные частицы
Именительный	суффикса нет	—
Родительный	*-ий, -ы, -ийн, -ын, -н*	*-хаа, -хоо, -хөө, -хээ*
Дательно-местный	*-д, -т*	*-аа, -оо, -өө, -ээ*
Винительный	*-ийг, -ыг, -г*	

Продолжение

Падежи	Суффиксы падежей	Возвратно-притяжательные частицы
Исходный	*-аас, -оос, өөс, -ээс*	*-аа, -оо, -өө, -ээ*
	-гаас, -гоос, -гөөс, -гээс	—
	-иас, -иос	—
Орудный	*-аар, -оор, -өөр, -ээр*	—
	-гаар, -гоор, -гөөр, -гээр	—
	-иар, -иор	—
Совместный	*-тай, -той, -тэй*	*-гаа, -гоо, -гөө, -гээ*

ГЛАГОЛЫ

Основы глаголов

В современном монгольском языке глаголы, обозначающие действие или состояние, обладают категориями залога, вида, времени, наклонения и лица, причем категории времени и наклонения морфологически совмещаются, а категория лица частично представлена в некоторых формах повелительно-желательного наклонения.

Основа монгольского глагола, совпадающая с повелительной формой второго лица, если она морфологически наиболее развернута, может быть лексической, залоговой и видовой. Лексическая основа глагола представляет собой в то же самое время форму прямого (основного) залога и может быть первичной и вторичной, например: *хаа-* 'закрывать' и *хаар-* 'закрываться', *хар-* 'смотреть' и *харгалз-* 'обращать внимание', *инээ-* 'смеяться' и *инээбхэл-* 'посмеиваться'. Следовательно, вторичные основы глагола образуются от первичных при помощи разного рода суффиксов (*-р, -галз, -бхэл-* и т. д.) и характеризуются некоторыми модальными и иными оттенками, например, в плане переходности-непереходности, активности-пассивности, а иногда в лексическом отношении совершенно обособляются от первичных (см. *хар-* и *харгалз*). Первичная лексическая основа глагола, вообще являющаяся первоначальной морфемой

этой части речи, может быть либо корневой (*яв-* 'идти', *ир-* 'прибыть', *ор-* 'войти', *гар-* 'выходить' и т. д.), либо производной, образованной от других частей речи посредством словообразовательных суффиксов (*-л-*, *-д-*, *-ж-*, *-р-*, *-жир-*, *-рх-*, *-шаа-*, -на- и т. п.: *эвлэ-* 'ладить' от *эв* 'согласие', *бууд-* 'стрелять' от *буу* 'ружье', *баяж-* 'богатеть' от *баян* 'богатый', *илэр-* 'проясниться' от *ил* 'ясный', *сайжир-* 'улучшаться' от *сайн* 'хороший', *баярх-* 'чваниться' от *баян* 'богатый', *сайшаа-* 'одобрять' от *сайн* 'хороший', *эмнэ-* 'лечить' от *эм* 'лекарство' и т. п.).

В отдельных случаях в монгольских языках вообще подобные первичные глагольные основы образованы от омертвелых основ при помощи омертвелых же суффиксов, например: *арзай-* 'оскаливаться' от омертвелой основы *арз-*, *булгана-* 'высовываться' от омертвелой основы *булг-* (здесь мы имеем суффиксы *-ай-* и *-гана-*, а омертвелые основы *арз-*, *булг-* обнаруживаются в составе других слов: *арзгар* 'оскаленный', 'неровный', *арзгай* 'оскаленный', 'неровный', 'торчащий', *булгай-* 'высовываться').

Лексическая основа глагола — это база для образования прочих основ глагола, залоговых и видовых, независимо от того, является она первичной или вторичной, причем суффиксам видовых основ глагола предшествуют залогообразующие суффиксы, если соответствующая глагольная основа является вторично-залоговой (первично-залоговая основа есть форма прямого залога, совпадающая с лексической основой глагола же). Таким образом, видовая основа глагола является наиболее сложной основой этой части речи, например, в составе глагола *харгалзуулчих* 'взять да и заставить обратить внимание' имеются: 1) первичная лексическая основа *хар-* 'смотреть', 2) суффикс вторичной лексической основы *-галз-* (*харгалз-* 'обратить внимание'); 3) суффикс побудительного залога *-уул-* (*харгалзуул-* 'заставить обратить внимание') и 4) суффикс интенсивного вида от основ переходного глагола *-чих-*.

Так как совпадающие друг с другом показатели наклонения и времени наращиваются к основе глагола в самую последнюю очередь, то морфемный состав глагола в целом располагается в следующем порядке: 1) первичная лексическая основа, 2) суффикс вторичной лексической основы, 3) суффикс вторично-залоговой основы, 4) суффикс видовой основы и 5) суффикс наклонения и времени. Именно в этом порядке и следует рассматривать различные категории и явления в системе монгольского глагола. Разумеется, что в том или ином случае морфемы 2, 3 и 4 могут отсутство-

вать полностью или частично, если данный глагол в определенном употреблении применяется, например, в форме своей первичной лексической основы, поскольку все его основы лексически являются знаменательными и самостоятельными.

Категория залога в монгольском языке есть такое оформление глагольной основы, которое указывает на отношение субъекта к действию, но не на отношение действия к субъекту и объекту. В данном случае под субъектом разумеется любой предмет, выраженный в подлежащем, а не логическая категория в смысле реально действующего лица. Следовательно, категория залога в монгольском языке отличается от подобной же категории, например, в русском языке. В соответствии с этим в монгольском языке устанавливаются следующие залоги: прямой, побудительный, страдательный, взаимный и совместный.

Прямой залог указывает, что субъект относится к действию как его единственный, непосредственный и реальный исполнитель, и, стало быть, примерно соответствует действительному и среднему залогам других языков. Как уже сказано, этот залог не имеет специальных показателей, а поэтому его форма является нулевой, совпадающей с лексической основой глагола, например *нар гарав* 'солнце взошло' или *ах морь барив* 'брат поймал коня'.

Побудительный залог (суффиксы: *-уул-*, *-га-*, *-лга-*, *-аа-* *-гаа-*, например: *яв-* 'идти'—*явуул-* 'отправить', 'заставить идти', *гар-* 'выйти'—*гарга-* 'вывести', *буу-* 'спускаться'—*буулга-* 'спустить', *хат-* 'сохнуть'—*хатаа-* 'сушить', *уна-* 'падать'—*унагаа-* 'свалить') указывает, что предмет является не реальным и непосредственным исполнителем или носителем данного действия, а только возбудителем[8]. В побудительном обороте реальным исполнителем или носителем действия оказывается второй компонент данного оборота, передаваемый винительным, дательно-местным или орудным падежами[9], тогда как первый компонент такого оборота — подлежащее — является именно

[8] Побудительные глаголы в зависимости от значения производящей основы или контекста переводятся на русский язык разными способами (либо при помощи инфинитива с дополнительными глаголами типа „попросить", „позволить" и „заставить", либо другими, но соответствующими по значению глаголами, например: *гарга* 'заставить выйти', 'позволить выйти', 'попросить выйти' или 'вывести', *явуул* 'заставить', 'позволить', 'попросить идти' или 'отправить').

[9] Вопрос о том, какой из этих падежей употреблен в том или ином случае, в настоящее время среди монголистов служит предметом дискуссионного обсуждения.

возбудителем действия, например: *багш надад бичиг уншуулав* 'учитель позволил мне прочитать письмо', *эцэг нь залуучуудаар малдаа хэвтэр малтуулав* 'его отец попросил молодежь выкопать лежанку для его скота'. Иногда побудительный залог имеет как бы страдательное значение, например: *Цэрэн бороонд цохиулав* 'Цэрэн побит дождем' (букв.: 'Цэрэн позволил дождю побить себя').

Страдательный залог (суффиксы: *-гд-*, *-д-* и *-т-*; *ал-* 'убивать' — *алагд-* 'быть убитым', *ол-* 'найти' — *олд-* 'быть найденным', 'найтись', *ав-* 'взять' — *авт-* 'быть взятым') указывает, что субъект испытывает на себе действие, выраженное в производящей основе глагола и осуществляемое вторым компонентом страдательного оборота, оформляемым в дательно-местном падеже: *хонь чонод баригдав* 'овца схвачена волком' (букв.: 'овца схвачена волку'). Следует отметить, что в монгольском языке страдательный залог употребляется сравнительно редко: в тех случаях, когда какой-нибудь предмет по отношению к данному действию может быть только объектом, этот залог либо вообще не применяется (например, глагол *уу-* 'пить' не образует форму данного залога), либо при его применении невозможна постановка второго компонента с обозначением реального исполнителя действия (например, если можно сказать *малгай олдов* 'шапка найдена', то нельзя добавить указания, кем же шапка найдена). Заслуживает внимания применение страдательного залога со значением побудительного во фразах типа *ард бол чонод малаа идэгдэхгүй байх* 'араты не дадут волкам съесть свой скот' (букв.: 'араты волкам свой скот съедены не будут' или 'араты волкам свой скот съесть не позволят', поскольку в монгольском языке страдательный залог отпочковался от побудительного, чего еще не произошло в маньчжурском языке, в котором эти залоги формально не различаются).

Взаимный залог (суффикс *-лд-*: *барь-* 'держать' — *барилд* 'бороться, схватив друг друга', *бай-* 'стоять', 'быть' — *байлд-* 'сражаться', 'стоять друг против друга') указывает, что субъект является одной из противоположных сторон или одним из реальных исполнителей действия, из которых второй обычно выражается именем в совместном падеже, например: *бид дайсантай буудалдав* 'мы перестреливались с противником'.

Совместный залог (суффикс *-лц-*: *барь-* 'держать' — *барилц-* 'держаться', *яв-* 'идти' — *явалц-* 'идти с кем-либо', *суу-* 'сидеть' — *суулц-* 'сидеть с кем-либо', 'присутствовать на собрании', *ор-* 'входить' — *оролц-* 'входить с кем-либо',

'принимать участие с кем-либо в чем-либо') указывает, что субъект является соучастником в совершении какого-либо действия, главным исполнителем или инициатором которого является другое лицо, выраженное именем в совместном падеже, например: *Цэрэн бол Дамдинтай ажил хийлцэв* 'Цэрэн работал с Дамдином' (т. е. Дамдин работал, а Цэрэн к нему присоединился). Кроме того, этот залог часто означает, что: 1) какое-либо действие само является попутным, совершаемым в ходе выполнения другого, например: *гол тийш явахдаа миний морь харалцаарай* 'когда будешь идти к реке, посмотри, нет ли там моей лошади', или 2) попутным является какой-нибудь объект, например: *тэр гутлаа овалцав* 'прихватил и те сапоги' (подразумевается наряду с другими вещами, составляющими основные предметы сбора).

Во многих случаях взаимный и совместный залоги употребляются один вместо другого или для простого обозначения множества субъектов.

Если страдательный и взаимный залоги образуются преимущественно от основ переходных глаголов, то побудительный и совместный залоги могут быть образованы от основ любых глаголов. В ряде случаев некоторые производящие глагольные основы оказываются уже вышедшими из употребления в языке, а поэтому вторично-залоговые основы ныне представляются как бы первичными или образованными непосредственно от именных основ, что вообще невозможно. Например, взаимные по форме глаголы *худалд-* 'торговать', 'продавать' и *андалд-* 'обмениваться' представляются как бы образованными соответственно от именных основ *худ* 'сват' и *анд* 'побратим', 'друг' (прежде при сватовстве и побратимстве происходил соответствующий обмен чем-либо), так как первично-залоговые основы в виде *худал-* и *андал-* не зарегистрированы ни в памятниках монгольской письменности, ни в живой монгольской речи наших дней.

Обычными и распространенными являются образования комбинированных залоговых форм: побудительно-страдательных (*явуулагд-* 'быть отправленным' от *яв-* 'идти'), страдательно-побудительных (*алагдуул-* 'допустить себя быть убитым', 'быть убитым по оплошности' от *ал-* 'убить'), совместно-побудительных (*явалцуул-* 'позволить идти с кем-либо'), побудительно-совместных (*оруулалц-* 'вместе с кем-либо вводить') и т. д.,— в этих случаях значение каждого из залогов сохраняется.

Как известно, категория глагольного вида показывает,

каким образом протекает действие с точки зрения характеристики его темпов, интенсивности, ритмичности, степени завершенности и т. д. В монгольском же языке лексические основы глагола со стороны видовой являются как бы нейтральными. Однако существуют такие вторичные видовые основы глагола, которые представляют собой не новые глаголы, а только формы глагола. Следовательно, видовые основы глагола — это явления промежуточного порядка: они, как и любая глагольная основа, служат базой для образования всех изменяемых форм глагола, т. е. являются грамматически дееспособными, но вместе с тем, подобно изменяемым формам глагола, лишены словообразовательной способности, т. е. не могут служить базой для образования новых слов. В соответствии со значениями этих видовых основ глагола можно говорить о наличии в монгольском языке интенсивного, учащательного, ритмического и ослабленного видов, показатели которых придают обычной лексической глагольной основе, лишенной видовой окраски, дополнительные видовые оттенки. Собственно, в данном случае можно было бы говорить скорее всего не о видах, а об интенсивных, учащательных ритмических и ослабленных формах глагола.

Интенсивные глаголы образуются посредством суффикса *-ч-* (от основ непереходных глаголов) или *-чих-* (от основ переходных глаголов), второй из которых вытесняет первый и передает действие, совершающееся в порывистом или ускоренном темпе, часто с оттенком неожиданности, например: *явч-* или чаще *явчих-* 'взять да и пойти' от *яв-* 'идти', *орч-* или чаще *орчих-* 'взять да и войти' от *ор-* 'войти', *хийчих-* 'взять да и сделать' от *хий-* 'сделать' и т. п.

Учащательные глаголы образуются посредством суффикса *-цгаа-*||*-цгоо-*||*-цгөө-*||*-цгээ-* и передают действие, протекающее в течение длительного времени прерывисто и многократно, иногда с оттенком ослабленности и притворства, а во многих случаях совершаемое многими, например: *бичцгээ-* 'попысывать', 'писать' (о многих) — от *бич-* 'писать', *буудцгаа-* постреливать', 'стрелять' (о многих) — от *буу-* 'стрелять', *'уншцгаа-* 'почитывать', 'читать' (о многих) — от *унш-* 'читать' и т. д.

Ритмические глаголы образуются от основ очень немногих глаголов посредством суффикса *-л-* и обозначают действие, совершающееся ритмически, например: *цохил-* 'биться' (о сердце и т. п.) от *цохь-* 'бить', *цахил-* 'сверкать', 'блестеть' от *цахь-* 'сверкнуть', 'блеснуть', *муугил-* 'крутить' (ритмически и многократно, например, о рези в живо-

те и т. п.) от *мушги-* 'крутить'. К этим ритмическим глаголам близки по своему значению образования на *-лз-* или *-галз-*(*найгалз* 'покачиваться' от *найга-* 'качаться', *харгалз-* 'обращать внимание' от *хар-* 'смотреть') и т. п., но не причисляются сюда потому, что они обладают словообразовательной способностью (например, *найгалзуур* 'качающийся', переносно 'кривляка', *харгалзлага* 'надзор', 'присмотр'), т. е. являются полнозначными лексическими основами глагола.

Ослабленные глаголы представляют собой аналитическую форму, которая образуется при помощи суффикса *-д* с речевым глаголом *гэ-* 'сказать', 'изречь', который при этом не имеет никакого лексического значения. Такая аналитическая форма ослабленного глагола передает действие, совершаемое неполностью, ослабленно, иногда с оттенком многократности и прерывности, что зависит от лексического значения той или иной глагольной основы, например: *явд гэ-* 'идти, время от времени останавливаясь' от *яв-* 'идти', *доголд гэ-* 'прихрамывать' от *догол-* 'хромать', *дуулд гэ-* 'слегка подпевать' от *дуул-* 'петь'.

ИЗМЕНЕНИЕ И УПОТРЕБЛЕНИЕ ГЛАГОЛОВ

Если лексические и залоговые основы глагола представляют собой категории словообразовательного порядка, то виды и совпадающие друг с другом категории времени и наклонения оказываются явлениями словоизменительного характера, т. е. совокупностью форм глагола. По своим синтаксическим и модальным свойствам формы глагола делятся на окончательные (формы повелительно-желательного и изъявительного наклонений) и неокончательные (деепричастия и причастия). Окончательные формы глагола употребляются только в функции конечного, или окончательного, сказуемого; деепричастия употребляются лишь в обстоятельственной функции и в качестве неконечного сказуемого в составе многосказуемостного предложения; причастия употребляются в любой синтаксической функции: подлежащего, дополнения, обстоятельства, определения и любого сказуемого. Если же эти формы глагола рассматривать в плане категории наклонения, то причастия и деепричастия оказываются нейтральными, сами по себе лишенными модальных значений. Таким образом, в монгольском языке известны лишь формы повелительно-желательного и изъявительного наклонений. Правда, причастия в своей предикативной функции приближаются к формам изъявительного наклонения,

а обстоятельственные деепричастия (условное, уступительное, целевое и т. п.— см. ниже) иногда принято считать формами соответствующих наклонений (условного, уступительного, целевого и т. д.), что представляет собой лишь терминологическую тавтологию. Применительно к явлениям монгольского языка целесообразнее выражение категории наклонения искать лишь в тех формах глагола, которые употребляются исключительно в предикативной функции, поскольку остальные формы глагола употребляются и в немодальных значениях.

Повелительно-желательное наклонение состоит из следующих форм, большая часть которых имеет в монгольском языке категорию лица: 1) повелительная форма второго лица, 2) пригласительная форма второго лица, 3) просительная форма второго лица, 4) вежливая форма второго лица, 5) пригласительная форма первого лица, 6) желательная форма первого лица, 7) желательная форма третьего лица, 8) повелительная форма третьего лица и 9) предостерегательная форма второго и третьего лица. Образование и значение указанных форм см. в табл. 6.

Таблица 6

ОБРАЗОВАНИЕ И ЗНАЧЕНИЕ ФОРМ
ПОВЕЛИТЕЛЬНО-ЖЕЛАТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ

Наименование форм	Суффиксы	Примеры
Повелительная 2-го лица	Основа	*яв*! 'идите!', *бич*! 'пиши', 'пишите!', *ор*! 'войди!', 'войдите!' — действие должно быть осуществлено немедленно.
Пригласительная 2-го лица	*-аарай*, *-оорой*, *-өөрэй*, *-ээрэй*	*яваарай*! 'иди!', 'идите!', *бичээрэй*! 'пиши!', 'пишите!', *ороорой*! 'войди!', 'войдите!', *өргөөрэй*! 'подними!', 'поднимите!'—действие должно быть осуществлено потом, т. е. в будущем.
Просительная 2-го лица	*-аа*, *-оо*, *-өө*, *-ээ*, плюс *-ч* (ед. ч.) или *-т* (мн. ч.)	*яваач*! 'иди же!', *яваат*! 'идите же!', *бичээч*! 'пиши же!', *бичээт*! 'пишите же!', *ороч*! 'войди же!', *ороот*! 'войдите же!', *өргөөч*! 'подними же!', *өргөөт*! 'поднимите же!'.
Вежливая 2-го лица	*-гтун*, *-гтүн*	*явагтун*! 'идите!', *бичигтүн*! 'пишите!', *орогтун*! 'войдите!' — употребляется в обращении ко 2-му лицу обоих чисел.

Продолжение

Наименование форм	Суффиксы	Примеры
Пригласительная 1-го лица	*-я, -ё, -е*	*явъя*! 'пойду-ка!', 'пойдемте!', *бичье*! 'напишу-ка!', 'напишемте!', *орьё*! 'войду-ка!', 'войдемте!'
Желательная 1-го лица	*-сугай, -сүгэй*	*явсугай*! 'пойти бы мне!', 'пойти бы нам!', *бичсүгэй*! 'написать бы мне!', 'написать бы нам!', *орсугай*! 'войти бы мне!', 'войти бы нам!'
Желательная 3-го лица	*-аасай, -оосой, -өөсэй, -ээсэй*	*яваасай*! 'хорошо бы ему (им) пойти!', *бичээсэй*! 'о, если бы он написал!,' 'о, если бы они написали!', *ороосой*! 'хорошо бы ему (им) войти!'
Повелительная 3-го лица	*-г*	*яваг*! 'пусть идет!', 'пусть идут!', *бичиг*! 'пусть пишет!', 'пусть пишут!', *орог*! 'да войдет!', 'да войдут!'
	-тугай, түгэй	*мандтугай*! 'да здравствует!', *сөнөтүгэй*! 'да сгинет!', 'да сгинут!'
		долой!' — это форма книжная и употребляется в разного рода воззваниях и обращениях, в газетах и т. д.
Предостерегательная 2-го и 3-го лица		*явуузай*! 'как бы он (ты) не пошел!', 'как бы они (вы) не пошли!' *ирүүзэй*! 'как бы он (ты) не прибыл!', 'как бы они (вы) не прибыли!'

Все повелительно-желательные формы, кроме предостерегательной, могут сопровождаться препозиционной частицей отрицания *битгий* или *бүү* 'не', например: *битгий бичээрэй!* 'не пиши!', 'не пишите [потом]!', *бүү яв* 'не иди!', 'не идите!', *битгий гаръя* 'не выйду-ка!', 'давайте не выходить!' *битгий бичээсэй!* 'хорошо бы, если бы он (они) не написал (не написали)!' и т. д. Предостерегательная форма принимает препозиционную отрицательную частицу *эс* 'не': *эс явуузай!* 'как бы он (ты) не не пошел!', 'как бы они (вы) не не пошли!' (смысл: 'боюсь, что он останется!'), *эс бичүүзэй!* 'как бы он (ты) не не написал!', 'как бы они (вы) не стали не писать'.

Все повелительно-желательные формы не могут сопровождаться вопросительными частицами и употребляться в вопросительном предложении.

В современном монгольском языке имеется четыре формы изъявительного наклонения, а именно: первая форма прошедшего времени с суффиксом *-в*, например: *явав* 'отправился', 'отправились', *бичив* 'написали', *оров* 'вошел', 'вошли'; вторая форма прошедшего времени с суффиксом *-жээ* || *чээ*, например: *явжээ* 'отправился', 'отправились', *гарчээ* 'вышел', 'вышли'; третья форма прошедшего времени с суффиксом *-лаа* || *-лоо* *-лөө* || *-лээ*, например: *явлаа* 'отправился', 'отправились', *орлоо* 'вошел', 'вошли', *өргөлөө* 'поднял', 'подняли', *ирлээ* 'пришел', 'пришли',—различия между этими тремя формами прошедшего времени до сих пор являются предметом дискуссионного обсуждения среди монголистов, поскольку они почти неуловимы, вследствие чего описанные формы взаимозаменимы; форма настоящее-будущего времени, обозначающая действие настоящего или будущего времени, что определяется по контексту, и образующаяся посредством суффиксов *-на* || *-но* || *-нө* || *-нэ*, например: *явна* 'идет', 'идут', *орно* 'входит', 'входят', *бичнэ* 'пишет', 'пишут' (*гадаа ав сууна* 'во дворе сидит отец', *гадаа багачууд сууна* 'во дворе сидят дети').

Изъявительные формы могут принимать препозиционную частицу отрицания *эс* или *үл* 'не' (например, *үл явна* 'не идет', *эс очив* 'не пошел', *үл үзэв* 'не видел'), сопровождаться постпозиционной частицей вопроса *уу* || *үү* (например, *явав уу?* 'пошел ли?', 'пошли ли?'; *ирэв үү?* 'прибыл ли?', 'прибыли ли?') и употребляться только в функции окончательного сказуемого (см. раздел о синтаксисе).

Деепричастия в монгольском языке делятся на сопутствующие (соединительное, слитное, разделительное) и обстоятельственные (продолжительное, целевое, последовательное, предварительное, условное, уступительное, предельное, попутное и заменное). Образование и значения их показаны в табл. 7.

Таблица 7

Образование и значения деепричастий

Деепричастия	Суффиксы	Примеры
Соединительное	*-ж*, *-ч*	*явж* 'идя', *гарч* 'выходя'
Слитное	*-н*	*явах* 'идя', *гаран* 'выходя'
Разделительное	*-вад*, *-од*, *-өд*, *-зэд*	*яввад* 'пойдя', *ороод* 'вошедши' *өргөөд* 'подняв', *ирээд* 'пришедши'.

Продолжение

Деепричастия	Суффиксы	Примеры
Продолжительное	*-саар, -соор, -сөөр, -сээр*	*явсаар* 'с тех пор, как пошел', *орсоор* 'с тех пор, как вошел', *ирсээр* 'с тех пор, как пришел'.
Целевое	*-хаа, -хоо, -хөө, -хээ*	*явахаа* 'чтобы идти', *орохоо* 'чтобы войти', *өргөхөө* 'чтобы поднять', *ирэхээ* 'чтобы прибыть'.
Последовательное	*-хлаар, -хлоор, -хлөөр, -хлээр*	*явахлаар* 'как только пошел', *орохлоор* 'как только вошел', *өргөхлөөр* 'как только поднял', *ирэхлээр* 'как только прибыл'.
Предварительное	*-магц, -могц, -мөгц, -мэгц*	*явмагц* 'лишь только пошел', *ормогц* 'лишь только вошел', *өргөмөгц* 'лишь только поднял', *ирмэгц* 'лишь только прибыл'.
Условное	*-бал, -бол, -бөл, -бэл -вал, -вол, -вөл, -вэл*	*явбал* 'если пойдет', *орвол* 'если войдет', *өргөвөл* 'если поднимет', *ирвэл* 'если прибудет'.
Уступительное	*-вч*	*явавч* 'хотя и пойдет', *оровч* 'хотя и войдет', *өргөвч* 'хотя и поднимет', *ирэвч* 'хотя и прибудет'.
Предельное	*-тал, -тол, -төл, -тэл*	*явтал* 'пока не уйдет', *ортол* 'пока не войдет', *өргөтөл* 'пока не поднимет', *иртэл* 'до прихода', 'пока не прибудет'.
Попутное	*-нгууд, -нгүүд*	*явангууд* 'в момент хождения', 'идя' *ирэнгүүд* 'прибывая'.
Заменное	*-нгаа, -нгоо, -нгөө, -нгээ*	*явангаа* 'вместо того, чтобы идти', *оронгоо* 'вместо того, чтобы войти', *өргөнгөө* 'вместо того, чтобы поднять', *ирэнгээ* 'вместо того, чтобы прибыть'.

Примечания. Слитное и соединительное деепричастия иногда называются деепричастиями настоящего времени, а разделительное деепричастием прошедшего времени.

Различие между последовательным и предварительным деепричастиями заключается в том, что одновременно с действием первого начинается и протекает действие подчиняющего глагола (*нар гарахлаар дулаан болов* 'одновременно с восходом солнца стало тепло' или 'как только взошло солнце, стало тепло'), тогда как действие предварительного деепричастия лишь непосредственно предшествует действию подчиняющего глагола (*нар гармагц дулаан боов* 'лишь только взошло солнце, как стало тепло'). Отсюда нетрудно заключить, что практически в речи различия между этими деепричастиями стираются.

Попутное и заменное деепричастия употребляются очень редко.

имея часто различные значения, перемежающиеся друг с другом, и известны не во всех монгольских диалектах. Кроме того, в некоторых из этих диалектов заменное деепричастие образуется при помощи суффикса *-нхаар* || *-нхоор* || *-нхөөр* || *-нхээр* (или *-хаар* и т. д.), например: *явнхаар* 'чем идти, лучше...', *оронхоор* 'чем входить, лучше...' и т. д.

Условное деепричастие иногда образуется при помощи суффикса *-хул* || *-хүл*, являющегося книжным или известного в восточных монгольских говорах, например: *явахул* 'если пойдет' и *ирэхүл* 'если прибудет'.

Большая часть деепричастий не употребляется в отрицательных конструкциях. Слитное деепричастие может принимать постпозиционное отрицание *-гүй* 'не', меняя при этом свой суффикс *-н-* на *-л-* и являясь в отрицательных конструкциях как бы представителем и соединительного деепричастия (*гарч* 'выходя' и *гаран-* || *гарал-гүй* 'не выходя'). Условное деепричастие принимает препозиционное отрицание *эс* 'не', например: *эс гарвал* 'если не выйдет', но чаще всего в форме этого деепричастия употребляется вспомогательный глагол *бол-* 'быть' (*болбол* или, гаплологически, *бол*), а требуемый глагол стоит в одной из причастных форм с отрицанием *-гүй; явахгүй бол* 'если не пойдет', *явсангүй бол* 'если не пошел', *яваагүй бол* 'если не идет' и т. д.

Сопутствующие деепричастия в модальном отношении являются нейтральными и употребляются в следующих функциях: а) образа действия—*найгаж явна* 'идет, качаясь', *уншилгүй сууна* 'сидит, не читая', б) неокончательного сказуемого во многосказуемостном и сочиненном предложениях—*морио услаад малдаа одов* 'напоил коня и отправился за скотом' или 'отправился за скотом, напоив коня', *нар гарч, дулаан болов* 'солнце взошло, и стало тепло', в) глагольного дополнения — *бичиж сурав* 'научился писать'.

Обстоятельственные деепричастия имеют соответствующую модальную окраску, что дает иногда повод считать их формами наклонения (условного, уступительного, целевого и т. д.). Из значений этих деепричастий (см. табл. 7) легко видеть, что обстоятельственные деепричастные обороты по своей функции напоминают придаточно-подчиненные предложения.

Если повелительно-желательные, изъявительные и деепричастные формы глагола являются собственно и исключительно глагольными, то причастные формы глагола (причастия) совмещают в себе признаки и глагола (время, залог, вид) и имени (падежное склонение и, при субстантивации, множественное число). Эти причастия, употребляемые в любой синтаксической функции, нейтральны в модальном отношении, хотя в своем предикативном употреблении они, обозначая действие, приближаются к изъявительным формам. В своем субстантивном употреблении причастия обозначают: 1) действие (*ирэхэд* 'при прибытии',

'когда прибудет'), 2) объект действия (*саасан нь тэр байна* 'выдоенное [молоко] находится там') и 3) субъект действия (*хотоос ирсэн нь тэнд сууна* 'прибывший из города сидит там').

В современном монгольском языке имеются следующие причастия: 1) будущее, или будущего времени, с суффиксом *-х*, например: *явах* 'имеющий прибыть', *орох* 'имеющий войти', *өргөх* 'имеющий поднять'; 2) незаконченно-прошедшее, или прошедшего времени незаконченного действия, иногда называемое причастием настоящего времени, с суффиксом *-аа* || *-оо* || *-өө* || *-ээ*, например: *яваа* 'идущий', *ирээ* 'прибывающий', *ороо* 'входящий', *өргөө* 'поднимающий': 3) законченно-прошедшее, или прошедшего времени, с суффиксом *-сан* || *-сон* || *-сөн* || *-сэн*, например: *ирсэн* 'прибывший', *орсон* 'вошедший', *өргөсөн* 'поднявший'; 4) многократное с суффиксом *-даг* || *-дог* || *-дөг* || *-дэг*, например: *ирдэг* 'обычно приходящий', *ордог* 'постоянно входящий', *өргөдөг* 'имеющий обыкновение поднимать'; 5) однократное (по не совсем точному традиционному наименованию) с суффиксом *-гч*, например: *явагч* 'ходящий', *ирэгч* 'приходящий', *орогч* 'входящий', *өргөгч* 'поднимающий'— это причастие по значению довольно близко к многократному, но чаще всего служит для образования отглагольных имен со значением деятеля (*сурагч* 'учащийся', *эрхлэгч* 'заведующий').

Причастие в положении перед именем является его определением, а вместе с зависящими от него словами—определительным причастным оборотом (развернутым определением): *явсан багш* 'ушедший учитель'='учитель, который ушел'; *эндээс надтай сургуульд явсан багш* 'учитель, который вместе со мною отсюда ушел в школу' (букв.: 'отсюда со мною в школу ушедший учитель').

Причастие в форме косвенных падежей или с послелогами является дополнением или обстоятельством, а вместе с зависящими от него словами—дополнительно-причастным или обстоятельственно-причастным оборотом (развернутым дополнением или развернутым обстоятельством): *ирснийг* 'прибытие', 'о прибытии'='о том, что прибыл'; *багшийн сургуулиас сая ирснийг мэдэв* 'о недавнем прибытии учителя из школы узнали'='узнали о том, что учитель недавно прибыл из школы' (букв.: 'учителя из школы недавно прибывший узнали'); *та нарыг сургуулиас цагтаа ирсэнд би их баярлаж байна* 'я очень радуюсь тому, что вы своевременно прибыли из школы'='я очень рад вашему своевременному прибытию из школы' (букв.: 'вас из школы

своевременно пришедшему я очень радуюсь'); *чамайг амралтаас ирэхээс өмнө би энэ ажлаа дуусгана* 'до твоего возвращения из отпуска я закончу эту свою работу'='я закончу эту свою работу до того, как ты возвратишься из отпуска' (букв.: 'тебя из отпуска до возвращения я эту работу свою закончу').

Причастие в форме именительного падежа, чаще всего с лично-притяжательными частицами, является подлежащим, а вместе с зависящими от него словами—подлежащно-причастным оборотом (развернутым подлежащим): *чиний амралтаас цагтаа ирсэн чинь сайн* 'хорошо, что ты своевременно вернулся из отпуска'='твое своевременное возвращение из отпуска пришлось кстати' (букв.: 'тебя из отпуска своевременно вернувшийся хорошо'); *сурсан далай, сурсангүй балай* 'учившийся море, неучившийся—тьма' (соответствует русскому „ученье свет, неученье тьма"); *бид хавар сургуулийнхаа ногооны гагар төмс тарьсан нь гойд сайн ургажээ* 'картофель, который мы весною посадили в своем школьном огороде, вырос очень хорошо' (букв.: 'мы весной на своем школьном огороде картофель посадили—очень хорошо вырос',—здесь как бы метатеза вместо *тарьсан төмс* 'посаженный картофель', что весьма обычно в современном монгольском языке).

Таким образом, причастные обороты в монгольском предложении широко применяются в самых разнообразных функциях, соответствуя в этих случаях различным придаточным предложениям и отглагольно-именным оборотам (как определительного, так и подчинительного порядка) других языков. Из приведенных примеров видно (см. выше буквальные переводы), что подлежащее причастного оборота (также и обстоятельственно-деепричастного) оформляется винительным или родительным падежом в случаях, когда подлежащее такого оборота и „главной" части предложения оказываются разными.

Следовательно, изложение обстоятельственно-деепричастных и причастных оборотов монгольского языка в значительной степени исчерпывает разбор синтаксиса предложения данного языка.

НЕИЗМЕНЯЕМЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ

Неизменяемые части речи монгольского языка изучены в наименьшей степени, но все же установлены (так сказать, вчерне) в составе наречий, послелогов, частиц, сою-

зов и междометий. Общее свойство этих частей речи состоит в том, что все они не изменяются по каким-либо формам. Правда, принято утверждать, что некоторые наречия и послелоги склоняются, хотя в действительности речь идет о некоторых именах, застывших в формах одного-двух падежей и тем самым превратившихся в служебные слова, т. е. в наречия и послелоги.

Наречия подразделяются на определительные, которые означают качество, образ, способ и меру действия или количественные оттенки действия, состояния и качества, и обстоятельственные, которые обозначают временные и пространственные обстоятельства действия.

В монгольском языке качественные признаки действия выражаются именами качественными (см. раздел об именных частях речи), сопутствующими деепричастиями (*яаран* 'торопясь'; 'торопливо', *нарийвчлан* 'доискиваясь', 'уточняя'; 'тщательно', 'детально', 'внимательно' и т. д.), именами существительными в формах соответствующих падежей (*амжилттайгаар* 'с успехом', 'успешно', *инээдтэйгээр* 'смешно' и буквально 'со смехом', *шуугиантайгаар* 'с шумом', 'шумно'), и т. п. Поэтому определительных наречий сравнительно немного, они представляют собой преимущественно такие слова, которые употребляются лишь с известным кругом глаголов и чрезвычайно трудны с точки зрения их перевода, например на русский язык (в большинстве случаев смысловые оттенки этих наречий возможно передавать русскими глагольными приставками „раз-", „про-" и т. п.): 1) *хага* 'надвое' (*хага цавч-* 'разрубить' при *цавч-* 'рубить', *хага цохь-* 'разбить ударом надвое' при *цохь* 'бить'); 2) *бут* 'вдребезги' (преимущественно о предметах, раздробляющихся на мелкие куски: *бут цохь-* 'разбить вдребезги', *бут уна-* 'упасть, разбившись вдребезги' при *уна-* 'упасть', *бут ниргэ-* 'разгромить' при *ниргэ-* 'греметь'); 3) *дэлбэ* 'вдребезги' [преимущественно о предметах, взрывающихся и лопающихся с известным шумом: *дэлбэ тат-* 'разрывать', 'разламывать' при *тат-* 'тянуть', *дэлбэ дайр-* 'преодолеть', 'раздвинуть' (например, груду вещей, большую толпу и т. д.) при *дайр-* 'задевать', 'толкать', 'нападать', *дэлбэ үсэргэ-* 'разрывать', 'взрывать' при *үсэргэ-* 'брызгать']; 4) *зад* 'вдребезги' [преимущественно о предметах, раскрывающихся или падающих, что-либо обнажая: *зад тат-* 'разломать' (например, забор или дверь), *зад цохь-* 'ударить, расстроив или обнажив' (например, стену или цепь неприятельских войск)]; 5) *хэмх* 'вдребезги' [преимущественно о предметах, рассыпающихся на мелкие

частицы в виде пылинок и т. д.: *хэмх цохь-* 'разбить', 'раздробить на мельчайшие частицы', *хэмх уна-* 'падать' (рассыпаясь на мелкие частицы)]; 6) *суга-* отдельно непереводимо (о резком движении: *суга тат-* 'выдернуть', 'выхватить' при *тат-* 'тянуть', *суга цохь-* 'выбить', 'вышибить' при *цохь-* 'бить'); 7) *хуга* 'ломаясь'—отдельно непереводимо (преимущественно о предметах, подвергающихся перелому: *хуга дар-* 'переломить давлением' при *дар-* 'давить', *хуга цохь* 'переломить ударом', *хуга тат-* 'сломать выхватывая'); 8) *цоо* 'насквозь', 'навылет' (в речи об огнестрельных или острых предметах: *цоо бууд-* 'пристрелить' при *бууд-* 'стрелять', *цоо хатга-* 'проткнуть' при *хатга-* 'колоть'); 9) *нэвт* 'насквозь' (в речи о предметах, проникающих во все поры других предметов или во все сферы окружающего, например: *ой нэвт гар-* 'пройти через весь лес насквозь', *нэвт нор-* 'промокнуть до нитки' при *нор-* 'мокнуть', *нэвт мэд-* 'знать все досконально'; иногда близко по значению к предыдущему *цоо*: *нэвт харва-* 'пристрелить из лука кого-либо или что-либо насквозь'); 10) *шувт* — это наречие близко к предыдущему *нэвт*, но означает такое проникновение одних предметов в другие, при котором они проходят дальше (*шувт нор-* 'промокнуть так, что вода стекает' при *нэвт нор-* — вода не стекает); 11) *мулт-* отдельно непереводимо и употребляется в речи о предметах, которые при определенных действиях срываются или вырываются (*мулт тат-* 'вырвать', 'выдернуть', *мулт цохь-* 'выбить')[1].

К этим определительным наречиям образа действия примыкают так называемые изобразительные слова типа *сэр* [*сэр салхилна* 'дует ветер легким и плавным дуновением' при *салхил-* 'дуть' (о ветре)], природа которых пока еще недостаточно изучена и которые часто смешиваются с междометиями и звукоподражаниями.

Количественные оттенки действия или качества выражаются определительными количественными наречиями: 1) *маш*

[1] Значения этих определительных наречий можно отчасти уловить в производных от них глаголах, которые приводим в том же порядке: 1) *хагал-* 'расколоть', 'разорвать', 'пахать', 2) *бутла-* 'разбивать', 'раздроблять', 'крошить', 3) *дэлбэл-* 'взрывать', 'взорвать', 'прорывать', 4) *запла-* 'раскрывать', 'развязывать', 'раскладывать', 'обнажать', 'анализировать', 'расплетать', 'распечатывать', 5) *хэмхэл-* 'разбивать', 'разламывать', 6) *сугал-* 'выдергивать', 'вырывать', 7) *хугал* 'разломать', 'переломать', 8) *цоол-* 'продырявить', 'проколоть', 'пробивать', 9) *нэвтэр-* 'впитываться', 'внедряться', 'проникать', 10) *шувтар-* 'проходить насквозь', 'заканчиваться', 'выдавливать', 'выжимать содержимое' и 11) *мултал-* 'вырывать', 'выдергивать', 'вытаскивать', 'вынимать'.

'очень', 'весьма', *нэн* 'особенно', 'слишком', 'чрезвычайно' и *тун* 'весьма', которые сочетаются с именами прилагательными, качественными и производными от последних глаголами, например: *маш сайн* 'очень хороший', 'очень хорошо', *маш олон* 'очень много', *маш муудав* 'весьма ухудшился', *нэн хэрцгий* 'чрезвычайно жестокий', *нэн түргэсэв* 'слишком поспешил', *тун хурдан* 'весьма быстрый', *тун ихдэв* 'слишком увеличился'; 2) *огт* 'совсем', 'совершенно', сочетается только с отрицанием *үгүй*|*-гүй* 'не', 'нет', 'без', например: *огт үгүй* 'совсем нет', *огт мэдэхгүй* 'совершенно не знает', *огт хэрэггүй* 'совсем ненужный', 'совершенно не нужно'; 3) *бас* 'еще', 'опять' и *арай* 'едва', 'кое-как', 'чуть', 'почти', которые сочетаются с именами и глаголами, например: *бас ирэв* 'опять прибыл', *бас нэг* 'еще один', *бас сайн* 'также хороший', 'также хорошо', *арай болоогүй* 'чуть не хватило'; 'пока еще не настало' (о времени), *арай дээр* 'чуть лучше', *арай голтой* 'еще живой', *арай гэж бичив* 'кое-как написал', *арай сайжирчээ* 'почти улучшилось'.

К обстоятельственным наречиям места и времени относятся следующие слова: *энд* 'здесь', *эндээс* 'отсюда', *тэнд* 'там', *тэндээс* 'оттуда', *ийш* 'сюда', *тийш* 'туда,' *үүгээр* 'здесь', 'по этой стороне', *тэрүүгээр* 'там', 'по той стороне', *дээр* 'наверху', *дээрээс* 'сверху', *дор* 'внизу', *дороос* 'снизу', *хойно* 'сзади', *хойгуур* 'позади', *гадаа* 'во вне', *сүүлд* 'в конце', 'после', 'потом', *хожим* 'потом', 'после' и другие. Примеры: *энд юм байна* 'здесь имеется что-то', *эндээс явав* 'отсюда пошли', *тэнд морь явна* 'там идет лошадь', *тэндээс гарав* 'вышли оттуда', *ийш ирэв* 'прибыл сюда', *тийш одов* 'отправились туда', *үүгээр гарав* 'прошел по этой стороне', 'зд-сь вышел', *тэрүүгээр мал явна* 'там, по той стороне, скот идет', *дээр сууна* 'сидит наверху', *дор хэвтэнэ* 'лежит внизу', *дороос гарав* 'вышел снизу', *хойно явна* 'ходит сзади', *хойгуур ус бий* 'позади имеется вода', *гадаа юу байна?* 'что имеется во вне (во дворе, вне юрты)?', *сүүлд ирээрэй*! 'потом приходи!', *хожим ирэхгүй* 'после не придет'. Многие из этих наречий представляют собой имена, как бы „застывшие" в форме дательно-местного (*энд и тэнд* от омертвелых основ с утраченными значениями *эн-* и *тэн-*, *сүүлд* от *сүүл* 'хвост'), исходного (*эндээс* и *тэндээс* от *энд* и *тэнд*) или орудного (*үүгээр* и *тэрүүгээр* от *энэ* 'этот' и *тэр* 'тот') падежей[2]. Поскольку качественные имена или су-

[2] Это и послужило поводом для неправильного утверждения о том, что в монгольском языке наречия могут склоняться.

ществительные типа *эрт* 'ранний', *өглөө* 'утро', *үдэш* 'вечер', *орой* 'поздний', *хавар* 'весна' и т. п. довольно часто употребляются в форме своей основы в обстоятельственной функции (соответственно в значениях 'рано', 'утром', 'вечером', 'поздно', 'весною' и т. д.), то они иногда неправильно определяются как обстоятельственные наречия, омонимичные с соответствующими другими частями речи.

Синтаксические связи между словами в монгольском языке, кроме падежного склонения, осуществляются также послелогами, которых в языке довольно много. Однако собственно послеложных слов очень немного: 1) *тул* 'для', (управляет родительным падежом—*багшийн тул* 'для учителя') и 'так как' (при именительном падеже—*багш тул* 'так как является учителем'); 2) *тухай* 'о', 'насчет чего-либо' (управляет родительным или именительным падежом—*явахын* или *явах тухай* 'о том, что пойдет'); 3) *тухайд* 'по случаю' (*ирсэн тухайд* 'по случаю прибытия'); 4) *бүр* 'каждый' (управляет именительным падежом—*жил бүр* 'каждый год', 'ежегодно'); 5) *бүхэн* 'каждый', 'все' (управляет именительным падежом—*орон бүхэн* 'каждая страна', 'все страны'); 6) *мэт* 'вроде', 'подобно', 'подобный' (управляет родительным или именительным падежом—*энэ мэт* 'вроде этого', 'подобный этому', *миний мэт* 'вроде меня', 'подобный мне') и немногие другие. Особенностью этих послелогов является то, что они могут изменяться по падежам, кроме *тул* и *тухай* (факультативные *тулд* и *тухайг* не вносят никаких новых значений), например: *багш бүрээс* 'от каждого учителя', *багш бүрийг* 'каждого учителя', *чиний мэтийг* 'такого, как ты', *сурагч бүхэнд* 'каждому учащемуся', 'всем учащимся' и т. п., впрочем, эти слова являются послелогами особого рода, которые могут употребляться субстантивно, но вместе с подчиненными им словами. Кроме этих немногих собственно послелогов, в монгольском языке имеется очень большое количество наречий и имен, которые, выполняя синтаксически служебную роль и теряя свои самостоятельные значения, оказионально употребляются в значении послелогов. Это в большинстве случаев обстоятельственные наречия, рассмотренные выше (*дээр ширээ байна* 'наверху есть стол', но: *ширээн дээр* 'на столе', *гадаа гэр байна* 'во вне находится юрта', но: *гэрийн гадаа* 'вне юрты', *өмнө нь багш* 'впереди учитель', но: *багшийн өмнө* 'впереди учителя' и т. д.), имена существительные (*дотор* 'внутренность' в значении 'в', например: *гэр дотор* 'в юрте'; *ар* 'зад' в дательно-местном падеже—*ард*—в значении 'сзади', 'позади' и т. п.) и некоторые другие [3].

Частицы, т. е. слова без самостоятельного лексического значения и синтаксических функций, в монгольском языке подразделяются на: 1) подтвердительные: *шүү* ||*шүү* 'ведь' (*явна шүү* 'ведь ходит', *ирсэн шүү* 'ведь прибыл', *сайн шүү* 'ведь хорош', *тэр шүү* 'ведь тот'), *даа*|| *доо* |*дөө* ||*дээ* 'именно' (*явна даа* 'именно идет', *олон доо* 'именно много', *өргөв дөө* 'именно поднял', *ирнэ дээ* 'именно прибывает'); 2) вопросительные: *уу*||*үү* (при отсутствии в предложении вопросительных слов: *явна уу?* 'идет ли?', *цэцэн үү?* 'умен ли?'), *вэ*|*бэ* (при наличии в предложении вопросительных слов: *энэ хэн бэ?* 'это кто?', *та хэзээ ирэв бэ?* 'когда вы прибыли?', *багш хаа явав бэ?* 'куда это ходит учитель?'); 3) логического ударения или выделительные: *л* 'именно' (*би ном л авлаа* 'я взял именно книгу', *ном би л авлаа* 'книгу взял именно я'), *ч* 'и' (*тэр ч надад хэрэгтэй* 'и тот мне нужен', *тэр надад ч хэрэгтэй* 'тот нужен и мне', *энд ч тэнд ч явна* 'ходит и тут и там'); 4) отрицания и запрета: *үл, эс, битгий* и *бүү*, употребляемые при глагольных формах (см. в разделе об изменении и употреблении глаголов). Иногда частицами называют модальные слова типа *за* 'ладно' 'хорошо' или *биз* 'вероятно'.

Союзов в современном монгольском языке нет, если не считать книжных слов *ба, бөгөөд, болоод* или *болон*, имеющих значение 'и', 'да' (*хонь ба ямааны ноос* 'шерсть овец и коз', *дарга бөгөөд багш* 'начальник и учитель'—чаще всего в речи об одном лице, *хүн хийгээд адуус* 'люди и животные', *тариа болоод ногоо* 'хлеба и травы', *Цэрэн болон Бат* 'Цэрэн и Бата'). В речи об однородных предметах, преимущественно одушевленных, обычным является употребление количественных числительных в значении сочинительных союзов: *Цэрэн Бат хоёр* 'Цэрэн и Бата', *чоно туулай хоёр* 'волк и заяц' *морь, тэмээ, хонь гурав* 'конь, верблюд и овца' (соответственно в буквальном переводе: 'Цэрэн Бата два', 'волк заяц два' и 'конь, верблюд, овца три'). Эти союзы, подобно послелогам, по произ-

[3] В современном монгольском языке наречие *дээр* 'наверху' в значении послелога 'на' начинает подчиняться гармонии гласных (*наадам даар* 'на олимпиаде', *орон доор* 'на кровати', *дөрөөн дөөр* 'на стремени'). То же самое наблюдается и в отношении некоторых других наречий-послелогов. Подробный перечень послелогов см.: Г. Д. Санжеев, *Сравнительная грамматика монгольских языков*, т. I, М., 1954, стр. 204 – 238.

ношению примыкают к первому компоненту сочинительного сочетания: если по-русски говорят „Цэрэн- и-Бата," то по-монгольски принято говорить *Цэрэн-ба- Бат*.

О междометиях монгольского языка здесь можно сказать лишь то, что они в повествовании сопровождаются речевым глаголом *гэ-* 'говорить': *Багачууд уухай гэж хашгарав* 'Дети закричали: „Браво!"' *Тэд тий тий гэж дуу гарсаар явна* 'Они идут, восклицая (от холода) „Ух!"'. В этом отношении к междометиям довольно близки изобразительные и звукоподражательные слова, природа которых пока еще недостаточно изучена [4].

СИНТАКСИС

ФОРМЫ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СВЯЗИ

В современном монгольском языке грамматические связи слов—лексические и синтаксические словосочетания—осуществляются посредством сочинения и подчинения.

Сочинение характерно тем, что обычно оформление получает последний из однородных компонентов сочетания, тогда как прочие остаются в форме своей основы, т. е. не принимают никаких показателей (исключение представляют лишь местоимения), например: *Дамдин, Галдан, Алтан гуравны ном* 'книги Дамдина, Галдана и Алтана' (букв. 'Дамдин, Галдан, Алтан троих книги'), *хавар намрын ажил* 'весенние и осенние работы' (букв.: 'весна осени работы'); *хонь ямааны ноос* 'шерсть овец и коз' (букв.: 'овца, козы шерсть'); *зочид машин, морь, морин тэрэг, моторт дугуйгаар ирэв* 'гости прибыли на машинах, верхом (на лошадях), конных телегах и мотоциклах' (букв.: '... машины, лошади, конные телеги, мотоциклами'). Однако при логическом ударении (особенно при употреблении парных слов, совместного падежа и т. д.) возможно соответствующее оформление каждого из однородных компонентов (однородных членов предложения и т. д.), например: *Зочид машинаар, мориор, морин тэргээр, моторт дугуйгаар ирэв* 'Гости прибыли [кто] на машинах, [кто] верхом, [кто] на конных телегах, [кто] на мотоциклах'; *Адуу малаар, хонь ямаагаар, нохой гахайгаар баян* 'Богат табунами и стадами, овцами и ко-

[4] Имеется лишь исследование Ц. Б. Цыдендамбаева [см.: Ц. Б. Цыдендамбаев, *Изобразительные слова в бурятском языке* (сб. „Филология и история монгольских народов", М., 1959), стр. 136—151].

зами, собаками и свиньями' (букв.: '... табун стадами, овца козами, собака свиньями,'—в парных словах оформляется всегда лишь второй компонент); *Цэрэн зуугаад хонь-той, тавиад сарлагтай, гучаад морьтой, хориод тэмээтэй* 'Цэрэн имеет около сотни овец, около пятидесяти сарлыков, около тридцати лошадей и около двадцати верблюдов'. В глагольных многосказуемостных и сочиненных предложениях срединные сказуемые чаще всего оформляются сопутствующими деепричастиями: *Бат морио бариад хонио услав* 'Бата поймал коня и напоил овец' или 'Бата, поймав коня, напоил овец'; *нар гарч дулаан болов* 'солнце поднялось и стало тепло' (букв.: 'солнце, поднимаясь, стало тепло'). Опять-таки при логическом ударении возможно недеепричастное оформление и срединных сказуемых: *Бат морио барив, хонио услав* 'Бата поймал коня и напоил овец'; *нар гарав, дулаан болов* 'солнце поднялось, и стало тепло'. Сочинительными являются образования парных слов (см.: раздел о лексике) и удвоение основ, применяемое для усиления качественных имен, глаголов и имен вообще: *бага багаар* 'понемногу', 'мало-помалу', *яв явсаар* 'продолжая все идти и идти' (единственный случай семантического несовпадения глагольной основы с повелительной формой второго лица), *гэр гэртээ* 'по домам' и т. п.

Подчинение в монгольском языке достигается при помощи порядка слов, примыкания, интонации, согласования и управления.

Порядком слов дифференцируются определение и определяемое, подлежащее и сказуемое: определение и подлежащее всегда ставятся перед определяемым и сказуемым (отдельные инверсии в поэтической и небрежной устной речи не меняют общей картины): *нэг морь* 'одна лошадь', *хурдан морь* 'быстрая лошадь', *малын хашаа* 'двор для скота' (букв.: 'скота двор'), *багшийн ном* 'книга учителя' (букв.: 'учителя книга'), *тэндээс ирсэн сурагч* 'ученик, прибывший оттуда' = 'ученик, который прибыл оттуда' (букв.: 'оттуда прибывший ученик'), *эх ирэв* 'мать прибыла', *багш дээд сургуулийн оюутан болов* 'учитель стал студентом высшей школы' и *дээд сургуулийн оюутан багш болов* 'студент высшей школы стал учителем'. Таким образом, имена прилагательные и качественные, а также причастия оказываются определениями в положении перед именами и сказуемыми: *хурдан морь* 'быстрая лошадь', *цагаан цас* 'белый снег', *явсан багш* 'ушедший учитель'—*морь хурдан* 'лошадь быстра', *цас цагаан* 'снег бел', *багш явсан* 'учитель ушел'.

В распространенном предложении дополнения и обстоятельства, как и подлежащее, ставятся перед сказуемым, причем ближайшее место по отношению к последнему занимает тот из членов предложения, на который падает логическое ударение или который подчиняется посредством примыкания: *бид* ***маргааш*** *явна* 'мы отправимся **завтра**'—*маргааш* ***бид*** *явна* 'завтра отправимся **мы**', *чамайг бид* ***тэнд*** *харав* 'тебя мы видели **там**'—*бид тэнд* ***чамайг*** *харав* 'там мы видели **тебя**', логическая акцентуация достигается также употреблением частицы *л* (см. раздел о неизменяемых частях речи).

В порядке примыкания в монгольском языке употребляются все имена в функции определения, наречия и деепричастия (см. примеры в соответствующих разделах морфологии). Поскольку дело касается примыкания имен к именам же, то определяющим подчиненность является порядок слов: *төмөр тулгуур* 'железная подпорка' и *тулгуур төмөр* 'подпорочное железо', *ном сайн* 'книга хороша' и *сайн ном* 'хорошая книга'.

Интонация, или интонационное членение предложения, собственно—пауза, играет большую роль там, где бессильными оказываются прочие средства подчинения, и поскольку в монгольском языке отсутствует согласование определения с определяемым и сказуемого с подлежащим, например: *гэрт суусан—Алтангийн эх* 'мать Алтана, сидящая в юрте' и *гэрт суусан Алтангийн эх* 'мать Алтана, сидящего в юрте' (знаком тире в примерах обозначается пауза, отсутствие этого знака означает слитное произношение); *гурван—морьтой ард* 'три конных арата' и *гурван морьтой ард* 'арат с тремя конями'; *энэ—морь* 'это—лошадь' и *энэ морь* 'эта лошадь'; *Балдан—багш* 'Балдан [есть] учитель' и *Балдан багш* 'учитель Балдан' (см. приложение); *Жамбал—Доржийнд очив* 'Джамбал отправился к Дордж' и *Жамбалдоржийнд очив* '[Кто-то] отправился на дом к Джамбалдорж' и т. п.

О согласовании в монгольском языке можно говорить лишь применительно к предложениям с повелительно-желательными формами глагола, в которых сказуемое согласуется с подлежащим в лице: *та яв*! 'вы идите!', *тэр яваг*! 'пусть тот идет!', *бид явья!* 'мы пойдем' и т. п. Вообще же определение и сказуемое не согласуются с определяемым и подлежащим: *сайн моринд* 'хорошей лошади', *сайн морьдоор* 'хорошими лошадьми', *морь явна* 'лошадь идет', *морьд явна* 'лошади идут' (букв.: 'хорошая лошади' 'хорошая лошадьми', 'лошадь идет' и 'лошади идут').

Управление сводится к употреблению того или иного слова в форме одного из падежей или с послелогами (примеры см. в разделах о падежах и послелогах). Особенности монгольского падежного и послеложного управления заключаются в том, что 1) имена могут управлять лишь родительным и совместным падежами, за исключением качественных имен, которые могут управлять орудным и исходным падежами, например: *малаар баян* 'богат скотом', *модоор ховор* 'скуден лесами', *надаас их* 'больше меня', *цаснаас цагаан* 'белее снега', *тэнд эндхээс олон* 'там больше, чем здесь' или 'там больше здешнего' и т. д.; 2) в определительно-именных сочетаниях употребление послелогов невозможно (в необходимых случаях локальные послелоги при помощи суффикса *-хи*|| *-хь*|| *-х* превращаются в локальные прилагательные: *хорооны дэргэдэх сургууль* 'школа при комитете', т. е. 'школа, находящаяся при комитете'). Поэтому при переводе, например, с русского языка предложно-определительных конструкций приходится как бы вставлять необходимые по смыслу глаголы или прибегать к родительному или совместному падежам, например: 'гость из Улан-Батора'—*Улаанбатараас ирсэн зочин* (букв.: 'из Улан-Батора прибывший гость'), 'стол из карельской березы'—*карел хусаар хийсэн ширээ* (букв.: 'карельской березой сделанный стол'), 'кот в сапогах'—*гуталтай муур* (букв.: 'с сапогами кот') и т. п. Русские сочетания „для" с отглагольными именами передаются в монгольском языке причастными определениями: 'книга для чтения'—*унших ном* и 'машина для очистки снега'—*цас арилгах машин* (букв.: 'читать книга' и 'снег чистить машина').

ТИПЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В монгольском языке разные типы предложения (повествовательные, вопросительные и побудительные; утвердительные и отрицательные; восклицательные) друг от друга не отличаются, если иметь в виду порядок слов, составляющих члены того или иного предложения (о порядке слов в предложении см. выше).

Повествовательные и побудительные предложения отличаются друг от друга лишь тем, что сказуемыми последних являются повелительно-желательные формы глагола (см. в разделе о глаголах) или „командные" слова типа *урагшаа!* 'вперед!'; *хойшоо!* 'назад!'; *нааш!* 'сюда!' и т. п., произносимые с повышенной интонацией,

тогда как в повествовательном предложении в качестве сказуемых выступают другие глагольные формы или вообще другие слова, произносимые без повышения интонации. Вопросительные предложения образуются либо при помощи вопросительных слов (тогда сказуемое может сопровождаться частицей *бэ*||*вэ*: *Тэр хэн бэ?* 'Кто он там?'; *Та гадаадын ямар хэл мэдэх вэ?* 'Какой иностранный язык вы знаете?'; *Багш хаа байна?* 'Где находится учитель?'; *Хэн ирэв?* 'Кто прибыл?'), либо посредством вопросительной частицы *уу*||*үү*, которой сопровождается сказуемое при отсутствии в данном предложении вопросительных слов, причем если логическое ударение падает не на сказуемое, а на другой член предложения, то последний произносится с повышенной интонацией и ставится непосредственно перед сказуемым (*та маргааш номын санд очих уу?* 'Вы завтра идете в библиотеку?'; *Маргааш номын санд та очих уу?* 'Завтра в библиотеку вы идете?'; *Багш захадал бичнэ үү?* 'Учитель будет писать письмо?').

Отрицательное предложение также не отличается от утвердительного с точки зрения порядка его членов, но его сказуемое сопровождается либо постпозиционной частицей отрицания *-гүй* 'не', если оно является именным или причастным (*би танайд очихгүй* 'я к вам не пойду'), либо препозиционными частицами отрицания (*эс* или *үл* 'не') или запрета (*бүү* или *битгий* 'не'), если оно является глагольным (в том числе и причастным), о которых уже сказано в разделе о глаголах.

Частноотрицательное предложение образуется при помощи относительного отрицания *биш* 'не, а...', которое ставится всегда после сказуемого, а поэтому отрицаемый член предложения выявляется в следующей, повторной, части предложения, например: *Багш сонин уншсан биш, ном уншсан* 'Учитель прочитал не газету, а книгу'; *Багш сонин уншсан биш, сурагч уншсан* 'Газету прочитал не учитель, а учащийся' (соответственно в буквальном переводе: 'Учитель газету не прочитал, книгу прочитал', 'Учитель газету не прочитал, учащийся прочитал'); *Багш сонин уншсан биш гэртээ орхисон* 'Учитель газету не прочитал, а дома оставил',— следовательно, сказуемое повторяется, если оно не отрицается само[1]. Однако в ответном предложении подобный повтор не является обязательным (поскольку отрицаемый член ясен из вопросительного предложения), причем

[1] В современном монгольском языке сочетания типа *нам бус* 'непартийный', 'беспартийный' или *хөрөнгө бус* 'некапиталистический' являются литературными новообразованиями.

отрицание *биш* ставится и в начале и в конце предложения: *Энэ таны харандаа юу? Биш, миний биш* 'Это ваш карандаш? Нет, не мой'.

Восклицательные предложения характерны тем, что их сказуемые произносятся с повышенной интонацией и часто эмфатическим удлинением гласного последнего слога, а также тем, что вопросительные слова употребляются без вопросительного значения. *Энд могой гарваа* (вместо *гарав*)*!* 'Здесь змея проползла!': *Яасан сайхан байшин бэ!* 'Какой прекрасный дом!'

Что касается классификации предложений по их составу и строению, то применительно к явлениям монгольского языка необходимо учитывать отсутствие в этом языке согласования сказуемого с подлежащим в числе и лице (не говоря уже о роде, которого вообще нет ни в одном из монгольских языков). Это обстоятельство сильно ограничивает возможность функционирования в монгольском языке односоставных предложений. Во всяком случае бесподлежащные предложения в этом языке встречаются чаще, нежели бессказуемостные, и, как правило, обусловливаются контекстом.

В монгольском языке односоставные бесподлежащные предложения могут быть лишь условно (с формально-грамматической точки зрения) подразделены на неполное и безличное[2]. Неполное бесподлежащное предложение, как и бессказуемостное, возможно только в определенном контексте, в диалогической речи и т. п., причем логически требуется обязательная постановка вопроса *хэн?* 'кто' или *юу?* 'что?' (*Багш юу хийв? Ном уншив* 'Что делал учитель? Книгу читал'). А между тем, безличные предложения не зависят от контекста и не требуют обязательной постановки вопроса *хэн?* или *юу?*: *Тариа хавар тарина* 'Хлеб сеют весной'; *Самбарт шохойгоор бичнэ* 'На доске пишут мелом'; *Хэзээээс энд зуншдаг болов?* 'С каких пор стали и здесь летовать?' Однако особенностью монгольских безличных предложений является то, что они беспрепятственно могут быть превращены в двухсоставные простой постановкой подлежащего (*Бид тариа хавар тарина* 'Мы хлеб сеем весной', *Тэд ан намар агнадаг* 'Они на зверя охотятся осенью', *Сурагчид самбарт шохойгоор бичнэ* 'Ученики на доске пишут мелом', *Гадаа цаг дулаан болов* 'На улице погода стала теплой', *Малчид хэзээнээс энд зун-*

[2] Природа безличных предложений монгольского языка еще не стала предметом специального лингвистического исследования.

шдаг болов? 'С каких пор скотоводы стали летовать здесь?'),— именно в этом смысле нет никакого различия между неполным и безличным бесподлежащными предложениями в монгольском языке. Тем не менее в этом языке безличные предложения, так сказать, чистого типа возможны в случаях, когда сказуемыми оказываются некоторые наречия и отдельные имена, например: *Тэр замаар явбал дээр* 'Лучше идти по той дороге'; *Эрт босвол олзтой, орой босвол гарзтай* 'Рано вставать — выгодно, поздно вставать — убыточно'.

Односоставное предложение без какого-либо сказуемого возможно преимущественно в диалогической речи или в речи при определенных условиях (стилизованное повествование в художественной литературе и т. д.) и не может быть безличным, всегда формально оказываясь лишь неполным, например: *Сургуулиас хэн ирэв?— Багш.* 'Кто пришел из школы?—Учитель'; *Намар. Хөндий дүүрэн айлнууд. Энд тэндгүй хурга, тугал, хонь, ямаа, адуу, тэмээ* 'Осень. По всей долине айлы. Там и здесь ягнята, телята, овцы, козы, лошади, верблюды'.

Двухсоставные предложения в монгольском языке не представляют ничего специфического, поэтому их мы оставляем без рассмотрения.

ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Если подлежащее и сказуемое или определение и определяемое в монгольском языке формально-грамматически дифференцируются без каких бы то ни было затруднений, то дополнения и обстоятельства во многих случаях поддаются различению нелегко и скорее семасиологически, а не грамматически[3].

Подлежащее представляет собой следующие части речи, употребляемые в форме именительного падежа: имена существительные, предметные и местоимения (*Багш ирэв* 'Учитель пришел'; *Энд алт элбэг* 'Здесь золото в изобилии'; *Та явав* 'Вы ушли'); имена прилагательные и имена качественные, а также причастия, причем эти слова обозначают либо субстантивированные признаки (качество или действие) предметов, либо оказиональные предметы, обладающие данным признаком, а поэтому одно и то же

[3] О порядке расположения членов предложения и однородных членах последнего говорилось уже выше, в разделе о формах грамматической связи.

предложение с такого рода подлежащими в зависимости от контекста переводится на другой язык различно (*Цагаан нь хараас дээр* 'Белое лучше черного', 'Белизна лучше черноты', 'Белый из них лучше черного'; *Сайн нь мэдэгдэв* 'Хорошее стало известным', 'Стал известным тот из них, который является хорошим', 'Его доброта стала известной'; *Мэдсэн нь сайн* 'Хорошо, что узнал'; *Чаддаг нь ирэв* 'Умеющий прибыл', 'Прибыл тот из них, который умеет'); числительные, обозначающие либо отвлеченное количество (математические величины), либо количество предметов, которые представлены в данном количестве и наименования которых (определяемое) опущены (*Найман нь долооноос их* 'Восемь больше семи'; *Гурав нь иржээ* 'Трое прибыли').

В монгольском языке довольно часто употребляются показатели подлежащего, которые ставятся после него и произносятся слитно с ним: *болбол* или, гаплологически, *бол* (форма условного деепричастия от *бол-* 'быть', 'становиться') или лично-притяжательные частицы, например: *Цэрэн бол* (или *Цэрэн нь*) *Доржийнд очив* 'Цэрэн отправился на дом к Дорж'; *Чиний явсан чинь сайн* 'Хорошо, что ты ушел'; *Хар нь Доржид хэрэгтэй болжээ* 'Черное пригодилось для Дорж'; *Гарсан нь орсноос амархан* 'Выйти легче, чем войти'. В устной речи показателем подлежащего является пауза, которая на письме обозначается запятой: *Цэрэн, Доржийнд очив* 'Цэрэн отправился на дом к Дорж'. Как видно из представленных примеров, необходимость показателя подлежащего в монгольском языке обусловлена тем, что, во-первых, в этом языке нет никакого согласования сказуемого с подлежащим и, во-вторых, именительный падеж, форма подлежащего, внешне совпадает с основой, в форме которой очень часто выступают прочие именные члены предложения (к тому же при однородных членах предложения соответствующее оформление получает последний из них, тогда как прочие остаются именно в форме основы). Вследствие этого подлежащее без показателя может быть принято за какой-нибудь другой член предложения, например если вместо *Хонь бол ямаанас тарган* 'Овца жирнее козы', *Хавар нь намраас дулаан* 'Весной теплее, чем осенью', *Цэрэн бол Дорожийнд очив* 'Цэрэн отправился на дом к Дорж' и *Тэмээ*, (напомним, что запятой обозначается здесь пауза) *адуунаас их* 'Верблюд больше лошади' — соответственно оставить эти же предложения без показателей подлежащего, то получится: '[Что-то] жирнее овцы и козы', 'Теплее, чем весной и осенью', '[Кто-то] отправился на дом к Цэрэндорж'

(в монгольском языке очень распространены сложные имена собственные) и '[Что-то] больше верблюда и лошади'.

Особенно необходимы показатели подлежащего в тех случаях, когда в функции последнего выступают имена прилагательные и причастия, поскольку иначе они могут быть поняты в определительной функции, например: *Хар нь Доржид хэрэгтэй болжээ* 'Черное пригодилось для Дорж', *Явсан нь Дамдины эцэг* 'Ушедший есть отец Дамдина', *Муу нь Дамдиныхь* 'Плохое принадлежит Дамдину' и *Тав нь зургаанаас* 'Пять из шести' — эти же фразы без показателей подлежащего значат: '[Что-то] пригодилось для Хардорж' (слово *хар* 'черный' часто используется как имя собственное), 'Отец ушедшего Дамдина', '[Что-то] принадлежит плохому Дамдину' и 'Из пяти-шести'. Равным образом имена качественные перед глаголами без тех же показателей подлежащего могут быть поняты как обстоятельства образа действия: *Сайн нь ирэв* 'Прибыл лучший из них' и *Сайн ирэв* 'Прибыл хорошо'; *Хамгийн муу нь бичив* 'Написал наихудший' и *Хамгийн муу бичив* 'Написал хуже всех'.

Разумеется, в тех случаях, когда из лексического содержания соответствующих имен подлежащее не может быть принято за какой-либо другой член предложения, показатель подлежащего не является обязательным, например: *Ав малаа услав* 'Отец напоил свой скот'; *Эх гутал авав* 'Мать взяла сапоги'; *Мал гол тийш явав* 'Скот отправился к реке'; *Мэргэд хэлэв* 'Мудрые сказали' (но: *Мэргэн нь хэлэв* 'Сказал мудрый' и *Мэргэн хэлэв* 'Сказал мудро'; если это имя употребляется как имя собственное Мэргэн и это известно слушателям, то показатель подлежащего может быть опущен: *Мэргэн хэлэв* 'Сказал Мэрген')[4].

Сказуемое выражается всеми именами, глаголами, кроме деепричастий (если сказуемое является конечным), и наречиями времени и места. Глагольные сказуемые в монгольском языке не представляют ничего специфического, но именные и наречные могут сопровождаться разного рода связками (однако связка настоящего времени очень часто опускается, например: *Энэ бол багш* 'Это — учитель'; *Галдан бол багш байсан* (*байна*) 'Галдан был учителем'; *Тэр байшин том* (*байна*) 'Тот дом большой'; *Би дунд сургуульд сурдаг* (*байна*) 'Я учусь в средней школе'; *Энэ*

[4] Имена прилагательные, качественные, числительные и причастия, находясь в форме именительного падежа и множественного числа, не могут быть определениями других слов.

харандаа муу (*байна*) 'Этот карандаш плохой'; *Энэ ном миний* 'Эта книга моя'; *Батын адуу зуу* 'Лошадей у Бата сто'; *Тэр цагт чи залуу билээ* 'В то время ты ведь был молод'; *Манай гэр эндээс дор* 'Наша юрта отсюда внизу'; *Мал гадаа* (*байна*) 'Скот во дворе'; *Чиний багш явсан хүн бол би* '[Вот это] я, который был твоим учителем' (букв.: 'Твой учитель ходивший человек — я'); *Энд дулаан, тэнд халуун* 'Здесь тепло, там жарко'. Как видно из примеров, имена в сказуемостной функции употребляются в форме именительного падежа.

Дополнения представляют собой имена в формах дательно-местного, винительного, исходного, орудного и совместного падежей, а также основы родительного падежа с некоторыми послелогами, например: *Ном чамд явуулав* 'Тебе отправили книгу'; *Багшаас дэвтэр авав* 'От учителя получили тетрадь'; *Морио ташуураар цохив* 'Коня ударили кнутом'; *Бид малаараа баян* 'Мы богаты своим скотом'; *Чи мориор ирэв* 'Ты приехал на коне'; *Аав багштай ярилцав* 'Отец беседовал с учителем'; *Чиний тухай юу гэнэ* 'Что говорят о тебе?'; *Би сонин уншив* 'Я прочитал газету'. Основа в качестве прямого дополнения употребляется преимущественно в тех случаях, когда то или иное слово по своему лексическому содержанию в данном предложении не может обозначать производителя действия, например: *Мал ус уув* 'Скот пил воду'; *Би гутал авав* 'Я взял сапоги' и т. п. Подобные имена в положении прямого дополнения принимают суффикс винительного падежа главным образом в случае логического их выделения: *Мал усыг уув* 'Скот пил [именно] воду'; *Би гутлыг авав* 'Я взял [именно] сапоги' и т. п. Поскольку же наличие некоторых местоименных и иных определений иногда предполагает логическое выделение, то именно в этих случаях часто прямое дополнение оформляется винительным падежом: *Мал тэр усыг уув* 'Скот пил ту воду' и *Би чиний гутлыг авав* 'Я взял [именно] твои сапоги'.

Обстоятельства представляют собой: 1) наречия, имена качественные, числительные и, изредка, причастия без какого бы то ни было морфологического оформления, т. е. в форме основы, например: *Адуу дээрээс буув* 'Табун спустился сверху'; *Чи орой явав* 'Ты отправился поздно'; *Эх аягаа бут унагаав* 'Мать разбила свою чашку вдребезги'; *Энэ морь чинь хурдан явна* 'Эта твоя лошадь идет быстро'; *Би энэ кино гурав үзэв* 'Эту кинокартину я видел трижды'; *Багш номоо барьсан оров* 'Учитель вошел, держа свою книгу' (букв.: 'Учитель свою книгу держав-

ший вошел'); 2) все имена и причастия в дательно-местном, исходном, орудном и совместном падежах, а также в форме основы и родительного падежа с послелогами, например: *Би далайн эргэд очив* 'Я отправился на берег моря'; *Багш хотоос ирлээ* 'Учитель прибыл из города'; *Мал тэр замаар явна* 'Скот идет по той дороге'; *Бид ажлаа амжилттай явуулав* 'Мы свою работу провели с успехом'; *Та ачаатай ирэв* 'Вы прибыли с грузом'; *Аав хот оров* 'Отец направился в город'; *Эх орны төлөө тэмцэнэ* 'Борются за родину'; *Чамайг явснаас хойш манай сурлага онц сайжирсан* 'После твоего ухода наша учеба чрезвычайно улучшилась'; *Нар гарахад бид босно* 'Мы встанем с восходом солнца' или '... когда солнце взойдет'; *Бид чиний ирснээр ирлээ* 'Мы прибыли одновременно с твоим прибытием'; *Бид их бороо орж байсан тул ажлаа хийсэнгүй* 'Так как шел большой дождь, мы не работали'; *Бид кино үзэхээр ирлээ* 'Мы прибыли [чтобы] посмотреть кинокартину'; 3) обстоятельственные и, логически по контексту, сопутствующие деепричастия: *Энд ирсээр долоон жил болов* 'С тех пор, как прибыли сюда, прошло семь лет' или 'После прибытия сюда прошло семь лет'; *Хот явахаа байна* 'Собирается ехать в город'; *Нар гарахлаар бид явна* 'Мы отправимся, как только взойдет солнце'; *Бороо орвол нойтон болно* 'Если будет дождь, то станет сыро'; *Намар болович халуун байна* 'Хотя осень и наступила, [все же] жарко'; *Ажлаа дуусмагц танайд бид очно* 'К вам пойдем мы, лишь только кончим свою работу'; *Чамайг тэндээс иртэл би энд сууна* 'Я буду сидеть здесь до тех пор, пока ты не придешь оттуда'; *Би ажилтай болоод кинод явсангүй* 'Я, будучи занят работой, в кино не пошел'; *Тэр намайг магтан сууна* 'Он сидит, расхваливая меня'.

Выше, в разделе о формах грамматической связи, уже говорилось о месте определения в предложении и об отсутствии согласования определения с определяемым. Поэтому здесь остается лишь указать, что в монгольском языке определение представляет собой какое-либо имя и причастие в формах именительного, родительного или совместного падежей, например: *сайн ном* 'хорошая книга' *морьтой айл* 'с лошадьми' (т. е. 'имеющий лошадей'), *эвлэлийн хороо* 'комитет союза', *ирсэн бараа* 'прибывший товар', *явсны тэмдэг* 'отметка об уходе' и т. п. При приложении имена собственные или обозначающие виды ставятся перед именами нарицательными и родовыми, например: *Туул гол* 'река Тола', *хусан мод* 'березовое дерево'

или 'береза', *хятад багш* 'учитель китаец', *Улаанбаатар хот* 'город Улан-батор', *Цэрэн багш* 'учитель Цэрэн'. Однако за последнее время наблюдаются и обратные случаи (преимущественно как кальки с русского): *генерал Бат* 'генерал Бата', *багш Цэрэн* 'Учитель Цэрэн', *нөхөр Дамдин* 'товарищ Дамдин' и т. п.

СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

В современном монгольском языке сложное предложение представляет собой преимущественно сочинительное сочетание ряда простых предложений, т. е. сложносочиненное предложение. Что же касается сложноподчиненных предложений, то они для этого языка не являются обычными, поскольку разнообразные причастные и деепричастные обороты как бы выполняют функции почти всех возможных типов придаточного предложения.

Характерная черта монгольского сложносочиненного предложения заключается в особенности оформления сказуемого отдельных простых предложений, которые в своей совокупности и составляют сложносочиненное предложение. Простейшим и ничего особо специфического не представляющим типом сложносочиненного предложения является такой, при котором все сказуемые простых предложений выражаются изъявительными и повелительно-желательными формами глагола, например: *Маргааш би хонио хяргана, эцэг минь тариагаа тарина* 'Завтра я буду стричь овец, а отец мой сеять хлеб'; *Нар гарах, бороо арилаг!* 'Пусть солнце покажется, а дождь исчезнет!' Такая форма выражения сказуемых обычно употребляется в художественных произведениях, в описаниях, особенно в пословицах и поговорках и при необходимости выделять эти сказуемые логически и эмоционально: *Хамаг мал явав, харагчин цагаагчин хоёр хоцров* 'Весь скот ушел, а остались лишь черная и белая коровы' (загадка о вороне и сороке после отлета птиц); *Би хичээлээ давтлаа, чи зураг зурлаа* 'Я повторял уроки, а ты рисовал картинки'.

Если же сказуемые сложносочиненного предложения выражаются именами и причастиями, то чаще всего (исключения весьма редки) все они как бы соединяются друг с другом одной общей связкой (однако связка настоящего времени, если она не содержит в себе какого-либо модального оттенка, почти всегда опускается), например: *Нөднин жил манай зуун тавин хонътой, ахынх зуун хорин хонътой байсан* 'В прошлом году наши имели сто пятьдесят овец, а семья старшего брата--сто двадцать овец' (букв.:

'В прошлом году наши со ста пятьюдесятью овцами, а семья старшего брата со ста двадцатью овцами **были**'); *Би багадаа хонио хариулдаг, эгч минь хургаа хариулдаг* ***байсан билээ*** 'Ведь я в детстве пас овец, а старшая сестра моя пасла ягнят'; *Одоо эцэг чинь жолооч, эх чинь багш биз* 'Теперь, кажется, твой отец шофер, а мать учительница'; *Багш нь энд, сурагч тэнд биш үү?* 'Разве учитель не здесь, а ученик не там?'; *Миний бодвол, тэр тэнд ус ногоонь элбэг , адуу мал нь тарган байсан* 'По-моему, вот там воды и травы были обильны, а табуны и стада жирны'.

Как видно из примеров, общими для всех частей сложносочиненного предложения являются не только связки, но и модальные и обстоятельственные слова ('в прошлом году', 'в детстве', 'теперь', 'по-моему' и 'вот там').

Второй и особенно характерной специфической чертой монгольского сложносочиненного предложения является то, что глагольные сказуемые частей последнего, кроме конечного или заключительного, выражаются также сопутствующими деепричастиями, например: *Тэнгэр дуугарч, цахилгаан цахив* 'Гром прогремел, молния засверкала' (букв.: 'Гром гремя, молния засверкала'); *Цахилгаан цахин, аянга буув* 'Молния засверкала, и удар грома разразился' (букв.: 'Молния засверкав, удар грома спустился'); *Бороо ороод, ногоо ургав* 'Дождь пошел, и трава выросла' (букв.: 'Дождь пошедши, трава выросла').

В монгольском языке нет особых соединительных, противительных и разделительных союзов, употребляемых в сложносочиненном предложении, а поэтому соответствующие значения выявляются только по контексту, например: *Эх нь тийш яваад, эцэг нь ийш ирэв* 'Мать ушла туда, а отец направился сюда' (см. также приведенные выше примеры). В некоторых случаях как бы вместо русского сложносочиненного предложения с противительными союзами „однако" или „но" в монгольском языке наблюдаются конструкции с уступительным деепричастием, например: *Бороо их орсон боловч, зам хэтэрхий нойтон болсон биш* 'Хотя и был сильный дождь, но дорога не стала чересчур грязной'—'Был сильный дождь, однако ж дорога не стала чересчур грязной.'

В монгольском литературном языке имеются, правда, союзы *бөгөөд, хийгээд, ба и болон* со значениями 'и', 'да' и 'а', но они не употребительны в живой устной речи и к тому же не являются сколько-нибудь изученными в монголистике,

Как уже сказано, в монгольском языке сложноподчиненные предложения не являются обычными, и в качестве таковых можно рассматривать лишь конструкции определительного характера, встречающиеся в этом языке также крайне редко. Суть этих конструкций заключается в том, что вопросительные слова *хэн* 'кто', *хаа* 'где', *хэзээ* 'когда' и т. п. при наличии в главном предложении указательных слов, потеряв свое вопросительное значение, применяются в функции союзов подчинения или относительных слов. При этом придаточные предложения с такими относительными словами являются развернутыми определениями указательных слов, имеющихся в главном предложении, например: *Хэн нь урьд ирнэ, тэр нь авна* 'Кто из них прибудет раньше, тот и получит'; *Хаа буунa, тэндээ хононо* 'Где остановится, там и переночует': *Хэзээ шинэ байртай болно, тэгэхдээ шинэ ширээ сандил авна* 'Когда будет иметь новую квартиру, тогда и купит новую мебель'; *Хаашаа чиглэнэ, тийшээ мордоно* 'Куда направится, туда и поедет'; *Хэдий мөнгө авсан, төдий мөнгө өгсөн* 'Сколько денег взял, столько денег и отдал'.

Вообще же в монгольском языке вместо придаточных предложений, характерных, например, для индоевропейских языков, широко распространены причастные и деепричастные обороты.

ПРИЧАСТНЫЕ И ДЕЕПРИЧАСТНЫЕ ОБОРОТЫ

Причастия и обстоятельственные деепричастия в монгольском языке вместе с зависящими от них словами образуют такие причастные и деепричастные обороты, которые отдельные исследователи называют придаточными предложениями. Такое определение этих оборотов не получает общего признания прежде всего потому, что в подобном случае крайне трудно провести границу между причастными и деепричастными членами предложения, с одной стороны, и тем, что называют придаточными предложениями — с другой. В монгольском языке причастия и обстоятельственные деепричастия широко употребляются и без зависящих от них слов, например: *Ирсэн мал энд бэлчинэ* 'Прибывший скот пасется здесь'='Скот, который прибыл, пасется здесь'; *Багш ирснийгээ мартав* 'Учитель позабыл о своем прибытии'= 'Учитель позабыл о том, что он прибыл'; *Чи ирвэл манайд ороорой!* 'В случае своего прибытия ты заходи к нам!' = 'Если прибудешь, ты заходи к нам!'. В подобных случаях причастия и деепричастия мон-

гологедами не считаются придаточными предложениями. Но как только причастия и деепричастия начинают обрастать заимствующими от них слогами, то они, по мнению некоторых исследователей, сразу же „образуют" придаточные предложения: ***Орой тэндээс ирсэн*** *мал энд бэлчиэ* 'Скот, **поздно прибывший оттуда** (= **который поздно прибыл оттуда**), пасется здесь'; *Багш* ***орой тэндээс ирснийгээ*** *мартав* 'Учитель позабыл **о своем позднем прибытии оттуда** (= **о том, что поздно прибыл оттуда**); *Чи* ***орой тэндээс ирвэл*** *манайд ороорой!* 'В случае **своего позднего прибытия оттуда** (=**если поздно прибудешь**) ты заходи к нам!'

Правда, отдельные монголоведы считают, что деепричастные и причастные обороты должны считаться придаточными предложениями лишь в том случае, если эти обороты имеют или потенциально могут иметь свое самостоятельное подлежащее, которому не подчиняется сказуемое главного предложения. Поскольку же в приведенных трех предложениях это невозможно, то выделенные нами причастные и деепричастные обороты не являются, согласно данной точке зрения, придаточными предложениями. Придаточными предложениями считаются причастные и деепричастные обороты типа: ***Малын тэндээс ирсэн*** *цагт бид энд байв* 'Во время **прибытия скота оттуда** (= 'В то время, **когда скот прибыл оттуда**') мы находились здесь'; *Багш* ***чамайг орой тэндээс ирснийг*** *мартав* 'Учитель позабыл **о твоем позднем прибытии оттуда** (= о том, **что ты поздно прибыл оттуда**); *Чи* ***намайг орой тэндээс ирвэл*** *манайд ороорой!* 'Ты, **если я поздно прибуду оттуда** (= **в случае моего позднего прибытия оттуда**), заходи к нам!' В этих примерах „придаточными" подлежащими, по мнению сторонников излагаемой точки зрения, соответственно являются *малын* 'скот', *чамайг* 'ты' и *намайг* 'я' (букв.: 'скота'—родительный падеж, 'тебя' и 'меня'—винительный падеж), а „главными"—*бид* 'мы', *багш* 'учитель' и *чи* 'ты'. Более того, согласно данной точке зрения, придаточные предложения могут состоять и из одного причастия или деепричастия, если глагольная форма в этом сочетании потенциально допускает свое отдельное подлежащее. Например, сочетание *суусан байшин* может означать только 'дом, в котором [кто-то] проживал' (следовательно, здесь придаточно-определительное предложение состоит из одного причастия *суусан*), тогда как *ирсэн морь* может означать либо 'прибывшая лошадь' (в этом случае причастие *ирсэн* не составляет придаточно-определительного предложения), либо 'лошадь, на которой [кто-то] прибыл' (здесь

стало быть, придаточно-определительное предложение, состоящее из одного причастия). В сочетании *би явбал авна* **'если пойду**, то возьму' условное деепричастие *явбал* не составляет придаточно-подчиненного предложения из-за отсутствия у него отдельного подлежащего, тогда как оно в сочетании *би явбал нь авна* **'если он пойдет**, я возьму' является придаточно-подчиненным предложением условия (частица *нь* показывает, что действие осуществляется третьим лицом, а поэтому данное деепричастие может распространяться: *багшийг тэнд явбал* 'если учитель пойдет туда').

Таким образом, более обоснованно считать причастия и обстоятельственные деепричастия вместе с зависящими от них словами, причастными и деепричастными оборотами, а не придаточными предложениями. Эти обороты, как видно из приведенных выше примеров, по своему содержанию соответствуют и именным оборотам (*чиний ирэхэд* 'при твоем прибытии', *чамайг иртэл* 'до твоего прибытия') и придаточным предложениям, например, русского языка ('когда ты прибыл' или 'прибудешь', 'до тех пор, пока ты не прибудешь'). Если особо говорить о причастно-определительных оборотах, то они соответствуют и причастным оборотам (***одоо явсан багш*** **'теперь отправившийся** учитель') и придаточно-определительным предложениям русского языка ('учитель, **который отправился теперь**').

Если причастные и деепричастные обороты обобщенно называть развернутыми членами предложения, то можно сказать, что последние представляют собой такую организацию слов, в которой: 1) порядок ее членов таков же, как и в предложении; 2) причастие и деепричастие являются двойственными в том смысле, что они, с одной стороны, подчинены следующему за ними глаголу или, поскольку речь идет о причастии, определяемому имени и, с другой — подчиняют себе зависящие от них слова; эти причастия и деепричастия являются как бы сказуемыми в составе своих оборотов; 3) подлежащее, если оно вообще возможно в данном обороте, представляет собой имя в именительном (редко), родительном или чаще всего винительном падеже[5]; 4) если в данном обороте нет или не может быть своего отдельного подлежащего, то соответствующее причастие (в неопределительной функции) или деепричастие, кроме условного и уступительного, сопровож-

[5] Определение того, какой из этих падежей употребляется как форма подлежащего причастных и деепричастных оборотов, требует специального рассмотрения.

дается частицей возвратного притяжания, например: *Багш энд ирэхдээ чамтай уулзана* 'Когда учитель прибудет сюда, то встретится с тобой'; *Чи тийш явтлаа энд суу!* 'До своего ухода туда сиди здесь же!'; 5) причастия и деепричастия в составе своих оборотов не могут сопровождаться разного рода модальными частицами и связками, что является неотъемлемым свойством именного и причастного сказуемого предложения вообще.

По характеру своих синтаксических функций причастные и деепричастные обороты могут быть подлежащными, определительными, сказуемостными, дополнительными или обстоятельственными (времени, цели, условия, причины, уступительности и т. д.) в зависимости от того, как оформлено причастие или какое обстоятельственное деепричастие употреблено в данном случае. Ниже приводим примеры и пояснения.

1. Подлежащные обороты—причастие с частицей личного притяжания: *Багачууд цэцэрлэгт тоглож байгаа нь эндээс харагдана* 'Отсюда видно, как дети играют в саду'; *Хэн хэнийгээ ялах нь одоо илэрхий болов* 'Теперь стало ясным, кто кого победит'; *Хаашаа явсан чинь тодорхой биш билээ* ' Не было ясно, куда же ты отправился'; в очень редких случаях частица личного притяжания не употребляется; это относится главным образом к устной речи, в которой большую роль в качестве показателя подлежащего играет интонация: *Гэнтэд баяссан гэнэнтэй, гэдрэг унасан өвчтэй* 'Обрадоваться неожиданно—быть, возможно, беде, упасть назад —больно'.

2. Определительные обороты, когда причастие стоит перед именем: *Номын сангаас таны авчирсан номыг уншлаа* 'Прочитали книгу, принесенную вами из библиотеки'= ... 'которую вы принесли из библиотеки'; = ..., 'которую вы принесли из библиотеки'; *Чиний суусан байшин тэр* 'Вот дом, в котором ты жил' =... 'где ты жил'; *Бидний сургуульд орсон жил* 'Год, когда мы поступили в школу'.

3. Сказуемостные обороты—причастие с зависящими от него словами в положении после подлежащего, выраженного местоимениями *энэ* 'это', *тэр* 'то' или любым именем с этими же местоимениями в функции определения: *Энэ бол таны надад хэлдэг* 'Это—то, что вы мне говорите'; *Энэ зураг бол Батын зурсан нь* 'Эта картина—написанное Батою,' т. е. 'Эта картина написана Батою'.

4. В дополнительных оборотах—причастие в вини-

тельном падеже или с послелогом *тухай*: ***Чамайг морио авчирсныг*** *бид мэдсэн* 'Мы узнали, что ты привел свою лошадь'; ***Чамайг хааш явахыг*** *би харна* 'Я буду видеть, куда ты пойдешь'; ***Байгалийн судлалын булан байгуулах*** *тухай тэд хэлэлцэв* 'Они рассуждали о том, как организовать уголок по изучению природы'.

5. Обстоятельственные обороты места—причастие в дательно-местном, орудном или исходном падеже, преимущественно при опущенном определяемом, а также с некоторыми локальными послелогами: ***Би чиний буусанд*** (вместо: *чиний буусан газарт*) ***буусан*** 'Я остановился там, где остановился ты' (вместо: '... на месте, где ...'); ***Бид чиний ирснээр ирлээ*** 'Мы прибыли так же, как и ты (по тому же месту, по той же дороге)'; *Бид* ***өчигдрийн та нарын түүснээс жимс түүлээ*** 'Мы собирали ягоды там же (из того же места), где и вы собирали вчера'; *Би маргааш хонио* ***өчигдрийн чиний бэлчээсэн өөд бэлчээнэ*** 'Я завтра буду пасти своих овец в том же направлении, где ты пас вчера'.

6. Обстоятельственные обороты времени—а) причастие в дательно-местном или орудном падеже: *Бид* ***чиний цагтаа ирэхэд*** *эндээс явна* 'Мы уйдем отсюда, когда ты прибудешь своевременно'; ***Хурлаа тарахаар*** *сурагчид харина* 'Учащиеся отправятся домой, как только кончится их собрание'; б) причастие с соответствующими послелогами: *Би* ***чамайг очихоос өмнө*** *очно* 'Я отправлюсь перед тем, как ты отправишься'; ***Бороо орсноос хойш*** *ногоо сайжирсан* 'После того, как шел дождь, травы улучшились; в) последовательное, предварительное, продолжительное или предельное деепричастие: *Би* ***маргааш нар гармагц*** *явна* 'Я отправлюсь, как только завтра взойдет солнце'; ***Чиний эндээс гэртээ явахлаар*** *зочид ирсэн* 'Только лишь ты отсюда пошел домой, как прибыли гости'; *Бид энд ирсээр* ***найман сар болов*** 'С тех пор как мы прибыли сюда, прошло восемь месяцев'; *Би* ***багшийг сургуулиасаа иртэл нь тийш очоод ирнэ*** 'До прихода учителя из школы я схожу туда'.

7. Обстоятельственные обороты цели и назначения—а) целевое деепричастие: *Бат* ***адуунаас морио барихаа*** *явсан* 'Бата отправился, чтобы из табуна ловить своего коня'; б) будущее причастие в родительном падеже и с послелогом *төлөө* или *тул* (*тулд*) 'для': *Бид* ***та багачуудыг эрдэм сурахын төлөө энэ сургууль байгуужээ*** 'Мы организовали эту школу для того, чтобы вы, дети, изучали науки'; *Эндэх ардууд* ***ногоо тарихын***

тулд нэг хэсэг газар бэлтгэв 'Здешние араты подготовили участок земли **для посадки овощей**'; в) будущее причастие в орудном падеже: *Бид маргааш майн баярт зориулсан гэдэглэг зохиохоор бэлтгэж байна* 'Мы готовимся **к тому, чтобы завтра организовать вечер, посвященный майскому празднику**'; г) будущее причастие с речевым глаголом *гэж* (букв.: 'говоря'): *Эгч сарлагаа саах гэж гарсан* 'Сестра вышла **подоить сарлыков** (коров)'.

8. Обстоятельственные обороты причины—а) причастие в исходном падеже: *Зун өвс сайн хадсанаас манай багийн ардууд малаа онд тарган оруулав* 'Араты нашего бага (низовой административной единицы) довели свой скот до новых трав в хорошем теле, **так как они летом много накосили сена**'; б) причастие с послелогом *тул* или *учир* (*учраас*) 'так как': *Их бороо орж байсан тул зам одоо болтол шавартай* '**Так как шел сильный дождь**, дорога до сих пор плохая (слякотная)'; в) причастие с речевым глаголом *гэж*: *Бид морио алга болчих бий гэж сандарлаа* 'Мы забеспокоились, **полагая, что наша лошадь вдруг исчезнет**'; г) разделительное деепричастие (паратаксически и, следовательно, контекстуально): *Нар гараад дулаан болов* '**Солнце взошло**, и стало тепло'.

9. Обстоятельственные обороты условия—условное деепричастие: *Маргааш тэнгэр цэлмэг байвал бид хонио хяргана* '**Если завтра погода будет ясная**, мы будем стричь овец'.

Изложенным, конечно, не исчерпываются все обстоятельственные причастные и деепричастные обороты, какие возможны в монгольском языке, или все формы выражения описанных оборотов. Так, например, можно было бы указать, что в соответствующих лексико-грамматических сочетаниях продолжительное и предельное деепричастия, подобно сопутствующим, образуют обстоятельственные обороты образа действия: *Аав адуугаа туусаар ирлээ* 'Отец прибыл, **все подгоняя свой табун**'; *Та мориныхоо гэдсийг тасартал оломложээ* 'Вы натянули подпругу **так, что на животе вашей лошади образовалась выемка**'. Кроме того, следовало бы отметить, что иногда будущее причастие в орудном падеже выражает не цель, а причину (*Би чамайг хэлэхээр мэдлээ* 'Узнал я **по тому, как ты сказал**'), в дательно-местном падеже—не время, а назначение или цель (*Би энэ номуудыг та нарыш уншихад бэлтгэв* 'Я приготовил эти книги **для того, чтобы вы их прочитали**'). В некоторых весьма редких случаях обороты могут образовать и качественные имена, например: *Чамайг*

зураг сайныг бид мэднэ 'Мы знаем, что ты искусен в рисовании'.

Речевой глагол *гэ-* 'говорить', различные формы которого, по мнению некоторых монголоведов, могут выполнять функции всевозможных союзов подчинения, является предметом специального исследования.

ПРИЛОЖЕНИЯ

МОНГОЛЬСКИЙ ТЕКСТ

Сувд Эрдэнэ хоёр

Сувд зуны амралтаар аавынхаа нутагт очиж амрав. Эрдэнэ бас харив. Удалгүй намар болж хотод эргэж ирэв. Эрдэнэ Сувдыг ирсэн өдөр мөн ирсэн байжээ. Тэгээд хоёр хайз сургууль дээр тохиолдож их баярлан зуны амралтад юу юу хийснээ одоо хүүрнэн ярьж байгаа юм байжээ. Эрдэнэ нутагтаа хариад хэрхэн амарсан, юу хийснээ ярив. Түүний бие амрахын сацуу ээждээ туслалцан мал ахуйдаа явж байснаа ярив. Нэг өдөр мал эрж яваад эрт галавын амьтны үлдэгдэл олсон дотор байхыг олж харснаа эрдэм шинжилгээний газар мэдэгдэхийг хүсч байгаа гэв.

Слова к тексту

аавынхаа (родительный падеж с частицей возвратного притяжания) 'своего отца'.

амар- 'отдыхать'; *амарсан* — прошедшее причастие; *амрав* — первая изъявительная форма прошедшего времени; *амрахын* — будущее причастие в форме родительного падежа.

амралт 'каникулы', 'отдых'; *амралтаар* — форма орудного падежа; *амралтад* — форма дательно-местного падежа.

амьтны — форма родительного падежа от *амьтан* 'животное'.

ахуйдаа в данном случае — 'в уходе за', 'в хозяйстве'.

байгаа юм — связка настоящего времени.

байжээ — связка прошедшего времени.

бас 'также', 'еще'.

баярлан — форма слитного деепричастия от *барла-* 'радоваться'.

болж — форма соединительного деепричастия от *бол-* 'наступать'.

гэв 'сказал' — прошедшее время от *гэх-* 'сказать'.

дотор 'в', 'внутри'.

дээр 'на', 'в', 'над'.

зуны — форма родительного падежа от *зун* 'лето'.

ир- 'прибыть'; *ирсэн* — форма прошедшего причастия; *ирэв* — первая форма прошедшего времени изъявительного наклонения.

их 'очень', 'много',

мал 'скот',
мөн 'также'.
мэдэгдэхийг — форма винительного падежа от *мэдэгдэх* 'сообщить'.
найз 'друг'.
намар 'осень'.
нутаг 'кочевье', *нутагт*—форма дательно-местного падежа; *нутагтаа*— то же с частицей возвратного притяжания.
нэг 'один'.
одоо 'теперь'.
олж — форма соединительного деепричастия от *ол-* 'найти'.
очиж — форма соединительного деепричастия от *оч-* 'отправляться'.
өдөр 'день'.
сацуу в данном случае —'не только', 'но и...'
Сувд 'Сувад' (собств. имя).
сургууль 'школа'.
тохиолдож — форма соединительного деепричастия от *тохиолд-* 'встретиться', 'попадаться'.
туслалцан — форма слитного деепричастия от *туслалц-* 'помогать'.
түүний 'его'; *бие* 'тело', 'личность'; *түүний бие* 'он'.
тэгээд 'затем'.
удалгүй 'скоро'.
үлдэгдэл 'остаток'.
хариад — форма разделительного деепричастия от *харь-* 'возвратиться домой', 'вернуться на родину'; *харив* — первая изъявительная форма прошедшего времени.
хар 'увидеть'; *харснаа* — прошедшее причастие с частицей возвратного притяжания.
хий- 'делать'; *хийснээ* — форма прошедшего причастия с частицей возвратного притяжания.
хоёр 'два', 'оба'.
хотод — форма дательно-местного падежа от *хот* 'город'.
хус- 'хотеть'; *хусч* — форма соединительного деепричастия.
хүүрнэн 'шумно'.
хэрхэн 'как'.
элсэн 'песок'.
эрдэм шинжилгээний газар 'научное учреждение'.
эргэж — форма соединительного деепричастия от *эргэ-* 'возвратиться'
Эрдэнэ 'Эрдэнэ' (собств. имя).
эрж — форма соединительного деепричастия от *эр-* 'искать'.
эрт галавын в данном случае —'доисторический'.
ээждээ — форма дательно-местного падежа с частицей возвратного притяжания от *ээж-* 'мать'.
юу 'что'; *юу юу* 'кто что...'
явж — форма соединительного деепричастия от *яв-* 'ходить', 'идти'.
ярь- 'беседовать'; *ярив* — первая форма прошедшего времени изъявительного наклонения; *ярьж* — форма соединительного деепричастия.

ПЕРЕВОД

Сувад и Эрдэнэ

Сувад на летние каникулы отправилась отдыхать в кочевье своего отца. Эрдэнэ также поехал домой. Скоро настала осень, и они вернулись в город. В тот день, когда прибыла в город Сувад, прибыл также и Эрдэнэ. И вот два друга, встретившись в школе и очень обрадовав-

шись, стали шумно рассказывать о том, что они делали во время летних каникул. Эрдэнэ рассказал о том, как он отдыхал и что делал, вернувшись в свое кочевье, рассказал, что он не только отдыхал, но и помогал своей матери в уходе за скотом. „Я хочу,—сказал Эрдэнэ,—сообщить научному учреждению о том, как однажды, разыскивая скот, я в песках нашел остатки доисторического животного".

БИБЛИОГРАФИЯ

Научное изучение монгольского языка впервые было начато в России в первой половине XIX в., главным образом деятелями Казанского университета О. М. Ковалевским, А. Бобровниковым и другими. Со второй половины XIX в. центром русского монголоведения становится Петербург, где эту отрасль нашего отечественного востоковедения до тридцатых годов XX в. развивали К. Ф. Голстунский, А. М. Позднеев, А. Д. Руднев, В. Л. Котвич, Б. Я. Владимирцов и другие. За рубежом в этот период монголоведение было представлено преимущественно в Финляндии (М. Кастрен и Г. Рамстедт) и Франции (П. Пеллио).

В двадцатых годах XX в. создаются многочисленные центры монголоведения в нашей стране (Москва, Ленинград, Улан-Удэ, Элиста и другие города), а также в Монгольской Народной Республике, в Польше, Венгрии, Германии, Англии, Японии, Франции, Финляндии, США. После 1949 г. монголоведение начало развиваться и в Китайской Народной Республике (Пекин, Хухэ-Хото).

Ниже приводится важнейшая литература по монгольскому языку, необходимая для общего знакомства с проблемами этого языка.

I. Словари

О. Ковалевский, *Монгольско-французско-русский словарь*, т. I—III, Казань, 1844—1849.

К. Ф. Голстунский, *Монгольско-русский словарь*, т. I—III, СПб., 1893.

К. М. Черемисов и Г. Н. Румянцев, *Монгольско-русский словарь* (по современной прессе), Л., 1927.

„Русско-монгольский словарь", Под редакцией Ц. Дамдин-Сурэна и Ш. Лубсан-Вандана, Улан-Батор, 1942.

„Монгольско-русский словарь", Под общей редакцией А. Лувсандэндэва, М., 1957.

II. Грамматики и учебники

А. Бобровников, *Грамматика монгольско-калмыцкого языка*, Казань, 1849.

О. Ковалевский, *Монгольская хрестоматия*, Казань, 1836—1837.

А. М. Позднеев, *Монгольская хрестоматия для первоначального преподавания*, СПб., 1900.

А. Р. Ринчинэ, *Учебник монгольского языка*, М., 1952.

Б. Х. Тодаева, *Грамматика современного монгольского языка. Фонетика и морфология*, М., 1951.

Ш. Лувсанвандан, *Монгол хэлний зүйн сурах бичиг*, Улаанбаатар, 1956.

L. Hambis, *Grammaire de la langue mongole écrite*, Paris, 1945.

K. Grönbech and J. R. Krueger, *An introduction to classical (literary) Mongolian*, Wiesbaden, 1955.

III. Общие труды

Б. Я. Владимирцов, *Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия*, Л., 1929.

Г. Д. Санжеев, *Сравнительная грамматика монгольских языков*, т. I, М., 1953.

Г. И. Рамстедт, *Введение в алтайское языкознание. Морфология*, М., 1957.

Ц. Дамдинсурэн, *Монгол хэл бичгийн тухай*, Улаанбаатар, 1957.

Wł. Kotwicz, *Contributions aux études altaïques* („Rocznik Orientalistyczny", t. VII, Lwow, 1930).

Wł. Kotwicz, *Studia nad językami altajskimi* („Rocznik Orientalistyczny", t. XVI, Kraków, 1953).

G. J. Ramstedt, *Einführung in die altaische Sprachwissenschaft*, I, *Lautlehre*; II, *Formenlehre*, Helsinki, 1952—1957.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 5
Введение 7
Фонетика 11
Гласные 11
Краткие гласные 12
Долгие гласные 12
Дифтонги 15
Сингармонизм 16
Ударение 20
Согласные 20
Палатализованные согласные 22
Структура слога 23
Лексика 26
Морфология 40
Общие сведения 40
Именные части речи 45
Склонение имен 53
Глаголы 61
Основы глаголов 61
Изменение и употребление глаголов 67
Неизменяемые части речи 74
Синтаксис 80
Формы грамматической связи 80
Типы предложения 83
Члены предложения 86
Сложное предложение 91
Причастные и деепричастные обороты 93
Приложения (текст и библиография) 100

Гарма Данцаранович Санжеев

СОВРЕМЕННЫЙ МОНГОЛЬСКИЙ ЯЗЫК

Утверждено
Институтом народов Азии
Академии наук СССР

Редакторы издательства *Т. Г. Брянцева, В. Д. Артамошина*
Технический редактор *Л. Т. Цигельман* Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Корректоры *Л. М. Манелли* и *А. С. Киняпина*

Подписано к печати 21/X 1960 г. А-08493 Формат 60×92¹/₁₆
Печ. л. 6,5 Усл. п.л. 6,5 Уч.-изд. л. 6,21 Зак. 311 Тир. 1000
Цена 3 р. 70 к. С 1/1 1961 г. цена 37 к.

Издательство восточной литературы Москва, Центр, Армянский пер., 2

Ротапринтный цех Издательства восточной литературы
Москва, Центр, Армянский пер., 2